БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1 2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Заместители главного редактора

ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Ответственный секретарь

ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; проректор по учебной работе Международного института управления и предпринимательства, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Агилера М. Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Deputy editors-in-chief

LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary

DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; vice-rector for academic affairs of the International Institute of Management and Entrepreneurship, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Aguilera M. University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

История философии

History of philosophy

УДК 1(091)

МУДРОСТЬ КНИГИ «НАЕДИНЕ С СОБОЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ» МАРКА АВРЕЛИЯ

А. В. РУБАНОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассмотрены взгляды древнеримского философа Марка Аврелия на устройство мироздания и нормы стоической морали, изложенные в книге «Наедине с собой. Размышления». Раскрыты понятия души и разума (духа и ума) человека. Показано, как философ разделяет то, что в поведении людей предопределено божьим промыслом, и то, что зависит от них самих и тесно связывается с отношением к себе. Отмечено, что предметами особого внимания в книге древнеримского стоика являются жизненная позиция человека, его ценностные ориентации, представления о добре и зле, самооценка и отношение к другим людям. Проанализированы высказанные в труде суждения о смысле жизни, целях и тактике человеческой деятельности, позитивных личных и профессиональных качествах людей, воспитании и самовоспитании.

Ключевые слова: философия; мораль; стоицизм; человек; разум; душа; добро; зло.

Образец цитирования:
Рубанов АВ. Мудрость книги «Наедине с собой. Размышления» Марка Аврелия. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:4–10.
EDN: RIQSZT

For citation:
Rubanau AV. The wisdom of the book «Alone with myself. Reflections» by Marcus Aurelius. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:4–10. Russian.
EDN: RIQSZT

Автор:
Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-4821-1937

THE WISDOM OF THE BOOK «ALONE WITH MYSELF. REFLECTIONS» BY MARCUS AURELIUS

A. V. RUBANAU[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article examines the views of the ancient Roman philosopher Marcus Aurelius on the structure of the universe and the norms of Stoic morality, as set forth in his book «Alone with myself. Meditations». The concepts of the human soul and mind (spirit and intellect) are explored. It demonstrates how the philosopher distinguishes between those aspects of human behaviour predetermined by divine providence and those aspects that depend on the individual and are closely linked to their attitude toward themselves. In this regard, the ancient Roman Stoic's book focuses particularly on a person's life position, their value orientations, their ideas of good and evil, their self-esteem, and their attitudes toward others. The article analyses the opinions expressed in the work on the meaning of life, the goals and tactics of human activity, positive personal and professional qualities, and education and self-improvement.

Keywords: philosophy; morality; stoicism; man; mind; soul; good; evil.

Несомненно, Марк Аврелий является уникальной личностью. С 161 по 180 г. н. э. он был римским императором, которого называют последним из пяти хороших императоров династии Антонинов. Он же являлся философом, одним из наиболее известных представителей позднего стоицизма (об этом подробнее см. [1]).

Изложение философско-этических взглядов Марка Аврелия логично начать с его представлений об устройстве мироздания. В основе этих представлений лежит тезис о том, что мир (космос, бог), который он чаще называет «Единым и Целым», – это «единое существо с единой сущностью и единой душой»[1] [2, кн. 4, тезис 40]. Этому миру древнеримский философ дает развернутую характеристику: «… всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному, ибовсе объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира. Ведь из всего составляется единый мир, все проникает единый бог, едина сущность всего, един закон, един и разум во всех разумных существах, едина истина» [2, кн. 7, тезис 9]. Все, что происходит в мире, «совершается согласно природе Целого, а не какой-либо иной сущности, объемлющей ли ее извне, или таящейся внутри, или же обособленной» [2, кн. 6, тезис 9]. А возможно, это связано с тем, что правящий разум (логос), который присущ миру, «знает самого себя, знает, что делать и с какой материей имеет дело» [2, кн. 6, тезис 5].

В основе представлений Марка Аврелия о человеческой личности лежит тезис о том, что человек – часть «Целого»: «Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого» [2, кн. 1, тезис 9]. В людях философ выделяет тело, душу и ум: «Телу принадлежат ощущения, душе – стремления, уму – основоположения» [2, кн. 3, тезис 16]. В другом случае он несколько изменяет терминологию, говоря, что человек состоит «из трех частей: тела, жизненной силы и духа» [2, кн. 12, тезис 3].

Приведем описание, данное им свойствам, как он выражается, разумной души: «…она созерцает самое себя, анализирует себя, делает себя такой, какой желает, сама пользуется приносимым ею плодом… Она достигает свойственной ей цели, когда бы ни был положен предел жизни… Разумная душа облетает далее весь мир и окружающую его пустоту, исследует его форму, проникает в беспредельную вечность, постигает периодическое возрождение Целого… Разумной душе свойственны и любовь к ближним, и истина, и скромность» [2, кн. 11, тезис 1]. В продолжение своей мысли о такой душе он пишет: «Изменение же и движение в ней лишь от нее самой» [2, кн. 5, тезис 19]. В связи с этим Марк Аврелий дает следующие наставления: «Помни о том, что все руководящее тобою таится внутри тебя самого. Здесь – дар слова, здесь – жизнь, здесь, если хочешь знать, весь человек» [2, кн. 10, тезис 38]; «Относись бережно к способности составлять себе убеждение. От этой способности всецело зависит, чтобы не возникло в руководящем тобой начале никакого убеждения, несогласного с природой и строем разумного существа. Она же предписывает нам не быть скорыми на решения, относиться с благожелательностью к людям и слушаться богов» [2, кн. 3, тезис 9]; «Не позволяй порывистости или медлительности твоих движений воздействовать на господствующую часть души» [2, кн. 5, тезис 26]. Однако он делает важную оговорку: «…руководящее начало не должно только прибавлять от себя убеждения о добре и зле» [2, кн. 5, тезис 26].

По мнению Марка Аврелия, для души человека особенно важно почтенное отношение к душе мира. Тот, «…кто чтит душу разумно-вселенскую и гражданственную, не смотрит уже ни на что

[1]Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

другое. Его более всего занимает, как сохранить разумность и уважение» [2, кн. 6, тезис 14]. Он отмечает: «Две особенности общи… Во-первых, ничто чуждое душе не может оказаться для нее препятствием. Во-вторых, душа может полагать свое благо в праведном настроении и действии и ими ограничить свое стремление» [2, кн. 5, тезис 34].

Особо философ подчеркивает тот факт, что человек имеет «свой собственный разум, общий у него с богами» [2, кн. 6, тезис 35]. В связи с этим он дает следующее наставление: «Живи в общении с богами! Но в общении с богами живет тот, кто постоянно являет им свою душу довольной своим уделом, действующей согласно желаниям гения, которого Зевс дал каждому человеку как наставника и руководителя и который есть частица его самого. Этот гений есть дух и разум каждого из нас» [2, кн. 5, тезис 27]. Также древнеримский мыслитель проводит образное сравнение: «Пора не только согласовать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха – для способного к дыханию» [2, кн. 8, тезис 54].

Переходя к рассуждениям о жизни людей, Марк Аврелий отмечает: «Разум и искусство разумной жизни суть способности, довольствующиеся собой и делами, согласными с ними. Их стремление направляется свойственным им началом, их путь прямо ведет к положенной им цели. Поэтому согласные с ними действия называются правильными, что указывает на правильность пути» [2, кн. 5, тезис 14]. Он советует во всех случаях руководствоваться двумя правилами искусства жизни: «Во-первых, делай только то, что внушает разум. Это господствующая часть твоего существа, которая направляет действия на пользу людей. Во-вторых, умей изменить свое мнение, если кто-то указал на твою ошибку или сумел переубедить тебя. Но изменять свое мнение возможно лишь в соответствии со справедливостью, общей пользой и тому подобным, а не потому, что новый взгляд кажется более легким, приятным или сулит славу» [2, кн. 4, тезис 12].

Жизненный путь человека философ связывает с общим устройством мира. По его мнению, мир устроен так, что «…созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т. е. в связи с тем, над чем господствует промысел» [2, кн. 1, тезис 3]. В этой ситуации судьба человека предопределена, и он должен принимать ее с радостью. Древнеримский мыслитель пишет: «Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе из века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием» [2, кн. 11, тезис 5]. Человеку следует любить все происходящее с ним по двум причинам: «Во-первых, происшедшее с тобой было предназначено тебе и как бы имело в виду тебя, будучи связано с тобой еще силой изначальной причины. Во-вторых, оно является причиной благоуспешности, совершенства и самого существования миродержавного правителя» [2, кн. 5, тезис 8].

Продолжая рассуждения о поведении людей, Марк Аврелий разделяет то, что предопределено божьим промыслом, и то, что зависит от самого человека. В связи с этим он пишет: «…устремляй свой взор туда, куда ведет тебя природа – природа Целого – тем, что случается с тобой, и твоя природа тем, что надлежит тебе делать» [2, кн. 7, тезис 55]. Он советует: «Прежде всего не смущай своего покоя… Затем, сосредоточившись на своем деле, вникни в него и, помня о том, что тебе надлежит быть хорошим человеком, и о том, каковы требования человеческой природы, неуклонно исполняй эти требования и говори так, как тебе кажется наиболее соответствующим справедливости; соблюдай благожелательность и скромность, избегай лицемерия» [2, кн. 8, тезис 5].

Поведение человека древнеримский философ рассматривает в тесной взаимосвязи с его отношением к самому себе и склонностью к самоанализу. Его исходное убеждение звучит так: «…неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души» [2, кн. 1, тезис 8]. В связи с этим он советует сосредоточиться «в самом себе» [2, кн. 7, тезис 28] и смотреть «внутрь себя» [2, кн. 7, тезис 59]. На вопрос о том, как это лучше сделать, Марк Аврелий отвечает следующим образом: «Люди ищут для себя уединения поближе к простой сельской жизни, где-нибудь на берегу моря или в горах. Ты тоже мечтаешь о чем-нибудь подобном, между тем это явное недомыслие: ведь есть возможность в любое время уединиться в самом себе. Нигде человек не уединяется так спокойно и безмятежно, как в своей собственной душе. Особенно тот, у кого есть внутри нечто такое, во что стоит только пристально вглядеться, как сейчас же станет легче. Это облегчение, по-моему, не что иное, как душевная благоустроенность. Вот этому уединению ты и предавайся постоянно, таким образом обновляя себя.

Пусть будут кратки и просты те доводы, которые, чуть только к ним прибегнешь, уже оказываются достаточными, чтобы устранить всякое раздражение, так что ты вернешься к своим делам уже без досады» [2, кн. 4, тезис 3].

Он дает еще один совет: «Если хочешь достичь душевного спокойствия, то ограничь свою деятельность необходимым… Ведь большая часть того, что мы говорим и делаем, не необходимо, и если бы кто-нибудь обошелся без этого, то был бы богаче досугом и беднее треволнениями. Поэтому в каждом отдельном случае следует спрашивать себя: “Относится ли это к числу необходимого?” И устранять следует не только не необходимые поступки, но и не необходимые представления, ибо за ними-то и следуют праздные поступки» [2, кн. 4, тезис 24].

Предметом особого внимания древнеримского философа-стоика выступает жизненная позиция человека. Приведем наиболее знаковые высказывания на этот счет: «Не забывай при всяком событии,

повергающем тебя в печаль, опираться на основную мысль: “Не событие это является несчастьем, а способность достойно перенести его – счастьем”» [2, кн. 4, тезис 49]; «Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды.

Я несчастен потому, что со мной случилось то-то и то-то. – Отнюдь нет. Наоборот, я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим» [2, кн. 4, тезис 49]; «Куда бы я не попал, я могу быть счастлив. Счастлив же тот, кто уготовил себе благую участь. Благая же участь – это благие склонности души, благие стремления, благие дела» [2, кн. 5, тезис 36]; «Если обстоятельства понудят тебя изменить своему душевному равновесию, то поспеши вернуться к самому себе и не отступать сверх необходимости от размеренных движений своей души. Ведь чем чаще будешь ты возвращаться к гармонии, тем более и более будешь укрепляться в ней» [2, кн. 6, тезис 11]; «Не думай о том, чего у тебя нет, как принадлежащем тебе. Выбери из того, чем обладаешь, наиболее ценное и сообрази, скольких усилий стоило бы его приобретение, если бы его у тебя не было. Но остерегайся, как бы, сосредоточив внимание на этом, ты не переоценил его значения и не лишился спокойствия духа при его возможной пропаже» [2, кн. 7, тезис 27]. Однако, пожалуй, наиболее известным является следующее высказывание: «Совершенство характера выражается в том, чтобы каждый день проводить, как последний в жизни, быть чуждым суетности, бездеятельности, лицемерия» [2, кн. 7, тезис 69].

Стойкость жизненной позиции человека требует от него целеустремленности. В связи с этим философ советует «…перестать блуждать без цели… Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления» [2, кн. 1, тезис 7]. Свое представление о человеческой целеустремленности Марк Аврелий детализирует с помощью следующих высказываний: «Во-первых, не следует поступать зря и без цели. Во-вторых, следует сообразоваться только с одной целью, общим благом и ни с чем другим» [2, кн. 12, тезис 19]; «…ценность каждого человека определяется ценностью предметов его устремлений» [2, кн. 7, тезис 3]; «Честолюбец видит свое благо в чужом действии. Преданный наслаждению – в испытываемом им состоянии. Разумный же человек – в своей деятельности» [2, кн. 6, тезис 51]; «Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения. Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой» [2, кн. 1, тезис 5]; «…ты отрекся и от суетной славы. Что же остается ценного? Мне кажется, деятельность, согласная с твоей природой, и верность ей – т. е. именно то, на что направлены и все занятия, и искусства. Ведь всякое искусство стремится к тому, чтобы его произведения соответствовали тому делу, для которого они были приготовлены: этого добивается и садовод, заботящийся о виноградной лозе, и укротитель коней, и собачник» [2, кн. 6, тезис 16]; «Деятельность, свойственная человеку, есть для него источник радости» [2, кн. 8, тезис 26].

Переходя к советам по так называемым тактическим вопросам человеческой деятельности, Марк Аврелий говорит, что «ничего не следует делать зря» и что никогда не следует «поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства» [2, кн. 4, тезис 2]. Рассмотрим некоторые из этих правил: «Главное, не разбрасывайся, не суетись» [2, кн. 4, тезис 3]; «Если что-либо тебе не по силам, то не решай, что оно невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе» [2, кн. 6, тезис 19]; «Приучай себя и к тому, что тебе кажется невыполнимым. Ведь левая рука, вообще говоря, более слабая, нежели правая, повода держит сильнее, ибо к этому она приучена» [2, кн. 12, тезис 6]; «Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же [путь] – путь, согласный с природой: он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках. Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, притворства и тщеславия» [2, кн. 4, тезис 51]; «Не довольствуйся поверхностным взглядом. От тебя не должны ускользнуть ни своеобразие каждой вещи, ни ее достоинство» [2, кн. 6, тезис 3]; «…может быть, в иных делах можно натолкнуться на непреодолимые препятствия… Тогда благодаря спокойному отношению к самому препятствию и пониманию условий его возникновения следует действовать иначе, но в соответствии с теми же твердыми жизненными принципами» [2, кн. 8, тезис 32]; «Если же ты встретишь… какие-либо препятствия, то иди вперед, учитывая наличные обстоятельства и держась того, что признал за справедливое. Ибо достижение его есть наилучшее, уклонение от него – наихудшее» [2, кн. 10, тезис 12]; «Пусть ты потерпел неудачу, все же нужно вновь вернуться к тому же, быть довольным… и любить то, к чему ты возвращаешься» [2, кн. 5, тезис 9]; «То, что было препоной для данного действия, может стать средством для другого, а то, что стояло на пути, само укажет путь» [2, кн. 5, тезис 20]; «Не стыдись прибегать к помощи других. Тебе предстоит выполнить свою задачу, подобно воину при штурме стен. Что если ты, вследствие хромоты, не сможешь один влезть на стену, а при помощи других это могло бы удаться тебе?» [2, кн. 7, тезис 7]; «Не будь ни медлительным в действиях, ни путанным в речах. Не отдавайся полету воображения, не предавайся чрезмерному отчаянию или ликованию и не заполняй всей жизни делами» [2, кн. 8, тезис 51]; «Если же

ты действительно признаешь в себе недостаточную быстроту понимания и сообразительности, то этот недостаток следует уничтожить упражнением, а не потворствовать своей лени, махнув на все рукой» [2, кн. 5, тезис 5]; «Не облекай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием» [2, кн. 3, тезис 5]. Философ утверждает: «Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танцев. Оно требует готовности и стойкости и в отношении к внезапному и непредвиденному» [2, кн. 7, тезис 61].

Особое место в размышлениях Марка Аврелия отводится отношению человека к другим людям. По его словам, все разумные существа предназначены друг для друга: «…первое место в строе человека занимает его общественность» [2, кн. 7, тезис 55]. Мыслитель отмечает, что «человек является для нас существом наиболее близким, поскольку мы обязаны делать людям добро и не тяготиться ими» [2, кн. 5, тезис 20]. В связи с этим он дает следующие наставления: «Люди рождены друг для друга. Поэтому или вразумляй, или же терпи» [2, кн. 8, тезис 89]; «К людям же, как существам разумным, относись как к равным» [2, кн. 6, тезис 23]; «Если ты хочешь доставить себе радость, то подумай о добродетелях людей, с которыми ты живешь. Один отличается деловитостью, другой – скромностью, третий – щедростью, иной – еще чем-нибудь. Ничто не доставляет такой радости, как вид добродетелей, проявляющихся в нравах живущих с нами людей и встречающихся в более или менее тесном единении. Поэтому всегда имей образ добродетелей перед глазами» [2, кн. 6, тезис 48].

Говоря об отношениях с другими людьми, Марк Аврелий обращает внимание на то, что «…каждый, любя себя больше других, в то же время своему убеждению о себе придает меньшее значение, нежели убеждению других… мы более стесняемся своих ближних – что-то они подумают о нас! – нежели самих себя» [2, кн. 12, тезис 4]. Сам философ предлагает следующую стратегию поведения в коммуникативном взаимодействии: «Приучай себя внимательно относиться к словам других людей и старайся по возможности проникнуть в душу говорящего» [2, кн. 6, тезис 53]; «Помни, что изменение своего мнения и согласие с тем, кто указывает правильный путь, отнюдь не умаляют свободы. Ведь это твоя же деятельность, отправляемая согласно твоему же разуму» [2, кн. 8, тезис 16].

В концентрированном виде проповедуемое им отношение к жизни древнеримский мыслитель изложил в форме девяти правил: «Следует отдать себе отчет, во-первых, в том, каково твое отношение к людям, и в том, что люди рождены друг для друга… Во-вторых, в том, каковы люди… в особенности же какую власть имеют над ними их основоположения и с каким самомнением они делают свое дело. В-третьих, в том, что если в данном случае люди поступают правильно, то не следует сердиться на них, если же неправильно, то, очевидно, против воли или по неведению… Ведь людям очень не нравится слыть несправедливыми, неблагодарными, жадными и, одним словом, заблуждающимися по отношению к ближним. В-четвертых, в том, что ты и сам во многом заблуждаешься и подобен им; если же и не впал в какие-нибудь заблуждения, то не чужд порождающим их склонностям… В-пятых, в том, что ты даже не уверен, заблуждаются ли они. Ведь чужая душа – потемки… В-шестых, в том, что предаваться чрезмерной досаде или негодованию – значит забыть о мимолетности человеческой жизни и о предстоящей всем скорой смерти. В-седьмых, в том, что не поступки людей в тягость нам – их настоящий источник в руководящем начале этих людей, – а наши убеждения. Устрани же убеждения, пожелай освободиться от суждения об этих поступках, как о чем-то ужасном, – и гнева как и не бывало… В-восьмых, в том, насколько последствия гнева и огорчения по поводу чего-либо более тягостны, нежели то, что вызывает гнев и огорчение. В-девятых, в том, что благожелательность, если она искренняя, а не напускная, есть нечто неодолимое… Помни об этих девяти правилах, как бы получив их в дар от муз. И пока еще жив, стань, наконец, человеком!» [2, кн. 11, тезис 18].

В труде мыслителя можно найти несколько перечней позитивных личных качеств людей. Так, Марк Аврелий пишет: «Старайся сохранить в себе простоту, добропорядочность, неиспорченность, серьезность, скромность, приверженность к справедливости, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. Употреби все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала видеть философия. Чти богов и заботься о благе людей… Единственный же плод земной жизни – благочестивое настроение и деятельность, согласная с общим благом» [2, кн. 6, тезис 30]; «Проявляй же те свойства, которые всецело зависят от тебя: чистосердечие, серьезность, выносливость, пренебрежение к наслаждениям, довольство своей судьбой, умеренность в потребностях, благожелательность, свободу, скромность, отсутствие пустословия и высокомерия» [2, кн. 5, тезис 5]; «…“рассудительность” означает для тебя осмысленное и вдумчивое отношение ко всякой вещи, “нестроптивость” – добровольное подчинение уделу, ниспосланному тебе общей природой, “благородство” – превознесение разумной части над медленными или порывистыми движениями плоти, над суетной славой, над смертью и тому подобным» [2, кн. 10, тезис 8].

При широком разнообразии упоминаемых ценностных качеств человека особый акцент древнеримский философ делает на справедливости: «…мудрость исключительно в справедливой деятельности» [2, кн. 4, тезис 37]; «Часто совершает несправедливость и воздерживающийся от какого-либо действия, а не только действующий» [2, кн. 9, тезис 5].

Говоря о негативных сторонах поведения людей, Марк Аврелий исходит из того, что разум, управляющий сущностью Целого, «не таит никакой причины, которая могла бы побудить его делать зло» [2, кн. 6, тезис 1]. По мнению философа, зло своими действиями порождают люди. В связи с этим он отмечает: «Следует более всего беречься четырех извращений господствующего начала и пресекать их, лишь только их заметишь, обращаясь к себе в каждом случае так: "Это представление не необходимо, это подрывает устои общества, эти слова были бы не чистосердечны, а говорить не от чистого сердца должно быть противно твоему смыслу". Четвертое же увещание – это то, когда ты обращаешься к себе с таким упреком: "Это твое состояние означает поражение и сдачу более божественной твоей части, не устоявшей против менее ценной и смертной части, против тела и его грубых наслаждений"» [2, кн. 11, тезис 19]. В продолжение своей мысли он пишет: «Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира… Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого… Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего града и устройства» [2, кн. 1, тезис 16].

В своем труде древнеримский мыслитель обращается непосредственно к носителям зла и других порочных явлений: «Порок вообще ни в чем не вредит миру, порок, присущий одной части, ни в чем не вредит другой. Он вреден только для того, кто имеет возможность избавиться от него, лишь только пожелает этого» [2, кн. 8, тезис 55]. Также философ рассуждает о том, как следует поступать с заблуждающимися на своем жизненном пути. Он предлагает следующие способы исправляющего воздействия: «…поучай и указывай, но не выходи из себя» [2, кн. 6, тезис 27]; «Если можешь, исправь заблуждающегося; если не можешь, то вспомни, что на этот случай тебе дана благожелательность» [2, кн. 9, тезис 11]; «Нужно быть правым, а не исправляемым» [2, кн. 7, тезис 12]. Марк Аврелий убежден в том, что «прегрешающий прегрешает против самого себя; совершающий несправедливость совершает ее по отношению к самому себе, делая себя дурным» [2, кн. 9, тезис 4]. В то же время древнеримский мыслитель реалистично смотрит на жизнь и человеческое поведение, понимая, что «…выбыть из числа людей, не вкусив от лжи, всяческого лицемерия, излишества, чванства, мог бы только совершеннейший человек. Вторым будет тот, кто оставляет жизнь, пресытившись всем этим» [2, кн. 9, тезис 2].

В книге «Наедине с собой. Размышления» содержится целый ряд одобряемых Марком Аврелием норм поведения, касающихся самых различных ситуаций человеческой жизни. Прежде всего философ учит тому, что «движению разумному и духовному свойственно отмежевываться и никогда не сдаваться перед движением чувств и стремлений» [2, кн. 7, тезис 55]. Он говорит, что «…душа, свободная от страстей, есть твердыня, ибо нет у человека более надежного убежища, скрывшись в которое, он не боялся бы погони. Кто не видит этого – невежда, а кто видит и не пользуется этим убежищем – несчастен» [2, кн. 8, тезис 48]. В связи с этим древнеримский мыслитель советует: «Не поступай… как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти» [2, кн. 3, тезис 5].

Марк Аврелий приводит в подтверждение выдвигаемого им выше положения следующий иллюстративный пример: «Будешь ли ты сердиться на человека, от которого пахнет потом или у которого скверно пахнет изо рта? Что ему делать? Такой уже у него рот и такие подмышки, что, против его воли, исходит от них такой запах. "Но ведь человек, – возразят мне, – обладает разумом и может, при некотором внимании усмотреть, в чем его недостаток". Правильно. Но в таком случае и ты обладаешь разумом. Пусть же разумное убеждение в тебе приведет в движение разумное убеждение в другом. Доказывай, напоминай. Если он услышит тебя, то исцелится, и не будет уже нужды в гневе» [2, кн. 5, тезис 28]. Философ утверждает: «…ярость не свидетельствует о мужестве, а, наоборот, кротость и мягкость более человечны и более достойны мужа, и сила, и выдержка, и смелость на стороне такого человека, а не на стороне досадующего и ропщущего. Чем ближе к бесстрастию, тем ближе и к силе. Как огорчение, так и гнев обличают бессилие. И огорчающийся, и гневающийся – ранены и выбыли из строя» [2, кн. 11, тезис 18]; «Лицо, искаженное гневом, ужасно и противоестественно. Если такое выражение повторяется часто, оно как бы умерщвляет человеческий облик, гасит его, так что никоим образом нельзя его восстановить. Из этого можно понять, что гнев противоречит разуму» [2, кн. 7, тезис 24]. Эта мысль прослеживается и в другом его высказывании: «…всякая обязанность составляется из отдельных моментов… Их-то и должно блюсти, и без суетливости, не отвечая раздражением, надлежащим образом исполняя очередное дело» [2, кн. 6, тезис 26].

Особой темой в размышлениях Марка Аврелия являются убеждения человека и их влияние на восприятие мира, настроение и поведение людей. Древнеримский философ считает, что «…все основано

на убеждении» [2, кн. 12, тезис 8]. В связи с этим он утверждает: «Пусть с тем, что может претерпеть от чего-либо приходящего извне, происходит что угодно; потерпевшее и будет жаловаться, если пожелает. Я же, если не буду убежден, что случившееся – зло, не понесу вреда. Не быть же убежденным – зависит от меня самого» [2, кн. 7, тезис 14]; «Устрани убеждение, устранится и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред, устранится и самый вред» [2, кн. 4, тезис 7].

Мыслитель раскрывает значение убеждений, когда говорит об обиде и отношении к ней: «Не проникайся ни тем убеждением, которого держится обидчик, ни тем, которое он хочет навязать тебе, но все рассматривай со стороны истины» [2, кн. 4, тезис 11]; «Лучший способ оборониться от обиды – это не уподобляться обидчику» [2, кн. 6, тезис 6]; «Во время гимнастических упражнений кто-нибудь оцарапал тебя ногтем или ударом головы поставил синяк. Мы не придаем значения этому, не обижаемся и не будем в дальнейшем смотреть на него, как на злоумышленника, хотя и будем беречься его, не как врага или человека подозрительного; мы просто будем спокойно уступать ему дорогу. Пусть будет так и в остальной жизни: многого не должны мы ставить в счет тем, кто как бы упражняется вместе с нами на жизненной арене. Ведь можно, как я сказал, уклоняться от встреч, не подозревая и не ненавидя» [2, кн. 6, тезис 20].

Марк Аврелий также дает читателям некоторые общие советы: «Непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить нечто чужеродное: одобрение толпы, упоение властью, богатством, жизнью, полной наслаждений. Но все это способно внезапно увлечь и овладеть тобой, едва ты припишешь ему хоть незначительную ценность» [2, кн. 3, тезис 6]; «Жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествам и в часы досуга» [2, кн. 4, тезис 26]; «Не превозносись, получая, и не ропщи, когда отдаешь» [2, кн. 8, тезис 33]. В развитие последней мысли философ говорит: «Я не вижу в строении разумного существа добродетели, укрощающей справедливость, но вижу добродетель, укрощающую наслаждение, – воздержанность» [2, кн. 8, тезис 39].

Древнеримский мыслитель считал тщетной заботу о посмертной славе: «Что же такое вечная слава? – Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнестись серьезно? Только одно: праведное помышление, общеполезная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее как необходимое, как предусмотренное, как проистекающее из общего начала и источника» [2, кн. 4, тезис 33]; «Если ты сделал добро, а другой испытал добро, то чего же ты, уподобляясь глупцам, стремишься еще к чему-то третьему, вроде славы доброго человека или награды?» [2, кн. 7, тезис 73]. Завершающим аккордом размышлений философа выступает следующий тезис: «Ведь вполне возможно стать богоподобным человеком, оставаясь никому не известным. Всегда помни об этом, а также о том, что блаженная жизнь требует немногого» [2, кн. 7, тезис 67].

Говоря об исторической судьбе философии Марка Аврелия и позднего стоицизма в целом, С. Котляревский, автор вступительного очерка к изданию «Размышления» (1914), пишет: «Эпикурейская философия выработала мудрую диэтетику (греч. *diateteki* – учение о разумном образе жизни, искусство жить. – *А. Р.*) наслаждений тела и духа. Религиозное движение с Востока приносило надежду на возрождение к высшей лучшей жизни; в христианстве эта надежда становилась уверенностью. Не чувствуем ли мы у самого Марка Аврелия, что стоическая нравственность бессильна преобразовать мир? Она всегда будет уделом немногих избранных» [3, с. LXXXVI–LXXXVII].

Резюмируя философско-этические воззрения Марка Аврелия, прежде всего нужно отметить, что мир (космос, бог) – это единое существо с единой сущностью и душой. Судьба человека предопределена, а он должен с радостью ее принимать. Но все же древнеримский философ разделяет то, что в поведении людей предопределено божьим промыслом, и то, что зависит от них самих и тесно связывается с отношением к себе. Предметом повышенного внимания в его размышлениях являются жизненная позиция человека, представления о смысле жизни, добре и зле, справедливости, отношении к себе и к другим людям. Особый интерес вызывают идеи Марка Аврелия о целях и тактике человеческой деятельности, позитивных личных и профессиональных качествах людей, воспитании и самовоспитании.

Библиографические ссылки

1. Рубанаў А. Аўрэлій Марк. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Беларуская энцыклапедыя. Том 2*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 1996. с. 88.

2. Марк Аврелий. *Наедине с собой. Размышления* [Интернет]. Москва: АСТ; 2018 [процитировано 23 сентября 2025 г.]. Доступно по: https://condor-flight.ru/src/books/Markus_Aurelius_Alone/Markus_Aurelius_Alone.pdf.

3. Котляревский С. Вступительный очерк. В: Марк Аврелий. *Размышления*. Магнитогорск: Амрита-Урал; 1994. с. IX–LXXXIX.

Статья поступила в редколлегию 25.11.2025.
Received by editorial board 25.11.2025.

УДК 101.1:316.3+930.1:1

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

О. В. КУРБАЧЁВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Осуществляется историко-философский обзор процесса становления этнической проблематики в немецкой классической философии. Проводится предметный анализ размышлений немецких философов (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и И. Г. Фихте), в работах которых опосредованно или напрямую затрагивается этническая проблематика. Подчеркивается, что особую сложность в реконструкции философского наследия эпохи Просвещения представляет семантически неоднородный категориальный аппарат, в рамках которого понятия «нация», «раса», «этнос» и «народ» часто выступали тождественными и взаимозаменяемыми категориями.

Ключевые слова: этнос; дух народа; народ; нация; раса; язык; И. Кант; И. Г. Фихте; Г. В. Ф. Гегель; примордиализм; колониальный дискурс.

FEATURES OF UNDERSTANDING ETHNIC PROBLEMS IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

O. V. KURBACHEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article provides a historical and philosophical overview of the development of ethnic issues in German classical philosophy. It analyses the writings of German philosophers (I. Kant, G. W. F. Hegel, and J. G. Fichte), whose works directly or indirectly address the ethnic issues. It is emphasised that a particular difficulty in reconstructing the philosophical legacy of the Enlightenment is presented by the semantically heterogeneous categorical apparatus, within which the concepts of «nation», «race», «ethnicity», and «people» often acted as identical and interchangeable categories.

Keywords: ethnos; spirit of the people; people; nation; race; language; I. Kant; J. G. Fichte; G. W. F. Hegel; primordialism; colonial discourse.

Особенности глобализационных и геополитических процессов конца XX – начала XXI в. акцентировали внимание на этнокультурной проблематике, вопросах идентичности и специфике этногенеза. Своеобразный этноренессанс был свойственен как повседневной риторике (он проявлялся в форме интереса к этномифологии, этностереотипизации и межэтнической коммуникации), так и академической рефлексии. Конечно, большинство исследований, проблемное поле которых включало вопросы

Образец цитирования:
Курбачёва ОВ. Особенности осмысления этнической проблематики в немецкой классической философии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:11–19.
EDN: YNXLJG

For citation:
Kurbacheva OV. Features of understanding ethnic problems in German classical philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:11–19. Russian.
EDN: YNXLJG

Автор:
Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7874-0434

CC BY NC

этноса (народа), проводились преимущественно в пространстве социологической, психологической и этнографической мысли. Вместе с тем вопросы этничности и этногенеза также выступали предметом философского анализа, который был ориентирован на системное и комплексное исследование сущности этноса и аккумулирование различных парадигмальных и теоретико-методологических интерпретаций феномена этноса как такового. Более того, в рамках философской рефлексии этническая проблематика рассматривалась еще на заре формирования социально-гуманитарного знания в работах античных и средневековых мыслителей (например, в трудах Геродота, Тацита, Гиппократа). Упоминание или актуализация вопросов, связанных с этнической тематикой, встречается нередко. Мы можем найти прямые или косвенные отсылки к этим вопросам у Демокрита, Плиния Старшего, Страбона, Ксенофонта, византийского императора Константина VII Багрянородного и др. Неслучайно впоследствии Г. Г. Шпет в своей работе «Введение в этническую психологию» написал, что Геродот, Тацит, Ксенофонт и многие другие представители античной интеллектуальной мысли могут быть названы в качестве первоисточников этнических исследований [1, с. 483]. Период античной, средневековой и частично возрожденческой мысли в целом стоит обозначить как предфилософский этап становления этнической проблематики. На этом этапе мы не встречаем глубинных рефлексий и теоретико-методологических исследований феномена этноса. Данное обстоятельство объясняется тем, что в общественном сознании еще не был сформирован запрос на осмысление его сущности. В большинстве своем понятия «этническая культура» и «этнос» трактовались через отличительные характеристики народа, а философская рефлексия данных понятий осуществлялась только на описательном уровне. Тем не менее мы можем отметить, что еще с древних времен в интеллектуальной мысли обнаруживается интерес представителей одной этнической общности к культурной и бытовой организации других этнических общностей и их физиологическим отличиям от собственной общности. Этот интерес не являлся поверхностным или праздным любопытством. Изучение чужих культур главным образом фундировалось на конкретных экономических или военно-политических запросах. Кроме того, посредством фиксации определенных характеристик иных этнических культур постепенно обрисовывалась демаркационная линия между своими и чужими, играющая ключевую роль в формировании этнокультурной идентичности.

Первым этапом философской рефлексии, на котором этническая проблематика выступала как комплексный предмет исследовательского интереса, требующий системного и глубинного анализа, является именно эпоха Просвещения. Безусловно, в философии Позднего Возрождения и Нового времени также обнаруживаются отсылки к осмыслению вопросов этноса, однако более артикулированные интенции исследовать данную проблематику выявляются именно в философии конца XVIII – начала XIX в. В этот период институционально закрепляется новая дисциплина «Этнология», формируется интерес к созданию новых разделов знания, посвященных этнической проблематике. Примерами акцентированного внимания к данной проблематике выступают работа Дж. Вико «Основания науки об общей природе наций», идеи В. фон Гумбольдта о необходимости создания новой науки – сравнительной антропологии, а также намерение немецких философов М. Лацаруса и Х. Штейнталя основать издание «Журнал психологии народов и языкознания». В связи с этим можно заключить, что утверждение о преимущественном осмыслении вопросов этноса за пределами философской рефлексии не будет соответствовать интеллектуальной действительности.

Особую роль в осмыслении этнической проблематики сыграли немецкая философская традиция и непосредственно труды представителей немецкого идеализма (И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и И. Г. Фихте). Целью данной работы выступают выявление и раскрытие особенностей интерпретации сущностных характеристик этноса в немецкой классической философии. В ходе исследования использовались методы историко-философской реконструкции, сравнительного и концептуального анализа, позволяющие не только выявить ключевые особенности интерпретации сущности этноса, но и сформировать общий остов ее осмысления в философской рефлексии в рамках немецкой классической философии.

Однако перед тем как перейти к предметному исследованию ключевых взглядов заявленных философов на вопросы этноса, важно остановиться на принципиально значимом аспекте используемого ими категориального аппарата. В результате историко-философской реконструкции мы обнаруживаем, что в работах мыслителей чаще всего используются понятия «народ», «нация», «раса» и совсем редко – понятие «этнос». Разберем, с чем связана такая особенность. Во-первых, важно обратить внимание на то, что категориальный аппарат теории этноса в русскоязычной и западноевропейской интеллектуальной мысли формировалася неоднородно. Он оформился в общем концептуальном единстве лишь к началу XX в. Во-вторых, в западноевропейской интеллектуальной мысли чаще всего употреблялись термины «Volk», «people», а затем и «natio», однако почти не использовались понятия «народность» и «этнос». В то же время если семантически анализировать работы философов, то можно

обнаружить, что, например, под термином «Volk» одновременно понимались и народ, и этнос, т. е. западноевропейской интеллектуальной мысли было свойственно холистическое, целостное понимание понятия «народ». Такое концептуальное отождествление можно встретить в работах И. Г. Гердера или И. Г. Фихте. Так, при описании славян И. Г. Гердер использует одновременно два понятия («народ» и «нация»), отождествляя их, хотя семантически речь идет об общем наименовании народа. Даже в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона термин «этнос» не выделяется и не раскрывается отдельно, а для фиксации этнической общности чаще используется термин «народ» и реже – термин «нация» [2, с. 27]. Следовательно, понятия «народ» и «этнос» преимущественно употреблялись как синонимы. Более того, иногда этот ряд дополнялся понятием «нация», которое для В. фон Гумбольдта, например, имело такие же концептуальные и онтологические характеристики, как и понятие «народ». В своих так называемых малых антропологических работах «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «О различиях человеческих рас» (1775), «Определение понятия человеческой расы» (1785), «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) И. Кант не разводит понятия «раса» и «народ». Безусловно, такая семантическая неоднородность усложняет философский анализ, но вместе с тем позволяет увидеть категориальный аппарат в момент его становления и концептуального оформления.

В работах немецкого классика И. Канта акцентированного внимания на этнической проблематике или народном духе мы не обнаружили. В то же время в малых антропологических работах, в рамках которых и проявляется взаимозаменяемость и открытость в использовании понятий «раса» и «народ», философ обращается к расовым характеристикам социальных субъектов, описывает и сравнивает народы, наделяя этнокультурные общности тем или иным статусом. Так, в четвертом разделе труда «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» И. Кант характеризует европейские народности следующим образом: «…честь для француза – это тщеславие, для испанца – высокомерие, для англичанина – гордость, для немца – надменность, а для голландца – чванливость» [3, с. 134]. В таком беглом, но акцентированно оценочном утверждении И. Кант не только описывает культуры, но и обращается к теме морали, фиксируя внимание на том, что душевный склад того или иного народа лучше всего распознается через то, что в нем есть морального [3, с. 130]. Анализируя чувство возвышенного и прекрасного представителей европейских народностей, немецкий философ подчеркивает их благородство, достоинство, хотя встречается и определенная критика, носящая скорее саркастический и поверхностный, нежели научный характер: «…француз очень охотно острит и ради остроумной выдумки без колебания пожертвует долей правды» [3, с. 131]. В этой же работе мы встречаем и характеристику африканских народностей. Ссылаясь на представления Д. Юма, лапидарно описывающего африканский народ в парадигме колониального дискурса, И. Кант предлагает сходную версию описания африканских народностей: «…африканские негры от природы не обладают таким чувством, которое выходило бы за пределы нелепого» [3, с. 138]. Безусловно, в работе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» можно найти более сдержанное и уважительное описание представителей других (небелых) рас. Так, по мнению немецкого философа, «дикари» Северной Америки обладают важной возвышенной характеристикой: «…во имя чести они готовы за сотни миль пускаться на опасные приключения и всячески стараются предотвратить даже малейшее покушение на нее» [3, с. 139]. Тем не менее очевидно, что эти и другие высказывания послужили достаточным основанием для последующих обвинений мыслителя в расистских взглядах.

Отсылки к физиологическим характеристикам и корреляция последних с моральными качествами и познавательными способностями, в частности с отсутствием (наличием) побудительных мотивов к использованию инструментов разума, были отражены в созданной И. Кантом классификации рас. В то же время данная классификация имела четкий иерархический порядок, в соответствии с которым полноценный характер и способность независимо рассуждать были свойственны только представителям белой расы. Стоит отметить, что, исследовав конспекты лекций философа по физической географии и по малым антропологическим работам, кантоведы обнаружили в записях разных учеников сходные общие идеи и пассажи. Так, негроидная раса, по мнению И. Канта, «полна аффектов и энергии и способна сформировать собственную культуру, но лишь культуру рабов, которые нуждаются в том, чтобы их приучали к чему-либо» [4, с. 343–344]. Здесь важно обратить внимание на обозначенный выше терминологический контекст. Во-первых, при описании рас немецкий мыслитель часто употребляет не только названия самих рас, но и названия народностей, при этом понятия «американцы», «жители Ост-Индии», «белые» и «негры» в его работах являются однопорядковыми категориями. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в период написания лекций и издания малых антропологических работ идеи И. Канта еще не представляли собой концептуально завершенную систему взглядов. Во-вторых, само понятие «негр», использованное философом в классификации рас,

тогда не обладало тем оскорбительным значением, которое оно имеет в современном постколониальном дискурсе. Само по себе понятие было ценностно нейтральным и фиксировало физиологические характеристики (цвет кожи). Однако употребленные мыслителем эпитеты («ленивый», «нелепый», «ребячливый» и др.) являются прямым свидетельством наличия у него расовых предубеждений.

Также важно учитывать, что в период написания вышеуказанных работ понятие «расизм» еще не было концептуально оформлено. Оно закрепилось в речевой практике только в рамках современных обсуждений на соответствующую тему. В более поздних работах (например, в труде «Критика способности суждения») мыслитель пишет о естественном равенстве людей, что позволяет нам опровергнуть обвинения философа в приверженности идеологии расизма или как минимум отметить эволюцию его представлений о расах и народностях [5, с. 139]. Так, в одной из своих последних работ (труд «Антропология с прагматической точки зрения») И. Кант уходит от критического описания или статусного оценивания небелых рас. В этом трактате аккумулируются ключевые антропологические тезисы немецкого мыслителя, однако описанию рас отводится уже скромное и даже незначительное, по сравнению с малыми антропологическими работами, место. Более того, философ акцентирует внимание на значимости культурного и физиологического разнообразия: «…в том или ином народе одной и той же расы (например, у белых) вместо того, чтобы в их формировании постепенно и все больше сближать их друг с другом по характеру – в таком случае в конце концов появился бы только один и тот же портрет в виде оттисков одной и той же гравюры, – природа в том же племени и даже в одной и той же семье стремится к бесконечному разнообразию и в телесном и духовном [отношении]» [6, с. 361]. В одном из самых цитируемых сегодня трактатов «К вечному миру» И. Кант формулирует просветительский гуманистический идеал вечного мира и критикует «чудовищную несправедливость» и пренебрежение человеческой жизнью, с которыми европейские народы относились к жителям открытых ими стран: «Когда открывали Америку, негритянские страны, Острова пряностей, мыс Доброй Надежды и т. д., то эти страны рассматривались как никому не принадлежащие: местные жители не ставились ни во что. В Ост-Индию (Индостан) европейцы под предлогом устройства лишь факторий [ввели] войска, и вслед за этим начались угнетение туземцев, подстрекательство различных государств к широко распространявшимся войнам, голод, мятежи, вероломство – словом, весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим» [7, с. 24]. О недопущении и неприятии рабства философ пишет в работе «Метафизика нравов», в которой акцентируется внимание на том, что «человек может быть только собственным господином, но не собственником самого себя… не говоря уже о том, чтобы быть собственником других людей» [8, с. 191].

Если абстрагироваться от дискуссии на тему иерархичного статуса рас в ранних произведениях И. Канта, то стоит обратить внимание на саму сущность народов, которая косвенно отражается в его размышлениях. Характеризуя европейские или африканские народы, немецкий мыслитель фиксирует их характеристики так, словно они отражают онтологическую сущность и не могут подвергаться ни внутренней эволюции, ни влиянию внешних факторов. По мнению немецкого философа, сущность народов априорна и неизменна, даже при развитии тех или иных народов она не будет преодолена. Это суждение позволяет нам сделать вывод о том, что И. Кант имел эссенциалистские представления, в соответствии с которыми народ выступает не просто как социальный субъект, а как сущностный феномен, обладающий внутренней природой и неотъемлемыми качествами. Сходные идеи мы обнаруживаем в философии И. Г. Фихте, однако наиболее целостно и системно эти идеи представлены в работах Г. В. Ф. Гегеля.

Одним из ярких последователей И. Канта и одновременно провозвестником теории этноса наряду с И. Г. Гердером является И. Г. Фихте, который уделял внимание рациональной стороне культуры. Его понимание сущности народа выстраивалось на основе философии абсолютного субъекта. Значимость представлений И. Г. Фихте фундируется не только на его понимании народа, близкого, как позже станет понятно, к наивному примордиализму, но и на том влиянии, которое оказали эти политические тексты. Ключевой работой И. Г. Фихте по исследуемой нами проблематике является труд «Речи к немецкой нации» (1807–1808), сыгравший важнейшую роль не только в формировании немецкого национализма, но и в становлении националистического подхода в целом. В этом трактате немецкий философ высказывает идею о том, что принцип единства народа является определяющим по отношению к государству, поэтому само национальное обновление и развитие возможно только на основе этнического возрождения и создания глубинной связи между представителями народа.

Важно напомнить, что используемый философом категориальный аппарат был весьма гибким, так как понятия «народ» и «этнос» в работах И. Г. Фихте употреблялись как синонимы. В то же время именно у него мы обнаруживаем артикулированное разграничение понятий «народ» и «нация». По мнению И. Г. Фихте, нации необходимо развиться до народа. Осуществить этот замысел возможно только через

самовоспитание: «Предложенное мною средство сохранения немецкой нации вообще, к ясному пониманию которого эти речи хотели бы привести сначала Вас, а вместе с Вами и всю нацию, возникает как средство этого рода из свойств нашего времени, а также из национальных особенностей немецкого народа, подобно тому как это средство должно, в свою очередь, воздействовать на время и на образование национальных особенностей» [9, с. 29]. С одной стороны, нация должна самовоспитать себя, что возможно осуществить, по мнению И. Г. Фихте, благодаря образованным сословиям Германии. Представители просвещенной элиты должны взять на себя миссию творца и заложить основу нового типа общности. На первый взгляд, здесь мы можем обнаружить отсылки к современным конструктивистским представлениям о нации как о воображаемом конструкте. Однако при более содержательном анализе становится видно, что, по мнению И. Г. Фихте, нация произведена от этноса (народа), который, в свою очередь, укоренен в истории и наделен неизменным онтологическим статусом. Не случайно философ обращался к прямой этнической связи между современными ему немцами и древними германцами: «Оставшиеся на родине немцы сохранили в себе все те добродетели, которые обитали прежде на их земле: верность, порядочность, честь, простодушие» [9, с. 115]. С другой стороны, говоря о нации, И. Г. Фихте пишет, что необходимо так воспитать народ, чтобы в результате он смог перевоплотиться в нацию. Понятие «народ» было концептуально шире и отождествлялось с понятием «этнос» (автохтонная социальная группа). Однако при этом нация не являлась самостоятельным понятием, так как в рамках духовно-мировоззренческого контекста нация должна стать прямым продолжением народа. В связи с тем, что народ представляет собой внеполитическое явление, которому впоследствии надлежит обрести политические границы, мыслитель задается вопросом, что способно интегрировать символическую традиционную общность (народ), определить ее границы, а затем и придать очертания политическому институту. Ответом на данный вопрос у И. Г. Фихте выступает язык. В трудах философа, как и в работах В. фон Гумбольдта и И. Г. Гердера, мы обнаруживаем попытки онтологизировать или абсолютизировать роль языка. Сам по себе язык выступает недостаточным основанием для эволюционного преобразования общности, он способен лишь инициировать это перевоплощение через самовоспитание народа (его развитие до нации). В своей работе «Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте предлагает оригинальное учение о двух родах языка, благодаря которому становится очевидной роль философа в формировании идей немецкой национальной мысли: «Прежде всего и непосредственно нашему взгляду представляется то различие между судьбами немцев и всех прочих племен, родившихся от того же корня, что первые остались в местах проживания народа-предка, а последние переселились на жительство в другие места; что первые сохранили и развили у себя первоначальный язык народа-предка, а последние приняли чужой язык и постепенно на свой лад преобразовали его» [9, с. 67]. Эта дифференциация имеет для нас принципиально важное значение. Абстрагируясь от культивирования исторического статуса и приписываемой уникальности немецкого народа, мы хотим обратить внимание на критерии определения этнической принадлежности И. Г. Фихте – территориальный и языковой критерии. Эти две метрики отличаются по своей значительности и влиянию на социальные общности и их автохтонность. По мнению философа, смена места проживания является несущественным для определения этнической принадлежности фактором: «Человек легко приживается в любом краю, и своеобразие народа не только не меняется сколько-нибудь значительно от перемены места жительства, но, скорее, само овладевает этим новым местом жительства и изменяет его по себе» [9, с. 67]. Элиминация территориального критерия из значимых критериев идентификации этнической принадлежности стала камнем преткновения в интеллектуальных дискуссиях конца XX – начала XXI в. Особо обострились обсуждения на эту тему из-за интенсификации миграционного процесса в глобализирующемся мире. Встал вопрос: на основе какого критерия будет определяться принадлежность к этнической группе, если территориальный критерий в условиях миграции функционально не работает? По-своему вопрос о значимости места происхождения и проживания был решен в начале XX в. в дуалистическом учении этнографа Ю. В. Бромлея, выделившего такие типы этнической общности, как этникос и этносоциальный организм. В этом учении подчеркивается сама значимость пространственной локализации этнической группы в рамках примордиалистской парадигмы. Однако И. Г. Фихте предложил расставить ценностные акценты по-другому. По его мнению, важнейшую роль в судьбе народа (в частности, немцев) играет языковой критерий. Процесс сохранения своего языка обладает конституирующим для народа значением, так как язык вносит больший вклад в формирование человека, чем он – в формирование языка. Языку приписывается субстанциальный характер: «…язык этого народа необходимо таков, каков он есть, и не народ собственно выражает в нем свое познание, но самое познание этого народа выражает себя в его языке» [9, с. 69]. Именно исконность и неизменность природы языка, несмотря на внешнее влияние и его трансформации, определяют границы общности народа и составляют его символический

капитал. В силу этих размышлений о языке мы можем условно отнести И. Г. Фихте к плеяде наивных примордиалистов, которые выделяли неизменные гомогенные элементы, фундирующие образование и функционирование этноса. Более того, философ абсолютизировал роль автохтонного языка предков. Даже если этот язык подвергался влиянию чужого языка, он выступал смыслообразующим ядром и подчинял себе другие народы, сохраняя имманентную преемственность. Именно по этой причине язык предков определялся как живой. Чужой язык воспринимался как мертвый, поскольку он не имел связи с корнями народа и подвергался колоссальным изменениям, которые лишили его внутренней опоры. Особенно важна эта генетическая связь с языком предков для выражения сверхчувственного, так как без нее все сверхчувственные символы сводятся к простейшим знакам, теряя свою содержательную и духовную глубину.

Здесь стоит обратить внимание на то, что, по мнению И. Г. Фихте, язык, территория и происхождение в значении укорененности и историчности народа будут выступать одними из главных предметов парадигмального спора между представителями примордиализма и конструктивизма во второй половине XX – начале XXI в. В рамках примордиалистской версии понимания сущности этноса главными маркерами этнической принадлежности выступают территория (почва) и общность происхождения (кровь), а язык обладает статусом фактора, определяющего психолингвистические структуры мышления этнической общности. Конструктивисты, в свою очередь, акцентируют внимание на том, что эти маркеры представляют собой не более чем культурный «инвентарь», который не обладает конституирующим статусом. Важнейшим значением они наделяют механизмы «предписания и самопредписания», утверждая, что этнос представляет собой символическую «форму социальной организации культурных различий» [10, с. 11]. Особенно острая парадигмальная полемика велась на фоне интенсификации глобализационных и миграционных процессов. Именно она вызвала пристальное внимание ученых к вопросу о роли языка и территории в процессе определения этнической принадлежности.

Завершающим шагом в исследовании процесса осмысления этнической проблематики в классической немецкой философии является обращение к идеалистической трактовке понятий «народ», «нация» и «народный дух», принадлежащей одному из ключевых философов эпохи Просвещения Г. В. Ф. Гегелю. Предвосхищая содержательный анализ базовых концептов гегельянской интерпретации обозначенных понятий, можно с уверенностью анонсировать, что его идеи обладают колоссальной теоретико-методологической ценностью не только для классической философии, но и для современной социально-гуманитарной мысли [11, с. 70]. Интерпретацию понятий «народ», «нация» и «народный дух» немецкий философ осуществлял в контексте своего систематизированного универсального учения о философии истории и непосредственно в контексте представлений о единстве всемирной истории человечества, разработанных в последний период его творчества в рамках курса «Философия истории». Утверждая о наличии единого абсолютного смысла всего бытия, Г. В. Ф. Гегель наделял значением существование каждого субъекта исторического процесса (как самого человека в целом, так и социальных общностей): «Правительство, народный дух знают, что он есть действительный дух, который содержит самого себя и мысль о себе» [12, с. 382]. Стоит отметить, что еще в ранних работах, где только оформлялся интерес философа к осмыслению диалектики истории, он уже обращался к теме народа. Например, в труде «Исторические этюды», написанном в так называемый франкфуртский период (1797–1800), Г. В. Ф. Гегель размышляет о народе как о социально-политическом субъекте истории. Однако под народом у философа подразумеваются социальные низы, которые редко обладают автономной силой, за исключением двух ситуаций – войны и революционных выступлений против тирании. В таких ситуациях активность народа проявляется в его действиях. Достигнув максимального эффекта, народу стоит вернуться в «состояние абсолютного повиновения» [12, с. 649]. Также мы можем найти отсылки к оформлению категориального аппарата курса «Философия истории» еще в более ранних работах. Например, в незаконченном трактате «Народная религия и христианство», над которым Г. В. Ф. Гегель работал несколько лет (1792–1795), встречается одно из центральных понятий его учения о всемирной истории – народный дух. Здесь данное понятие хоть и не имело своего онтологического статуса и догматичного характера, но уже было представлено: «Дух народа, его история, религия, степень политической свободы не могут рассматриваться отдельно ни по их влиянию друг на друга, ни по их внутреннему существу, они связаны в один узел» [12, с. 78].

Вместе с тем наиболее предметное и глубинное осмысление понятий «народ», «нация» и «дух народа» приходится именно на поздний период творчества философа. Оно отражено в работе «Лекции по философии истории» (1837). Как было сказано выше, интерпретация данных категорий не может быть полной без обращения ко всему учению мыслителя. Учитывая неизбежный схематизм и генерализированный абрис в рамках такого воспроизведения гегелевской системы, отметим, что в курсе «Философия истории» Г. В. Ф. Гегель вводит понятия «народ» и «дух народа», которые представляют

собой не что иное, как воплощение мирового духа. В отличие от ранних работ, в которых дух народа являлся объектом исторического формирования, в курсе «Философия истории» он уже обладает субстанциальными качествами и относительно автономным началом. Относительность автономного начала связана с тем, что Г. В. Ф. Гегель не разделял популярного среди просветителей мнения о доминирующем влиянии на развитие народов внешней среды, но вместе с тем он не отвергал полностью идею о значимости природных и культурно-социальных условий, что отражается в его описании национального характера. В то же время аргументация многих пассажей немецкого философа носит ярко выраженный спекулятивный характер. Например, при описании африканского плато, азиатских гор и долин мыслитель весьма критично характеризует географические явления и особенности тех мест, но заявляет о гармоничном положении европейского континента. По Г. В. Ф. Гегелю, истинной ареной для вершения всемирной истории выступает лишь умеренный пояс, в частности его северная часть, так как этот участок земли имеет континентальный характер [13, с. 127]. Также стоит отметить, что определенная вольность в описании присутствует и при отражении первых шагов мирового духа, так как исторические сведения, к которым обращается немецкий философ (например, при описании восточного мира), часто имеют общий характер и содержат хронологические неточности, однако они подчинены логике развития мирового духа, в соответствии с которой солнце и свет мирового духа обязательно должно взойти на Востоке.

Итак, в системе объективного идеализма Г. В. Ф. Гегеля абсолютная идея, представляя собой субстанцию, которая проходит стадию чистого мышления, затем отчуждает себя в собственном инобытии, на этапе порождения мыслящего духа в форме объективного, субъективного и абсолютного духа обретает полное абсолютное знание самой себя. В то же время важно учитывать, что ни один вид духа не может быть понят изолированно от другого, а логика их развития четко детерминирована. Мировой дух в истории ориентирован исключительно на познание себя в своей свободе, но он может осуществить это познание лишь через объективацию себя в наличном мире. Такой формой объективации и выступают народы и государства. По мнению Г. В. Ф. Гегеля, подлинными индивидами в историческом процессе являются именно народные духи, являющиеся порождением непосредственно мирового духа [13, с. 50]. Далее через понятие «дух народа» немецкий мыслитель вводит понятие «народ»: «…во всемирной истории идея духа проявляется в действительности как ряд внешних форм, каждая из которых находит свое выражение как действительно существующий народ» [13, с. 126]. Сам народный дух обладает субстанциальным статусом, объективностью и выражает себя в праве, религии и нравах. Через понятие «народный дух» Г. В. Ф. Гегель объясняет особенности различных исторических эпох. Вся всемирная история является путем прогресса в осознании свободы, что философ иллюстрирует с помощью деления история на этапы восточного, греческого, римского и германского мира и эмпирического описания народов этих исторических этапов. На каждом из вышеуказанных этапов всемирной истории воплощен тот или иной дух народа, который существует объективно, предопределяя судьбу народа. Философ пишет, что «дух народа есть определенный дух, он оказывается определенным и по отношению к исторической ступени своего развития», а вся «всемирная история является выражением божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах» [13, с. 102]. В связи с вышесказанным представления Г. В. Ф. Гегеля о сущности народа мы можем отнести к протопримордиалистской парадигме, в рамках которой главной особенностью социальной общности выступает ее объективный абсолютный характер. Далее немецкий философ пишет о том, что дух в своем самосознании объективен для себя, но в этой объективности обнаруживаются различия в проявлениях, которые представляют собой совокупность разных форм объективного духа. Мыслитель выражает приверженность эссенсиалистским взглядам и в понимании сущности государства, которое неразрывно сопряжено с духом народа. Так, сам дух народа тесно взаимосвязан не только с историей и политической свободой, но и с религией, искусством, а народ, в свою очередь, без государства не имеет никакой истории. Такую корреляцию духа народа, самого народа и нации, на основе которых формируются государства, по Г. В. Ф. Гегелю, можно интерпретировать через этнонациональный дискурс, в рамках которого нация является фазой развития этноса и определяется глубинными неизменными маркерами (с точки зрения мыслителя – единым субстанциальным началом). Здесь также важно обратить внимание на то, что в эмпирическом материале философа, в частности в описании различных народов, понятия «нация» и «народ» часто взаимозаменяются. Если с методологической точки зрения категории разведены, то с концептуальной точки зрения они взаимозаменяемы. Так, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, негров следует рассматривать как младенческую нацию, однако мы понимаем, что они не представляют собой нацию как социальный субъект. Поскольку философ делит саму Африку на три части, не представляющие собой единого государства [13, с. 136], можно сделать вывод о том, что здесь и во многих других местах речь скорее идет про народность.

Отдельно стоит обозначить, что идеи Г. В. Ф. Гегеля, как и идеи Д. Юма, Вольтера, И. Канта и многих других мыслителей, оформляются в период доминирования колониальной риторики, которой и были обусловлены их отдельные представления о других народах. Например, при описании географической основы всемирной истории Г. В. Ф. Гегель характеризует коренных жителей Америки следующим образом: «Кротость и вялость, смирение и раболепная покорность по отношению к креолам и тем более европейцам являются там характерными чертами американцев, и европейцам еще не скоро удастся пробудить в них чувство собственного достоинства» [13, с. 128]. Характеризуя африканцев, немецкий философ пишет: «Негр, как уже было упомянуто, представляет собой естественного человека во всей его дикости и необузданности: следует совершенно отрешиться от благоговения и нравственности, от того, что называется чувством, чтобы правильно понять его; в этом характере нельзя найти никакой гуманности» [13, с. 138]. Сходные высказывания с явными признаками ксенофобии можно встретить и в описании китайской культуры, нравах и образа жизни китайцев. Так, в труде «Лекции по философии истории» отчетливо видно, что мыслитель придерживается стадиальной европоцентристской версии теории этногенеза, согласно которой существуют народы, чей дух имеет ограниченные потенции. По мнению философа, народ не способен развиваться далее своего предназначения и исторической миссии, поэтому борьба, соперничество, падение и господство тех или иных народов являются лейтмотивами всемирной истории. Европоцентристская установка Г. В. Ф. Гегеля выражается в прокламировании исключительной роли европейских народов (романских, германских и англосаксонских), среди которых философ выделяет германский народ, выступающий творцом прогресса и осознания свободы. Тенденциозная приверженность мыслителя к европейскому региону проявлялась в его допущении о том, что Западная Европа может обоснованно и правомерно претендовать на политическое и культурное лидерство во всем мире. Эти установки и исключение из исторической концепции целого ряда неевропейских народов стали одними из главных причин критики и обвинений Г. В. Ф. Гегеля в фаворитизме и колониальной риторике. Вместе с тем европоцентристскую позицию мыслителя потенциально можно рассматривать не как идеологическую, а как академическую установку. По мнению Г. В. Ф. Гегеля, исключительной ролью наделена не только Западная Европа, но и греческий мир, чье значение для мировой истории сложно переоценить. Поскольку ключевым показателем и одновременно закономерным результатом исторического прогресса выступает самопознание мирового духа, европоцентристская позиция философа может объясняться тем, что европейский дух является не отдельным феноменом, а частью общего исторического процесса развития, и тем, что именно он был способен достичь уровня самопознания. Также важно уточнить, что, по мысли немецкого философа, решающим обстоятельством, влияющим на историческую судьбу народов, выступает не антропологический (расовый), а социально-исторический фактор развития. В силу этого разъяснения становится очевидным, что в определении негров как младенческой нации речь идет непосредственно о так называемом историческом детстве.

Таким образом, классическая философия имеет содержательный и теоретико-методологический потенциал для осмысления природы, сущности и особенностей развития народов. Проанализировав идеи классиков немецкой философии, мы можем отметить, что их положения стали своеобразным фундаментом для формирования эссенциалистской парадигмы, в соответствии с которой этническая общность и сам народный дух имеют онтологический статус, обладают объективным неизменным характером и не зависят от воздействия внешних факторов. Существенной сложностью в исследовании является не само разнообразие концептуально-теоретических моделей осмысления сущности этноса, а отсутствие сложившегося категориального аппарата в классической философии, в рамках которой часто были размыты семантические границы понятий «этнос», «народ» и «нация», а термины могли взаимозаменяться. Вместе с тем одними из важнейших результатов данного исследования выступают обнаружение этнической проблематики в пространстве философской рефлексии и развенчание мифов о том, что проблема становления, развития и взаимодействия этносов является прерогативой психологической, этнографической или социологической мысли, и о том, что эта проблема не рассматривалась или находилась на периферии философской рефлексии.

Библиографические ссылки

1. Шпет ГГ. *Сочинения.* Москва: Правда; 1989. Введение в этническую психологию; с. 475–574.
2. Козлов ВИ. *Этнос. Нация. Национализм*. Москва: Старый сад; 1999. 341 с. EDN: XGTKOM.
3. Кант И. *Собрание сочинений в восьми томах. Том 2, «Докритические» произведения*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного; с. 85–142 (Мировая философская мысль).
4. Жаворонков АГ. Антропология Канта в контексте дебатов о расизме в истории философии. *Историко-философский ежегодник.* 2021;36:339–364. EDN: VUMNCS.

5. Курбачёва ОВ. К «вечному вопросу» о кантовском расизме. В: Лаптёнок АС, Новикова ОВ, Курбачёва ОВ, Шаврова ОГ, Дедолко ЮВ, Иванова ТВ, редакторы. *Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности. Сборник материалов XVIII Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»;* 18 апреля 2024 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 136–141. EDN: KDEDFB.

6. Кант И. *Собрание сочинений в восьми томах. Том 2, «Докритические» произведения.* Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Антропология с прагматической точки зрения; с. 137–372 (Мировая философская мысль).

7. Кант И. *Собрание сочинений в восьми томах. Том 7, К вечному миру. Спор факультетов. Антропология. Успехи метафизики.* Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. К вечному миру; с. 5–56 (Мировая философская мысль).

8. Кант И. *Сочинения на русском и немецком языках. Том 5, Метафизика нравов. Часть 1, Метафизические первоначала учения о праве.* Тушлинг Б, Мотрошилова НВ, редакторы. Москва: Канон+; 2014. 1120 с.

9. Фихте ГГ. *Речи к немецкой нации*. Судаков АК, переводчик. Москва: Канон+; 2008. 335 с.

10. Барт Ф. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий.* Пильщиков И, переводчик; Барт Ф, редактор. Москва: Новое издательство; 2006. Введение; с. 9–48 (Новые границы).

11. Румянцева ТГ. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн против кантовской идеи вечного мира. *Социология.* 2013;2:70–74.

12. Гегель ГВФ. *Работы разных лет. Том 1.* Гулыга АВ, составитель. Москва: Мысль; 1970. 668 с. (Философское наследие).

13. Гегель ГВФ. *Лекции по философии истории.* Воден АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 1993. 477 с.

Статья поступила в редколлегию 03.11.2025.
Received by editorial board 03.11.2025.

Социальная философия

Social philosophy

УДК 304.2

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ РИСКОВ: КОНФУЦИАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПОСТМОДЕРНИЗМУ

А. В. БАЧУН[1), 2)]

[1)]*Белорусский государственный университет физической культуры, пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск, Беларусь*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Проанализированы системные риски, угрожающие институту семьи в XXI в.: демографический кризис, экономическая незащищенность, культурно-моральный сдвиг, конфликт новых гендерных ожиданий и др. Показано, каким образом ценностно-методологические ресурсы конфуцианства могут быть использованы для их снижения. Отмечено, что обозначенные риски взаимно усиливают друг друга и образуют систему, подрывающую устойчивость института семьи. Предложена четырехкомпонентная стратегия сохранения института семьи, основанная на конфуцианских принципах истинного правления и личного примера.

Ключевые слова: семья; брак; институт семьи; демографический кризис; конфуцианство; постмодернизм; неблагоприятный детский опыт; гендерные конфликты; социальная стабильность; традиционные ценности.

Образец цитирования:
Бачун АВ. Институт семьи в условиях системных рисков: конфуцианская альтернатива постмодернизму. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:20–25.
EDN: LNTKBZ

For citation:
Bachun AV. The family institution in the context of systemic risks: a Confucian alternative to postmodernism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2026;1:20–25. Russian.
EDN: LNTKBZ

Автор:
Алексей Витальевич Бачун – преподаватель кафедры философии и истории спортивно-педагогического факультета спортивных игр и единоборств[1)], аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук[2)]. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:
Alexei V. Bachun, lecturer at the department of philosophy and history, sports and pedagogical faculty of sport games and martial arts[a], and postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences[b].
himikava@gmail.com
https://orcid.org/0009-0003-9814-8467

THE FAMILY INSTITUTION IN THE CONTEXT OF SYSTEMIC RISKS: A CONFUCIAN ALTERNATIVE TO POSTMODERNISM

A. V. BACHUN[a]

[a]*Belarusian State University of Physical Culture, 105 Pieramozhcaw Avenue, Minsk 220020, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article analyses the systemic risks threatening the family institution in the 21st century: demographic crisis, economic insecurity, cultural and moral shift, conflicting new gender expectations, ect. It is shown how the value and methodological resources of Confucianism can be used to mitigate them. It is noted that these risks mutually reinforce each other and form a system that undermines the stability of the family institution. A four-component strategy for preserving the institution of the family is proposed, based on the Confucian principles of true governance and personal example.

Keywords: family; marriage; family institution; demographic crisis; Confucianism; postmodernism; adverse childhood experiences; gender conflicts; social stability; traditional values.

Введение

Тезис о том, что институт семьи находится под угрозой исчезновения, требует рассмотрения не только как совокупности симптомов, но и как процесса возможного системного распада, ведущего к исчезновению воспроизводящих и институциональных функций семьи. Следует выделить ряд факторов, способствующих этому распаду: демографический кризис [1; 2]; риски для персональной безопасности (войны, терроризм, преступность, эпидемии, катастрофы) [3; 4]; экономическая незащищенность[1]; культурно-моральный сдвиг [3; 5; 6]; конфликт новых гендерных ожиданий [3]; проблемы коммуникации между партнерами и их договороспособности; психосоциальные страхи, тормозящие семейное объединение [3; 4; 7–9]; распространение медиафеноменов, радикализирующих межгендерные ожидания[2]. Эти элементы автор настоящего исследования принимает как базу для эмпирического описания процесса исчезновения института семьи и сопоставляет с методологией и нормами конфуцианства доциньской эпохи. Рассмотрим каждый из описанных выше факторов подробнее.

Демографический кризис. Налицо устойчивое снижение количества заключаемых браков и уровня рождаемости в развитых странах. В ряде государств (особенно в некоторых странах Восточной Азии) показатели рождаемости опускаются до ультранизких, что ставит под вопрос воспроизводство населения, а также сохранение демографической и общей устойчивости общества [1; 2]. Результаты исследований ООН указывают на то, что снижение уровня рождаемости наблюдается во множестве регионов мира и представляет собой транснациональную тенденцию [1; 2].

Риски для персональной безопасности. Риски для жизни и здоровья всегда являются самым главным барьером на пути к созданию семьи и воспроизводству населения. Риски гибели или получения увечий (потеря кормильца, безотцовщина, инвалидизация, осиротение, тяжелые психические расстройства и др.) также представляют собой целый спектр фундаментальных угроз [3; 4].

Экономическая незащищенность. Нестабильность рынка труда и доходов, дороговизна жилья и ухода за детьми формируют материальный барьер, препятствующий созданию и расширению семей. Отсрочка брака и родительства выступают прямым ответом на экономическую неопределенность; уровень материального обеспечения остается базовым фактором принятия решения о создании семьи[3].

Культурно-моральный сдвиг. Современные ценностные практики ослабляют роль таких интегративных добродетелей, как верность, ответственность, умеренность, искренность, постоянство. «Ритуальные

[1]Fertility trends across the OECD: underlying drivers and the role for policy // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/society-at-a-glance-2024_918d8db3-en/full-report/fertility-trends-across-the-oecd-underlying-drivers-and-the-role-for-policy_770679b8.html (date of access: 01.09.2025).

[2]Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw (дата обращения: 02.09.2025) ; *Brady W. J., Crockett M. J.* «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online (date of access: 01.09.2025) ; *Mochon D., Schwartz J.* Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds (date of access: 01.09.2025).

[3]Fertility trends across the OECD: underlying drivers and the role for policy // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/society-at-a-glance-2024_918d8db3-en/full-report/fertility-trends-across-the-oecd-underlying-drivers-and-the-role-for-policy_770679b8.html (date of access: 01.09.2025).

замки» брачных обязательств (брак как церковный институт, брачная клятва верности перед лицом Бога) утрачены, формальная регистрация брака не играет прежней моральной роли [10]. Последствия этого сдвига включают «эрозию» доверия между партнерами и их взаимных обязательств, легитимацию альтернативных форм партнерства и родительства, рост числа одиноких людей и людей с психическими проблемами, в долгосрочной перспективе – ослабление институциональной устойчивости семьи [11].

Проблемы коммуникации между партнерами и их договороспособности. Распространенность неблагоприятного детского опыта и нарушения привязанности, ставших массовыми явлениями, выступает причиной психической нестабильности, провоцирующей ненадежность и неприятие личной моральной ответственности, отвержение каких-либо обязательств, что подрывает доверие и снижает коммуникативную гибкость партнеров. Как следствие, пары (семьи) становятся менее устойчивыми, неспособными заключать долговременные договоренности и конструктивно решать конфликты, что повышает риск их распада и при системном распространении может повлечь исчезновение семьи как института [3; 4; 7–9].

Конфликт новых гендерных ожиданий. Процесс эмансипации и патриархальные привилегии создают системный разрыв: женщины получают автономию, но сохраняют материальные и культурные требования к мужчинам; мужчины, в свою очередь, боятся экономических потерь и эксплуатации. Этот разрыв приводит к патологии совпадения ожиданий, блокирующей семейное объединение, что особенно характерно для постсоветского пространства [3].

Психосоциальные страхи, тормозящие семейное объединение. Мужские и женские страхи (финансовая уязвимость, страх быть внезапно покинутым (покинутой), страх потери автономии и др.) выстраивают порочный круг недоверия, уменьшающий число прочных союзов и рождаемых детей.

Распространение медиафеноменов, радикализирующих межгендерные ожидания. Агенты сетевой радикализации (медийные фигуры) усиливают поляризацию, поощряя конфликтное поведение пользователей: алгоритмы социальных платформ продвигают эпатажный и провокационный контент, который нормирует антисемейные практики и ускоряет распад института семьи[4]. Например, в рамках популярного на онлайн-платформах *Инстаграм* и *TikTok* формата видеороликов «вопрос на улице» авторы контента в погоне за просмотрами подходят к молодым женщинам и задают провокационные вопросы (например, вопрос «Какой зарплаты ты ждешь от мужчины, чтобы встречаться с ним?»)[5]. Часто в таких видеороликах участницы называют завышенные, нереалистичные суммы, в результате чего клип мгновенно набирает просмотры, а секция комментариев «взрывается». Многие мужчины отвечают гневом, оскорблениями и обвинениями в меркантильности. В цикле пост – комментарии – новые ролики это порождает всплески мизогинии, а затем и зеркальные всплески мизандрии[6]. Таким образом формируется замкнутый круг поляризации: публичное пространство становится площадкой для подтверждения самых радикальных стереотипов о жадных женщинах и ненадежных мужчинах, что повышает межгендерное недоверие и снижает готовность к вступлению в долговременные отношения. Именно такие медиасценарии служат практическим примером деструктивного влияния сетевой среды: поощрение конфликтного поведения пользователей провоцирует рост взаимного недоверия и радикализацию межгендерных ожиданий. Подрывая микросоциальные основы диалога в паре, подобные механизмы вносят вклад в эрозию института семьи.

Все перечисленные факторы взаимно усиливают друг друга и образуют систему рисков, способную породить сценарий не просто кризиса, а устойчивого процесса деградации, чреватого исчезновением института семьи как массового социального института. Демографический кризис усугубляется экономической незащищенностью и рисками для персональной безопасности. Культурно-моральный сдвиг (релятивизм норм) подрывает действие традиционных механизмов социальной коррекции: при

[4]Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw (дата обращения: 02.09.2025) ; *Brady W. J., Crockett M. J.* «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online (date of access: 01.09.2025) ; *Mochon D., Schwartz J.* Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds (date of access: 01.09.2025).

[5]Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw (дата обращения: 02.09.2025).

[6]*Brady W. J., Crockett M. J.* «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online (date of access: 01.09.2025) ; *Mochon D., Schwartz J.* Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds (date of access: 01.09.2025).

отсутствии общепризнанных критериев должного поведения в семье теряют силу такие регуляторы, как общественное мнение, порицание референтной группой или репутационные издержки. Массовое распространение неблагоприятного детского опыта снижает индивидуальную договороспособность и способность к созданию устойчивых долгосрочных отношений. Конфликт новых гендерных ожиданий мешает партнерам достигать компромисса в базовых вопросах, блокируя создание устойчивых союзов. Медиасреда, продвигая конфликтный контент, влечет рост межполового недоверия и радикализацию межгендерных ожиданий. В совокупности эти процессы понижают мотивацию к заключению браков и рождению детей, что в перспективе ведет к маргинализации института семьи.

Постмодернистская социальная логика

Такие поведенческие черты, как непостоянство, ветреность, безответственность, неверность, неумеренность и неискренность, являются не случайным набором личностных дефектов, а следствием постмодернистской социальной логики. Отказ от больших нарративов порождает моральный релятивизм, фрагментация идентичности легитимирует сменяемость ролей, а потребительская логика переводит отношения в категорию товара. Технологии и медиа (приложения для знакомств, хукап-культура, перформативность в социальных сетях, медийная эстетика скандала) функционируют как практические каналы, ускоряющие эти процессы: интерфейсы облегчают быструю замену партнера, алгоритмы социальных платформ способствуют распространению поверхностных заимствованных моделей поведения (пастиш) и культивируют жизнь напоказ (перформанс), а вирусный контент нормирует эпатаж и межгендерную конфронтацию.

Хотя постмодернизм возник как модная интеллектуальная тенденция, которую часть исследователей рассматривают как логическое последствие модернизации, за привлекательной риторикой свободы выбора, пластической сексуальности, демократизации интимности (феномены, вскрытые Э. Гидденсом) скрываются деструктивные и социально опасные практики, которые имеют эстетически отталкивающий характер [12]. Люди с неблагоприятным детским опытом оказались особенно адаптированными к логике постмодернизма: их поведенческие стратегии (склонность к краткосрочным привязанностям, повторяющимся изменам, рискованным связям и аддикциям) в новых условиях получают социальную верификацию и фактически превращаются в новую норму [7; 12]. Нормализация травматических моделей привязанности не только легитимирует вредные практики, но и воспроизводит механизмы социального отторжения искренних и глубоко чувствующих субъектов, для которых ответственность и долговременная приверженность остаются ключевыми жизненными ориентирами. В связи с этим эстетико-нравственные последствия постмодернизма выходят за рамки индивидуальной этики и становятся институционально значимыми факторами: нормализация дисфункциональных моделей отношений снижает способность общества поддерживать стабильные воспроизводящие формы семейной жизни, что напрямую усиливает риск маргинализации института семьи.

Конфуцианская альтернатива

Выбор конфуцианской методологии в качестве возможного «лекарства» от рисков, ведущих к исчезновению института семьи, обусловлен профессиональной специализацией автора настоящей работы и теми положительными, по его мнению, ресурсами, которые сосредоточены в доциньской традиции: рационалистической методологией (аналитика – формулирование принципов – реализация – проверка); принципами, регулирующими поведение (仁 (жэнь), 信 (синь), 義 (и), 順 (шунь), 孝 (сяо), 善 (шань), 和 (хэ), 中庸 (чжун юн), 德 (дэ) и др.); процессом общественного воспитания как средством формирования устойчивых социальных практик [13]. Применение принципов доциньской традиции не обеспечит мгновенного решения всех проблем, но при условии правильной институциональной реализации может послужить основой для снижения ключевых рисков.

Нужно сразу признать важную проблему: в конфуцианстве ставится очень высокая «планка» моральных требований (искренность, верность и наличие общественно ориентированных добродетелей) [13]. Эти требования в корне конфликтуют с постмодернистской социальной логикой, а также с практиками перформанса и иронии, распространенными в современных медиа. Проще говоря, конфуцианское требование безупречности противоречит нынешней культуре легкости и сменяемости, и попытка просто ввести конфуцианский подход сверху либо не будет иметь эффекта, либо вызовет жесткий конфликт.

Однако существует практическая «лазейка», которая делает конфуцианский подход применимым в современных условиях. Ее суть состоит не в массовом навязывании морали, а в целенаправленном институциональном культивировании нравственных практик через честность и пример тех, кто принимает решения [13]. Иначе говоря, если костяк государственного и общественного управления действительно состоит из людей, демонстрирующих искренность, достоинство и служение (истинное правление,

воплощение принципов, регулирующих поведение (синь и дэ), то он через свой пример, «мягкую силу» и целенаправленные институциональные мероприятия способен стимулировать восстановление устойчивых семейных практик и поддерживать этот процесс [13].

Основываясь на вышеописанной практике, автор настоящего исследования предлагает практическую стратегию повышения устойчивости института семьи, состоящую из четырех взаимосвязанных шагов:

1) реализации принципа истинного правления [12]. Ключевым шагом по сохранению института семьи является формирование управленческой элиты, которая будет публично демонстрировать добродетельные практики (последовательность, ответственность, уважение к семейным обязанностям). Такие лидеры способны легитимировать и актуализировать новые старые ценности: их поведение создает нормативный пример, на который могут ориентироваться более широкие слои общества. Здесь важна не риторика, а специфика поведения – прозрачность, отказ от коррумпированности, готовность к личной ответственности;

2) реализации принципа личного примера и локального культивирования семейных ценностей [2]. Вместо директивного введения конфуцианского подхода сверху следует целенаправленно поддерживать инициативы гражданских и культурных элит (образовательные программы, культурные проекты, релевантные общественные практики), которые направлены на продвижение семейных моделей взаимопомощи и проявления ответственности. Такие локальные примеры выполняют функцию мягкой провокации: они делают ценности зримыми и привлекательными, побуждая людей к добровольному подражанию. Этот шаг предполагает создание условий и стимулов для добровольного принятия ценностей, а не запрет альтернативных (нежелательных) форм поведения или отношений;

3) обеспечения доступа к профессиональной психологической помощи и создания системы формирования семейных навыков. Массовое распространение неблагоприятного детского опыта и связанное с этим снижение договороспособности людей требуют масштабной подготовки различных специалистов: психологов, психотерапевтов, семейных терапевтов. Государственная поддержка программ переподготовки, создание сети доступных центров психологической помощи, внедрение семейной терапии в систему первичной помощи и формирование специализированных страховочных механизмов как финансового инструмента (обязательные или стимулируемые страховые линии, частично целевые сборы) обеспечат повышение доступности профессиональной помощи и устойчивости семейных союзов;

4) экономической стабилизации, гарантирования безопасности и долгосрочного мира. Любая культурная или воспитательная программа будет малоэффективна без надежного экономического и внешнеполитического фона: стабильной занятости, доступного жилья, устойчивых социальных гарантий и отсутствия масштабных военных угроз. Этот фон выступает объективной предпосылкой для принятия людьми ответственности за семью и деторождение. Политика семейной поддержки должна быть внедрена в стратегию экономического развития.

Для сохранения института брака могут быть также предприняты дополнительные инструментальные меры:

1) медиамодерация и продвижение здоровых моделей отношений. Сдерживание распространения контента, провоцирующего радикализацию межгендерных ожиданий, целенаправленное продвижение материалов и практик, демонстрирующих ответственность и искренность (в том числе через незаметную для массового потребителя подачу), помогут уменьшить поляризацию и повысить культурный спрос на стабильные формы отношений;

2) демонстрация серьезности института брака. Повышение эффективности предбрачных процедур (консультации с семейными специалистами, информирование о возможных рисках и обязанностях, опциональные медицинские и социальные проверки) должно обеспечить более ответственный выбор пары;

3) финансирование профессиональной подготовки. Создание долгосрочных программ подготовки специалистов требует значительных затрат. Этот процесс целесообразно финансировать за счет средств государственного бюджета, страхового фонда и частных инвестиций в социальные сервисы.

Важно подчеркнуть, что предлагаемый подход не направлен на запрещение постмодернистской социальной логики и жесткую легистскую регламентацию частной жизни. Речь идет о многоуровневой адаптивной политике, которая сочетает этический пример лидеров, институциональную поддержку терапевтических и образовательных практик, экономические стимулы, коммуникационные стратегии, повышающие устойчивый культурный спрос на ответственное семейное поведение. Только такая комплексная стратегия, опирающаяся на конфуцианскую методологию, способна реально снизить и в перспективе частично устранить риски, ведущие к исчезновению института семьи.

Заключение

Проведенный анализ рисков, угрожающих институту семьи в XXI в., демонстрирует масштабность и взаимосвязанность вызовов, с которыми сталкивается современное общество. Демографический кризис, экономическая нестабильность, культурно-моральный сдвиг, массовое распространение

неблагоприятного детского опыта, конфликт новых гендерных ожиданий и медиарадикализация образуют сложную систему рисков, которая может спровоцировать фундаментальную трансформацию или даже исчезновение семьи как массового социального института.

Критический анализ постмодернистской социальной логики показывает, что за риторикой свободы выбора скрываются деструктивные механизмы, которые подрывают основы долгосрочных партнерских отношений и способствуют нормализации дисфункциональных моделей привязанности. Особенно тревожным представляется то, что люди с травматическим опытом оказались наиболее адаптированными к этой логике, вследствие чего их поведенческие стратегии превращаются в новую социальную норму.

В данном контексте конфуцианство предлагает альтернативный подход, основанный на добродетелях (искренности, ответственности, стратегическом мышлении и общественном служении). Созданная автором настоящего исследования четырехкомпонентная стратегия является комплексной альтернативой как директивным запретам, так и деструктивным тенденциям. Особенно перспективными представляются предложения по повышению доступа к психологической помощи и созданию системы формирования семейных навыков. С учетом установленной связи между неблагоприятным детским опытом и неспособностью к созданию устойчивых долгосрочных отношений инвестиции в психическое здоровье населения могут оказаться критически важным фактором сохранения института семьи.

Безусловно, реализация предложенной стратегии требует значительных ресурсов, политической воли и времени. Однако альтернатива (продолжение деградации института семьи) представляется гораздо более затратной как в экономическом, так и в социальном плане. В условиях глобального демографического кризиса поиск эффективных решений становится проблемой не только социальной политики, но и национальной безопасности.

В рамках дальнейших исследований по данной теме возможно теоретически конкретизировать и формализировать конфуцианские механизмы общественного воспитания: раскрыть их нормативные основания и каналы репродукции ценностей, соотнести эти механизмы с современными теориями социализации и институциональной устойчивости, выработать критерии межкультурного сравнительного анализа и теоретической верификации предложенных моделей.

Библиографические ссылки

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World population prospects 2024: summary of results*. New York: United Nations; 2024. 64 p.

2. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World fertility report 2024*. New York: United Nations; 2025. 88 p.

3. Пищик ВИ, Спивачук ЗВ. Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд. *Человек. Сообщество. Управление.* 2017;18(3):108–114. EDN: ZQODHT.

4. Сухов АН. Безопасность семьи: социально-психологический аспект. *Человеческий капитал.* 2021;10:87–94. DOI: 10.25629/HC.2021.10.12.

5. Губанов НИ. Нищета философии постмодернизма. *Философия и общество.* 2007;1:54–68. EDN: RKYLEN.

6. Шепель ВВ. Моральное сознание в эпоху постмодерна. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования.* 2025;1:48–52. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-48-52.

7. Каледа ВГ, Кулешов АА, Крылова ЕС. Пограничное расстройство личности в юношеском возрасте: особенности психопатологии и закономерности течения. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова.* 2023;123(4):91–97. DOI: 10.17116/jnevro202312304191.

8. Козлов МЮ. Психологическое благополучие и типы привязанности в норме и при пограничном расстройстве. *Психиатрия.* 2024;22(4):25. DOI: 10.30629/2618-6667-2024-22-4-2.

9. Felitti VJ, Anda RF, Nordenberg D, Williamson DF, Spitz AM, Edwards V, et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults. *American Journal of Preventive Medicine.* 1998;14(4):245–258.

10. Borowski L, Lipiec D. The sacrament of marriage in the catholic tradition and the culture of the temporary. *Religions.* 2025;16(6):704. DOI: 10.3390/rel16060704.

11. Коблева ЗХ. Гражданский брак как проявление трансформационных процессов в системе семейно-брачных отношений. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.* 2021;4:219–230. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.4.15.

12. Giddens A. *The transformation of intimacy. Sexuality, love & eroticism in modern society.* Cambridge: Polity Press; 1992. 205 p.

13. Конфуций. *Суждения и беседы.* Переломов ЛС, переводчик. Москва: Рипол классик; 2017. 360 с. (PRO власть).

Статья поступила в редколлегию 25.11.2025.
Received by editorial board 25.11.2025.

УДК 101.1:316(430) + 141.82(510)

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ И ИДЕЯ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА ХАБЕРМАСА: КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РАМКАХ КИТАЙСКОЙ ВЕРСИИ НЕОМАРКСИЗМА

ТАН ЮНБО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Эксплицируются основные положения теории коммуникативного действия Хабермаса и подчеркивается, что она органично сопрягается с его идеями о роли политической публичной сферы в развитии демократических основ и институтов западных обществ. Отмечается, что перспективным выходом из тупиков радикально секуляризированных социумов может стать идея постсекулярного общества Хабермаса. Выявляются социально-конструктивные, идеологически ангажированные и утопические стороны идей и концепций коммуникативной рациональности, делиберативной демократии, постсекулярного общества. Осмысляется практика модернизации современного Китая, характерные для него технологии социального управления и духовные традиции взаимопроникновения светских и религиозных компонентов в культурной жизни.

Ключевые слова: Ю. Хабермас; коммуникативное действие; публичная сфера; делиберативная демократия; секуляризация; постсекулярное общество; неомарксизм; китайская версия неомарксизма.

THE THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION AND THE IDEA OF A POST-SECULAR SOCIETY BY HABERMAS: CRITICAL INTERPRETATION IN THE CHINESE VERSION OF NEO-MARXISM

TANG YONGBO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article explicates the fundamental tenets of Habermas' theory of communicative action, emphasising its organic alignment with his ideas on the role of the political public sphere in the development of democratic foundations and institutions in Western societies. It notes that Habermas' idea of a post-secular society may offer a promising way out of the impasses of radically secularised societies. The article explores the socially constructive, ideologically engaged, and utopian aspects of the ideas and concepts of communicative rationality, deliberative democracy, and post-secular society. It also examines the modernisation practices of contemporary China, its characteristic technologies of social governance, and the spiritual traditions of the interpenetration of secular and religious components in the cultural life.

Keywords: J. Habermas; communicative action; public sphere; deliberative democracy; secularisation; post-secular society; neo-Marxism; Chinese version of neo-Marxism.

Образец цитирования:
Тан Юнбо. Теория коммуникативного действия и идея постсекулярного общества Хабермаса: критическая интерпретация в рамках китайской версии неомарксизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:26–38 (на англ.).
EDN: LSQHAM

For citation:
Tang Yongbo. The theory of communicative action and the idea of a post-secular society by Habermas: critical interpretation in the Chinese version of neo-Marxism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2026;1:26–38.
EDN: LSQHAM

Автор:
Тан Юнбо – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:
Tang Yongbo, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
yongbo.tang@mail.ru

Introduction

As a leading figure in contemporary Western Marxism, Jurgen Habermas introduced the concept of a post-secular society in response to the pressing existential challenges of modernity. This concept addresses the paradox of an increasingly secularised society in which religion persists and even strengthens. His theory critically examines and systematises the relationship between secular rationality, democratic constitutionalism, and religious belief, advocating for either a recognition or a reconstruction of traditional understandings. In essence, this represents a critique of the conventional secular worldview, offering a renewed theoretical perspective on the self-evident realities of contemporary society [1, p. 8].

The theoretical and practical manifestations of Marxism's Sinicisation within contemporary Chinese socialism share methodological and strategic affinities with neo-Marxist innovations in Marxist theory and practice. Thus, it can be considered a Sinicized version of neo-Marxism. Examining Habermas' concept of a post-secular society through the lens of a Sinicised neo-Marxism not only expands the scope of its conceptual connotations and applicable social contexts but also fosters deeper reflections on the relationship between science and religion, secular rationality and religious belief, within the trajectory of China's modernisation. This approach represents a new interpretative perspective on Habermas' theory, an intellectual inquiry into the Sinicization of Marxism, and a deeper engagement with neo-Marxist thought. Given this, the present study aims to analyse the Chinese adaptation of neo-Marxism through the lens of J. Habermas' concept of a post-secular society. Based on this analysis, it will further explore the value and limitations of J. Habermas' concept of a post-secular society from the perspective of the Chinese adaptation of neo-Marxism.

The public sphere as a field of rational communicative action

Since its inception, Marxism has also been interpreted within the domain of Western philosophical thought, primarily through the lens of Western philosophical traditions, methodologies, and conceptual frameworks. This interpretation, known in Chinese academia as «Western Marxism», approaches Marxism systematically from the standpoint of Western philosophical traditions and their modern developments. Although fundamentally aligned with the traditions of social democracy or reformism (and having distanced itself from classical Marxism as early as the Second International) it has nevertheless proposed critical perspectives on classical Marxism and introduced theoretical innovations rooted in contemporary social realities. These contributions provide valuable insights for the further Sinicisation and innovative development of Marxism. Among contemporary Western Marxists, J. Habermas stands out as the most influential figure and is widely regarded as one of the most prominent philosophers of our time. His thought is intricate and profound, and among his many contributions, his concept of a post-secular society has had a particularly significant impact, serving as a crucial framework for understanding his philosophy and ideas.

Rational definition of the public sphere by J. Habermas. As a prominent figure of the Frankfurt school and a leading representative of neo-Marxism, J. Habermas developed a complex and profound intellectual system. Building upon and advancing Kantian philosophy, he defended the categorisation of science and religion as outlined by I. Kant and upheld the legitimacy of the Enlightenment. J. Habermas argued that while humanity's scientific exploration of the unknown in nature is immensely valuable, it remains inherently limited. The modernity grounded in scientific discourse and values, he asserted, is still an «unfinished project». Notably, his theory of communicative action offers a powerful critique of postmodernist trends that have exerted significant influence in contemporary Western thought [2, p. 10].

The theory of communicative action also reflects J. Habermas' original epistemological insights. From an epistemological standpoint, he adhered to the idea of human cognitive interests, arguing that all knowledge originates from human interests. This laid the theoretical foundation for his rationalist construction of communicative action theory. His rationally grounded theory embraces a consistent universalism, not directed toward any specific nation, ethnicity, or particular group, but instead rooted in reflections on the human condition and its future. The premise of his concern for common human issues lies in humanism, specifically a strong endorsement of the bourgeois doctrine of human rights. Therefore, while J. Habermas holds that secular democratic constitutionalism is worthy of respect, he contends that when politics conflicts with human rights, the universal value of the latter must prevail [3, p. 126]. From this universalist perspective, J. Habermas' theory of communicative action and his concept of the public sphere, along with his reflections on science, social critique, and his efforts to reconstruct Enlightenment rationality, have had a profound impact on contemporary Western philosophical discourse.

Rationally based public sphere and the construction of idea of a post-secular society. J. Habermas' formulation of the concept of a post-secular society is rooted in a concrete socio-historical context. Since the advent of capitalism, the apparent conflict between secular rationality and religious faith has seemingly driven the process of modernisation, in which secularisation was expected to advance alongside scientific

progress and globalisation. Over the past two centuries, it was widely assumed that secularisation would manifest as the gradual decline of religious influence. However, in contemporary reality, religious forces have not only failed to wane but also have, in certain regions, undergone a resurgence. Even in countries and regions where religious influence has traditionally been weaker, religious or quasi-religious beliefs persist, defying long-standing expectations of their gradual disappearance. This discrepancy between secularisation theory's predictions and the persistence of religious faith highlights a fundamental mismatch between traditional secularisation paradigms and actual social developments.

In modern society, the public sphere formed through interpersonal communication necessitates the exploration of a path toward mutual reconciliation, due to individual differences in perspectives on religion and science. These divergences reflect deeper epistemological distinctions, traditionally framed in philosophy as the dichotomy between rationality and irrationality. However, J. Habermas advocates for a rational examination of the relationship between religion and science, viewing it as one of the most fundamental social relations that shapes communication within the public sphere of human society. It is through this lens that he formulates his foundational vision of a post-secular society.

The prevalence of issues within public actions in the public sphere, arising from the absence of rational guidance, reveals the limitations of traditional secularisation theories, which fail to adequately address the complexities of contemporary reality. As a result, the need for a critical reinterpretation of these theories becomes both evident and necessary [4, p. 5]. It is precisely in response to these theoretical shortcomings that J. Habermas introduced the concept of a post-secular society. In 2005, he published his monograph «Between naturalism and religion», which compiled eleven essays written between 2001 and 2005. Through these essays, J. Habermas progressively articulated his concept of a post-secular society. More specifically, in his 2003 essay «Faith and knowledge», he explicitly engaged with the limitations of traditional secularisation theories and proposed the need for a revised understanding of the relationship between secularism and religion in contemporary society. In these papers, J. Habermas gradually introduced his concept of a post-secular society. More specifically, in his 2003 works «Faith and knowledge» and «Pre-political foundations of the democratic constitutional state», he assessed the notion of secularisation and, for the first time, proposed the concept of a post-secular society. In 2008, J. Habermas further elaborated on issues related to a post-secular society in his article «Notes on a post-secular society» [5, p. 485].

In J. Habermas' view, instrumental action is primarily manifested in the realm of labour, whereas communicative action is oriented toward mutual understanding and consensus among agents (Lat. *consensus* – agreement or accord). It is essential to emphasise that communicative action is not synonymous with mere communication. As J. Habermas clarifies, «…to avoid misunderstanding, let me reiterate: communicative action is not identical with communication itself. Language is a medium of communication that serves the purpose of mutual understanding. And whenever actors aim at mutual understanding to coordinate their actions, they pursue a specific goal… Communicative action refers to a type of interaction coordinated through speech acts, but it is not reducible to the speech act itself»[1] [6, p. 150–151]. Its aim is to direct human endeavors toward intersubjective understanding. J. Habermas contends that self-consciousness arises through the process of affirming one's existence, which inherently includes the awareness of the *Other*; the *I* acquires self-knowledge through interaction with the *Thou*. Intersubjectivity compels individuals to reflect on their limitations, opening the possibility for a mode of interaction that transcends the instrumental use of others for self-advancement – a form of communicative praxis that may evolve into new modes grounded in cooperation and mutual recognition of personhood [7, p. 38–39].

Communicative action constitutes one of the core concepts of the theory of communicative action. Its essence lies in the actors' orientation toward reaching understanding, fostering mutual agreement, and resolving divergences: «Communicative action is a form of interaction in which participants coordinate and unify their action plans to achieve consensus, and this consensus is assessed through intersubjective recognition of validity claims… When communicating within a propositional framework, both the speaker and the hearer perform the function of jointly sustaining the shared lifeworld. Communicative action employs language as its medium and achieves mutual understanding by coordinating the efforts of communicative subjects… As a functional dimension of understanding, communicative action serves the continuity of tradition and the renewal of cultural knowledge; on the level of action coordination, it promotes social interaction and facilitates solidarity; and in terms of socialisation, it contributes to the formation of individual identity» [6, p. 41–42].

The interaction and communication between the private and the public, and their role in the construction of society, form one of the most pivotal themes in J. Habermas' thought. In his view, publicity or the public sphere (Germ. *Öffentlichkeit*) represents a complex phenomenon. This complexity, as J. Habermas conceives it, does not lie in the interdisciplinary integration of fields such as jurisprudence, political science, or the philosophy of history, but rather in an approach that warrants its own autonomous perspective. As early as antiquity, the polis was conceived as a domain shared by all free citizens (anc. Greek *koine*), distinct from the

[1]Here and further translated by us. – *T. Yo.*

private sphere of the individual (anc. Greek *oikos*), which pertained to personal affairs (anc. Greek *idia*). Social life did not merely unfold in the marketplace (anc. Greek *agora*), nor was it confined to any specific space; instead, it was constituted through linguistic interaction (anc. Greek *lexis*), which could take the form of juridical discourse or be transformed into collective praxis (anc. Greek *praxis*) [8, p. 306–307].

According to the model constructed by J. Habermas, publicity is not constituted through the formation of specific social structures, but rather established in its spiritual and ideological form. Publicity represents a transversal dimension of society, originating in the Hellenistic period and continuously evolving throughout history, while its foundational ideas have remained intact. In modern society, an entirely new form of publicity has emerged. The private and the public spheres exhibit a dualistic structure. The separation of individual life has gradually evolved, accompanied by the establishment of mechanisms that protect personal privacy. This development has reinforced the connection between the public and the state. The formation of civil society (or bourgeois society) emerged from the interconnection of various private interests once liberated from feudal constraints. This process led to the rise of a system of public opinion, which bears the political function of integrating the Third Estate and exercises critical oversight over the exercise of power. This public sphere is autonomous, safeguarding the process of free self-organisation among equal subjects from interference by state or class interests. Its principal weapon is the force of persuasive argumentation [9, p. 120].

According to J. Habermas, contends that truth is communication, and genuine communication is fundamentally concerned with the pursuit of truth. Communication is embedded within the system of action; however, actors can act only upon achieving an understanding of the situation in which they find themselves. Communicative action reconstructs the social field into a living world composed of several key dimensions: culture – the sphere in which individuals generate and assimilate knowledge; community – wherein individuals construct and sustain a specific relational field, that is, solidarity; socialisation – the process through which individuals first form their personality and subsequently become actors, coordinated through the communicative medium of language. Communicative action takes precedence over goal-directed behaviour; the processes of social integration, socialisation, and institutionalisation unfold within a culturally interpretative and communicative realm. Every individual act within society entails a comparison between newly emerging meanings and preexisting cultural meanings. Thus, J. Habermas asserts: «What I mean by culture is the reservoir of interpretive knowledge that participants in interaction draw upon to reach understanding about something in the world. What I mean by society is the legitimate order through which participants realize solidarity by establishing their belonging to a social group. And what I mean by personality is the set of competences that enables subjects to use language and action, to participate in reaching understanding and to establish their own identity thereby» [6, p. 44]. Therefore, for J. Habermas, the essence of communication lies in the socially recognised identity of the individual, while communicative action constitutes the mechanism for maintaining or renewing consensus, and thereby ensuring social stability.

At the heart of communication lies mutual understanding, which involves not only the speaker's intention to reach agreement and the mutual suspension of subjectivity, but also the shared nature of the lifeworld. One of the central components of J. Habermas' theory is the tension between the lifeworld and the system. The latter is understood as the realm of instrumental relations associated with the market and the state. J. Habermas argues that the lifeworld is increasingly being colonised by the system. The system is parasitic in structure, as its development depends on the reproduction of the lifeworld. It rationalises the lifeworld and subordinates it to the imperatives of the economy and state governance. In this context, discourse must come to the fore: «In discourse, we attempt to regenerate the consensus that was previously achieved in communicative action through argumentation… Discourse also manifests a "compulsion" to cooperate, but it is a nonviolent compulsion – the power of the better argument. In discursive communication, it is the non-coercive force of the argument that prevails. Argumentation is regarded as the primary path to the continued pursuit of consensus» [6, p. 176]. Ultimately, the dialectical reconstruction of the theory of communicative rationality points toward its realisation in practice – that is, the unfolding of the transformative potential immanent within reality. Thus, the dialectical reconstruction of communicative theory advances toward its actualisation, guided by the intention to release the inherent transformative capacities embedded in the fabric of the real.

The fundamental connotation of Habermas' theory of communicative action in the public sphere from the perspective of a post-secular society. A post-secular society is defined in relation to the secularised society. In this context, a secularised society refers to one in which the functional differentiation of social subsystems has increasingly confined religious institutions and communities to their core function of providing spiritual solace, compelling them to relinquish their competitive influence in other social domains. Secularisation implies a diminishing role for religion in society, potentially leading to its retreat from the public sphere. However, the contemporary reality presents an entirely different scenario. Religious activities worldwide are experiencing a resurgence, accompanied by issues stemming from religious proselytism

and radicalism. The evolving presence of religion has altered public perceptions of secularisation, as its influence on social and political life continues to expand. The introduction of the concept of a post-secular society reflects a shift in contemporary consciousness: although some still firmly believe in the progressive secularisation of religion, it remains an enduring phenomenon with an undeniably significant role in the public sphere.

While J. Habermas introduced the notion of a post-secular society, he did not explicitly define its intrinsic meaning. However, based on his extensive series of essays, monographs, and academic discussions since the turn of the 21st century, the concept of a post-secular society can be understood in two primary dimensions. First, a post-secular society is not one in which secularisation has been completed, but rather one where secularisation remains an ongoing process, continuing as a fundamental developmental trend. Second, the continuous secularisation driven by modern politics, economics, and technology has not validated the tenets of secularism, nor has it resulted in the complete privatisation, marginalisation, or ultimate dissolution of religion through the triumph of scientific rationality. On the contrary, religion has not only persisted in an era of advanced scientific and technological progress but also has shown no signs of decline; in certain regions and nations, it has even witnessed a revival [10, p. 10]. Consequently, the secularist assumptions inherent in traditional theories of secularisation, particularly regarding the anticipated relationship between secular rationality and religious belief, fail to adequately interpret the complex interplay between religion and science in contemporary society. This necessitates a critical reevaluation and reinterpretation of these theories to accurately delineate the relationship between religion and science. Such an analysis would help establish an appropriate mode of coexistence between the two, effectively regulate their interactions, and, on this basis, address broader issues concerning the relationship between science and religion, knowledge and faith, the public sphere and religion, secularism and religion, democracy and constitutionalism vis-à-vis religion, as well as the deeper philosophical and spiritual dimensions of reason and religion [11, p. 108]. In J. Habermas' view, if current trends persist, religion is not necessarily destined to lose its significance and influence. As a staunch advocate of democracy and civil society, he argues that religious communities are fully entitled to claim comprehensive participation in public life. On their part, religious groups must first acknowledge the existence of other religions and worldviews, and be willing to examine these alternatives without questioning the unique salvific claims of their own doctrine. This entails, among other things, the recognition that «autonomous processes of cognition should not be in conflict with interpretations related to salvation» [12, p. 131–132]. Ultimately, «religious citizens ought to adopt an epistemic stance that recognises the priority of secular modes of reasoning in the political sphere» [12, p. 132]. Should both parties be willing to shoulder this demanding responsibility, a post-secular society could emerge as a stable and mutually beneficial model of coexistence, enabling people with different worldviews to live together peacefully. Evidently, J. Habermas' concept of a post-secular society, while rooted in the discourse on the relationship between religion and secularism, extends beyond this foundation to engage with profound questions about contemporary values and the management of key societal relationships. As such, it is a highly significant concept, articulating an essential and influential philosophical perspective.

From the perspective of a post-secular society, J. Habermas offers his own reflections on the concept of the public sphere. As one of the most influential Western theorists of the public sphere, he attributes to it a dual meaning: on one hand, it refers specifically to bourgeois publicity; on the other, it denotes a particular phenomenon existing within society. In his seminal work «The structural transformation of the public sphere», J. Habermas introduces the notion of the «public» and locates the public sphere in an intermediate space between the state and society. He conceptualises it as a public domain free from the interference of political power and independent of official influence.

According to J. Habermas, the public sphere is a unique social phenomenon that emerged at a specific historical stage (in capitalist society) developing from the private domain after the dismantling of despotism under monarchical or imperial rule. It is a relatively autonomous space for interpersonal communication formed by individuals or groups engaging in rational communicative actions. Within this public sphere, citizens enjoy freedom of speech and are expected to express their views on public affairs based on rational deliberation. In other words, citizens possess the right to exercise critical public opinion.

These ideas constitute the core elements of J. Habermas' concept of the public sphere. Clearly, this theory serves as a crucial foundation for his concept of a post-secular society, reflecting his epistemological commitment to rationality and aligning theoretically with his views on the relationship between science and religion.

The concept of deliberative democracy and the J. Habermas' communicative paradigm. Like most philosophers, J. Habermas, in his epistemological reflections on the public sphere grounded in rationality, not only delineates the boundaries between the public sphere and governmental authority but also attempts to construct a normative relationship between the public sphere and politics that aligns with his value commitments. Deliberative democracy emerges as J. Habermas' practical response to the relationship between the public sphere and political authority. At its core, his model of deliberative democracy remains

a profound engagement with the question of democracy itself. Developed in the West during the 1990s, deliberative democracy has become one of the most significant outcomes in contemporary political science discourse on democracy.

Deliberative democracy embodies the pluralisation of democratic actors; it can be seen as a paradigmatic adjustment in response to the increasingly diversified and dynamic social stratification resulting from differentiated interests in contemporary Western societies. It effectively compensates for the limitations of electoral or representative democracy, which often fail to generate political consensus amid plural value systems. By enabling effective dialogue and cooperation among citizens, groups, and governments, it offers a means to reconcile public disagreements, foster civic responsibility and morality in the public sphere, and ultimately establish political consensus. In this way, deliberative democracy provides a robust theoretical framework for maintaining social order and enhancing governmental legitimacy in modern political practice.

A foremost advocate of deliberative democracy in the West is J. Habermas. His ideas are not only central topics in the realms of philosophy and sociology but also have become focal points in contemporary political theory. Building on the principles of deliberative democracy, J. Habermas further refines his theory of interpersonal communication within the public sphere, crafting a communicative paradigm congruent with his vision of a post-secular society. An inquiry into Habermas' theory of communicative action and his post-secular ideals (and an analysis of how these ideas are critically interpreted within the Sinicised context of Marxism) must begin with an understanding of the concept of deliberative democracy and his communicative paradigm.

The connotation of Western deliberative democracy. Deliberative democracy, also referred to as discursive democracy, is a theory advanced by Western scholars that champions liberty and equality. It advocates that citizens should engage in public deliberation, offering reasons to persuade others or revising their own preferences by accepting alternative views. Through rational deliberation based on a careful consideration of the public good, legislation and policymaking attain political legitimacy.

The term «deliberative democracy» was first introduced by American political scientist J. Bessette in 1980, in his article «Deliberative democracy: the majority principle in republican government», where he emphasised citizen participation and equal deliberation. In 1996, another American scholar, J. B. Bohman, systematically examined the preconditions for realising deliberative democracy in his book «Public deliberation: pluralism, complexity, and democracy». In 1998, the book «Deliberative democracy», edited by J. Elster, was published, arguing that deliberation and discussion should replace voting as the primary political decision-making mechanism.

Later, influential Western thinkers such as J. Rawls and J. Habermas also published important works on deliberative democracy. These scholars identify themselves as deliberative democrats, asserting that its essence lies in rationality, with truth as the ultimate aim of rational inquiry. They regard broad-based public deliberation and dialogue oriented toward the common good as the fundamental pathway to achieving deliberative democracy. J. Rawls and J. Habermas contend that only laws and policies formed through an inclusive and genuinely fair deliberative process possess legitimacy, and that this legitimacy is the political precondition for continued citizen participation and cooperation with the government.

Hence, the Western deliberative democracy is marked by three salient features: legitimacy, transparency, and accountability. It represents a new trajectory in the development of democratic theory in the contemporary West.

Concept of deliberative democracy by J. Habermas. As one of the leading proponents of deliberative democracy in the West, Habermas' theory exhibits two prominent features. On the one hand, his concept of deliberative democracy is firmly rooted in social reality. The evolution of modern Western civil society and the public sphere, the inherent deliberative elements of Western parliamentary democracy, and the crises facing contemporary representative democracy together form the empirical foundation of his theory. Specifically, the crisis of Western representative democracy provides the practical conditions for the emergence of Habermas' theory, while the development of civil society and public sphere thought furnishes the operational setting for its application. Moreover, the deliberative elements already embedded in parliamentary systems offer a practical pathway for integrating deliberative and representative democratic models. Based on these premises, J. Habermas constructs a rational public sphere and model of public deliberation that mediates between the conflicting interests of various social classes in contemporary Western society (particularly a model that is eminently practicable). Hence, compared to other theorists, J. Habermas' model of deliberative democracy is marked by a high degree of real-world operability.

On the other hand, the theoretical articulation of J. Habermas' deliberative democracy is characterised by a considerable level of abstraction. This abstractness stems from the fact that J. Habermas' project is oriented toward resolving the crisis of Western representative democracy through a framework premised on ideal communicative conditions that presuppose an ideal speech situation, free and equal discursive interaction, and the achievement of rational consensus. These prerequisites remain largely unattainable in actual Western societies. Nevertheless, the reason for positing such transcendental conditions is precisely to rescue Western democracy and to reconstruct its normative foundation and legitimacy. As such, J. Habermas' concept provides

both a normative vision and a theoretical guide for the partial realisation of deliberative democracy in practice.

The communicative paradigm under the concept of deliberative democracy. In constructing the concept of deliberative democracy, J. Habermas concurrently endeavors to establish a communicative paradigm grounded in the principles of deliberation. In 1992, he published his seminal work on legal philosophy «Between facts and norms», where he not only introduced the concept of deliberative politics but also sought to construct a paradigmatic model for democratic governance based on deliberation. In subsequent writings, such as «Three normative models of democracy: on the concept of deliberative politics», J. Habermas conducted a comparative analysis of two dominant strands of Western democratic theory (liberalism and republicanism) from the perspectives of civic identity, legal rights, and the structure of political will. Building on this analysis, he further elaborated concept of deliberative democracy. J. Habermas advocates extending deliberative democracy to encompass both the autonomy of the public sphere and the expression of opinion and will within a constitutional state, incorporating these elements into the institutional processes of democracy in order to achieve a higher level of intersubjectivity in political life. He argues that deliberative democracy, grounded in this elevated intersubjectivity, rests upon the legal and philosophical foundation of reflecting the autonomous public's will and opinions, institutionalised through a democratic process that enables opinion formation and will articulation. The precondition for all this is the linguistic interaction among individuals within the public sphere, which simultaneously shapes the communicative paradigm of citizenship under deliberative democracy. As long as citizens recognise the legitimacy of the political order forged through deliberation, the rational communicative power freely exercised within the public sphere will thrive within civil society. This process will be continually driven by institutionalised political practices and socio-cultural forces within the constitutional state, thereby giving rise to a communicative paradigm among citizens that sustains and advances Western democratic politics.

Evidently, Habermas' theory of the communicative paradigm emerges from his deliberative democratic ideals and is closely linked to his concepts of the public sphere and rational discourse. It not only addresses the foundational question of how individuals in a post-secular society can participate in policymaking and legislation through rational deliberation, but also offers theoretical guidance for restoring legitimacy to democratic politics amid the crisis of representative democracy in the West.

A post-secular society as a phenomenon of public deliberation and social consensus from the perspective of neo-Marxism

Neo-Marxism, also known as contemporary Marxism, emerged in the 1950s as a Western Marxist school of thought developed through critical reinterpretations of Stalinism. Rooted in humanism, neo-Marxism reexamines and revises classical Marxist principles, retaining foundational doctrines such as class struggle, while incorporating ideas from Hegelian philosophy, anarchism, liberalism, and rational choice theory. Through its rebellious posture, it expands both the themes and the forms of Marxism. The philosophical foundation of neo-Marxism upholds essential classical Marxist tenets while drawing extensively from Western modern philosophy, particularly humanist thought [13, p. 149]. It rejects the absolutism of Marxism, asserting its fallibility and emphasising that its core lies in its methodology. Neo-Marxism advocates the application of Marxist methodology to concrete realities, emphasising rational choices grounded in human needs, rather than passive acceptance of historical inevitability as proposed in classical Marxism.

Though many neo-Marxist perspectives possess limitations, or even flaws, its commitment to theoretical innovation and its grounding in human needs offer a valuable framework for adapting Marxist thought to contemporary social realities. It also opens a novel interpretative path for understanding the Chinese version of neo-Marxism. J. Habermas' reflections on contemporary Western socio-political issues are deeply rooted in his theories of public deliberation and social consensus. His concepts, ranging from communicative rationality and deliberative politics to the formation of a communicative paradigm within the public sphere, are all fundamentally shaped by his overarching framework of public deliberation and consensus. Analysing J. Habermas' system of thought through the lens of neo-Marxism helps illuminate contemporary developments in Western democratic theory and practice, offering insights into the nature of a post-secular society, and providing theoretical references for contemporary Marxist democratic politics and socialist reforms.

Analysing Habermas' theories of public deliberation and social consensus from a neo-Marxist perspective. The public sphere constitutes the primary arena of secularisation and serves as a foundational precondition for the formation of principles and models of modern democratic politics. J. Habermas constructs grand vision of a post-secular society on this very foundation by proposing public deliberation and social consensus as solutions to the crisis of Western representative democracy. His post-secular society is conceived as a rationally grounded public sphere, where the mechanisms of public deliberation and social consensus offer avenues for resolving various social contradictions in Western societies.

Contrary to traditional secularisation theories that exclude religion from public discourse, J. Habermas permits religion to enter the public domain. This is due to the enduring presence of both religion and science in reality, where reconciliation between the two reflects the practical manifestation of public opinion shaped through rational deliberation. J. Habermas affirms the general normative relationship between the public sphere and modern democratic constitutionalism, recognising that such a system should be built upon consensus formed through deliberation in the public domain. However, he identifies a contradiction between this framework and the exclusion of religion, which conflicts with his theory of communicative rationality [14, p. 42].

To resolve this tension, J. Habermas revises traditional concept of public sphere to permit religious discourse within public spaces. He underscores the constructive elements of religion, suggesting that it offers emotional sustenance to certain groups, contains cognitively meaningful content of universal significance, and functions as a communal spiritual bond and source of psychological comfort. Especially in the post-secular reality of contemporary European society, religion is an inescapable fact [15, p. 23].

Clearly, although J. Habermas' concept of public sphere appears to engage with conventional secularisation debates, its core concern lies in the value and function of religion within secular societies. He contends that religion is inherently interlinked with modern democratic constitutionalism. His acknowledgment of religion's presence and positive potential in the public sphere presents valuable insights when viewed from a neo-Marxist perspective.

In the context of rapid modernisation, socialist democratic politics within the public sphere may differ from European constitutional democracy, yet they represent a higher form of democracy – one that genuinely embodies popular sovereignty. Socialist nations must also contend with the objective existence of religion in public life. Under the neo-Marxist lens, contemporary socialist states generally maintain a tolerant stance toward religion, as reflected in dominant public discourse and political reality, treating it as part of their cultural heritage and worthy of preservation.

Thus, J. Habermas' concept of public sphere, seen through the perspective of neo-Marxism, can serve as a valuable reference for socialist countries in reconciling the relationship between socialist democratic politics and religion. Nevertheless, such applications must be adapted to specific national contexts, as the historical and institutional dynamics between religion and constitutional democracy in Europe differ from those in socialist political systems.

The essence of public deliberation and social consensus in a post-secular society from a neo-Marxist perspective. J. Habermas' concept of a post-secular society is grounded in public deliberation and social consensus within the public sphere. It embodies a Western democratic response to the crisis of representative democracy – an attempt to mediate among diverse social strata through rational negotiation. Without fundamentally altering the framework of representative democracy, J. Habermas revitalises the legitimacy of Western political systems, laws, and policies by invoking the power of rational knowledge to realise the broadest spectrum of public opinion within the capitalist model. This results in a democratic political foundation rooted in the mechanisms of public discourse and consensus formation. Consequently, J. Habermas directly addresses contemporary social dilemmas in Western democracies and the resulting representational crisis. His epistemological approach calls for the establishment of a public space independent of political power, where rational reconciliation can take place. Through public deliberation in this space, social consensus may be achieved, thus creating a political architecture built upon these deliberative processes, all the while permeated by ideals of liberty and equality. J. Habermas' post-secular vision, along with his emphasis on public deliberation and consensus, reflects both a pursuit of freedom and equality and their pragmatic realisation in contemporary society. This serves as a significant reference point for neo-Marxism, which also seeks to address concrete realities while promoting class reconciliation under the ideals of socialism.

Neo-Marxism, while upholding the general principles, positions, and methodologies of Marxist philosophy, stresses the necessity of integrating Marxism with the unique realities of each nation that encompass both present socio-political conditions and deep-rooted historical and cultural traditions, including those considered part of a nation's excellent traditional culture. In terms of its drive for theoretical innovation, neo-Marxism does not fundamentally diverge from classical Marxism. Although it has critically reinterpreted and in some instances diverged from core tenets of classical Marxism, it continues to affirm the ideal prospects of socialism and communism. Above all, it remains grounded in Marxist positions, perspectives, and methodologies, while advocating for their integration with specific societal realities, as well as historical and cultural contexts. Its incorporation of Hegelian thought, humanism, and anarchism reflects a continuity with Western intellectual traditions, positioning Marxism as a critical engagement with Western historical and cultural paradigms. Thus, both classical Marxism and neo-Marxism share a commitment to innovation – an intrinsic strength of Marxist theory as a system that is inherently open, fallibilistic, and capable of adaptation. It allows for localised reinterpretations and applications across diverse nations, cultures, and social conditions [16, p. 131].

Clearly, since China's implementation of the reform and opening-up policy, the theoretical trajectory of classical Marxism has overlapped with the practical concerns of neo-Marxist inquiry. The societal issues

addressed by neo-Marxism, such as the market, industrial economy, science and technology, modernity, and the centrality of the human subject, closely mirror those targeted by the Sinicisation of Marxism during this period. Indeed, the discursive expression of classical Marxism within the context of China's reform policies has increasingly taken on characteristics of neo-Marxist thought. As such, the post-war evolution of classical Marxism can be interpreted through a neo-Marxist lens, or at the very least, as a nationalised version of neo-Marxism shaped by the specific historical and social practices of individual countries.

The value of public deliberation and social consensus in a post-secular society from the perspective of neo-Marxism. From the perspective of neo-Marxism, J. Habermas' concept of a post-secular society holds significant theoretical value. First and foremost, J. Habermas acknowledges the process of secularisation and identifies it as a prevailing and likely enduring trend in contemporary and future societal development. This recognition contributes to a deeper neo-Marxist understanding of modernity, aiding Marxism's role in guiding national modernisation by assessing the trajectory of technological advancement and industrial upgrading. It advocates allocating more resources and energy toward the public sphere and further unleashing the potential of modern science, technology, and capital within the framework of modernity.

Second, while J. Habermas critically engages with traditional secularisation theory, he does not repudiate it. His critique focuses primarily on its neglect or marginalisation of religion. In concept of a post-secular society, J. Habermas takes religion seriously and emphasises its positive role. His inclusive and tolerant approach to religion offers valuable insight for socialist countries undergoing social transformation, providing a framework for managing the complex relationships between science, knowledge, rationality, politics, and religion. Given the religious landscape in socialist nations, comprising both believers and, more predominantly, non-believers, this framework may guide policy innovation grounded in religious realities. For believers, his model may inform religion-sensitive policies; for non-believers, it offers a rational approach to reconciling science, knowledge, reason, and belief.

Third, J. Habermas' views on science and technology and his call to reconstruct Enlightenment rationality provide further theoretical inspiration. They may help socialist countries more fully appreciate the modern value of science and technology, comprehend their social roles, and navigate the relationship between technological development and human subjectivity, guarding against the instrumentalisation and commodification of rational consciousness.

The theory of communicative action and the idea of a post-secular society by J. Habermas in the conceptual space of the Chinese version of neo-Marxism

From a practical perspective, Marxism remains one of the most influential and relevant ideologies in the contemporary world. Its formidable impact is not only derived from the intellectual depth and theoretical appeal endowed by its scientific and truthful nature but also from its role as a transformative force in the practice of socialism with Chinese characteristics. This practice has profoundly reshaped the global order and may even alter the course of human history. Therefore, based on the realities of Chinese socialist practice, it is entirely reasonable to affirm that Marxism is both a great ideology and a profound philosophy, whose veracity is beyond dispute. However, within the framework of Chinese socialism, it has been consistently emphasised that Marxist theory must be adapted to the specific national conditions of China (an ongoing process of Sinicisation). In other words, while Marxism is acknowledged as both a truth and a science, it is regarded as a universal rather than an absolute truth. Only through its application to specific historical and social contexts can it be considered genuine Marxism.

From the neo-Marxist perspective, interpretations of Chinese neo-Marxism vary across different historical junctures. If one accepts neo-Marxism's revisionist reading of classical Marxism, then the theoretical developments of Marxism in the Chinese context could, to some extent, be considered a form of neo-Marxism. Thus, the founding of the Communist party of China in the 1920s, the rise of Eastern European neo-Marxist interpretations in the 1950s, and the period following China's reform and opening-up are often seen by scholars as key temporal milestones in understanding the formation of a Chinese version of neo-Marxism [17, p. 14].

In fact, the so-called Chinese version of neo-Marxism is merely one interpretive lens informed by neo-Marxist theory. From the standpoint of Marxism and its Sinicisation, there is no distinct Chinese neo-Marxism per se [18, p. 123]. Given the neo-Marxist emphasis on engaging with reality and addressing the material needs of real people, alongside China's post-reform socio-theoretical transformations, this paper argues that the concept of Marxism and its Sinicised theoretical articulations prior to reform and opening which upheld Marxism as the sole truth do not align with the fundamental characteristics of neo-Marxism. Accordingly, the reform era should be regarded as the starting point for the emergence of a Chinese version of neo-Marxism [19, p. 29].

The purpose of introducing the concept of a Chinese version of Neo-Marxism is merely to offer a theoretical perspective from which to understand Marxism

and the achievements of its Sinicisation [20, p. 2]. Although neo-Marxism has theoretical limitations, its methodology for problem-solving, its theoretical development strategies, and even some of its core ideas continue to hold reference value for the contemporary innovation of Marxism in China.

The Chinese neo-Marxist interpretation of the public sphere. The public sphere is a central concept in J. Habermas' construction of a post-secular society. His concept of the public sphere emphasises a higher level of intersubjectivity, proposing that under the condition of rational knowledge, many of the contradictions within contemporary Western society such as those between science and religion can be reconciled through public discourse.

Although J. Habermas permits the presence of religion and advocates for its reconciliation and coexistence with science, he does not consider religion the dominant force in modern society. Rather, he acknowledges its objective presence and the intensification of its manifestations in certain domains. Conversely, he posits that science and technology are the primary productive forces and will ultimately become the ruling forces of modern society, resulting in an inevitable unification where political, economic, and cultural dimensions are all integrated within the technological system.

The Chinese version of neo-Marxism also places great emphasis on the public sphere, particularly as the development of the market economy and the continuous improvement of market mechanisms have driven government reform. This has led to a gradual withdrawal of the government from various operational domains, laying an economic foundation for the advancement of the public sphere and clarifying the relationship between the government and public space.

Furthermore, China's understanding of science and technology shares many similarities with J. Habermas' views. For instance, China likewise asserts that science and technology are the primary productive forces and highlights their role in advancing modern cultural development, driving consumption, and invigorating capital markets. All these efforts are premised on China's rational positioning of the relationship between science and religion within the public sphere [21, p. 65].

Nevertheless, a significant divergence exists between the Chinese neo-Marxist perspective on the public sphere and J. Habermas' view. While China highly values the role of the public sphere in constructing modern society, it does not regard it as a realm free from governmental regulation. Instead, its understanding of the public sphere is situated within the Marxist national theory' critique of Western civil society. It emphasises the need to construct a civic society rooted in each country's historical culture and practical realities.

The Sinicised neo-Marxist interpretation of the theory of communicative action. In J. Habermas' construction of a post-secular society, rationality provides its fundamental philosophical underpinning. His concept of public communicative action is firmly grounded in this rational philosophical foundation, which is vividly manifested in his understanding of science and technology. J. Habermas' perspective on science and technology draws theoretical inspiration mainly from K. Marx's theory of alienation, G. Lukács' theory of ideology, M. Weber's theory of rationalisation, and the Frankfurt school's critique of instrumental rationality. He regards science and technology as the primary productive forces, and views them as ideologised constructs of technique and scientific knowledge. J. Habermas believes that the development of modern science and technology will gradually attain a dominant position in the social process, leading to the alienation of consumption and capital, the ideologisation of culture, and the scientification of political issues [22, p. 86].

Evidently, although J. Habermas acknowledges the existence of religion in his notion of a post-secular society, he does not diminish the significance of science and technology in modern society. His objective recognition of the reality of religion does not alter his traditional secularist understanding that secularisation occupies the principal status in social development. While J. Habermas claims that the idea of a post-secular society adheres to universalism and bears universal significance consistent with the developmental trajectory of contemporary human society, in reality, it primarily corresponds to the European social context. On one hand, Europe exhibits highly developed levels of science, economy, and modern democratic constitutional governance, reaching a state of high civilization; on the other hand, religious forces persist as an objectively recognised and widely respected social fact, and continue to exert a profound influence on values. This influence permeates both the internal and external policies and actions of Europe and the United States of America in the process of globalisation, becoming a key to understanding the deeper value-driven motives behind all actions taken by Western nations [23, p. 156].

According to J. Habermas, religion is not the master of modern society; rather, he describes it as an objectively existing phenomenon that has gained renewed visibility in certain respects. On the contrary, he asserts that science and technology constitute the primary productive forces and will become the ruling power in modern society, inevitably leading to identity and unification; science and technology will shape a unified political, economic, and cultural framework, integrating everything into a techno-scientific system. J. Habermas' efforts to reconcile science and religion in the public sphere are imbued with the brilliance of rationality. This rationality serves as a guiding principle in modern Western societies, enabling citizens to participate in democratic deliberation through rational communicative action, thereby forging social consensus and legitimising government, policy, and law. It provides a valuable

reference for realising reconciliation across various social strata in contemporary Western societies.

Likewise, the Chinese version of neo-Marxism must rationally guide civic engagement in political life through rational communicative action, in order to prevent irrational behaviours from misleading government decision-making and legal interpretation. The Sinicised neo-Marxist interpretation of science and technology shares considerable common ground with J. Habermas' views. Today's China advocates strongly for the integration of science, technology, and cultural knowledge, as well as for a renewed public enlightenment across all social strata. This effort aims to foster a rational force that enables a harmonious relationship between societal development and government politics.

The Sinicised neo-Marxist interpretation of Habermas' idea of a post-secular society. Habermas' idea of a post-secular society embodies a strong spirit of social critique, which is intimately connected to the various ideas he expresses within this framework, especially the rational basis of communicative action in the public sphere, deliberative democracy, and its behavioural paradigms. The core issue he explores remains the relational dynamics among individuals from different social strata in contemporary society. The theoretical point of departure for J. Habermas lies in his recognition of the problems inherent in traditional secularisation theory, particularly its binary opposition between the transcendence and immanence of religion.

According to J. Habermas, an individual's stance on religious issues, especially for Christians in Europe, is a matter that permeates both the surface and deeper structures of social life, having a profound and even decisive impact on personal development and societal progress [24, p. 98]. Traditional secularisation theory, inherited from the Middle Ages, upholds the opposition between the transcendence and immanence of the world's major religions, including Christianity. This dichotomy can lead individuals either toward contemplative detachment and self-enclosure (as seen in the introspective emphasis of Confucianism, Buddhism, and Daoism in China) or toward excessive self-transcendence and radical subjectivism, as exemplified in Europe's Enlightenment era critique of religion. The result was the creation of a secularised human being, defined by a strong sense of self-transcendence in response to the religious notion of a supernatural God.

In response to this, J. Habermas critiques traditional secular society and begins from the factual coexistence of the secular and the religious. He advocates avoiding the opposition between transcendence and immanence, seeking to reconstruct and reconcile the dualities that emerged since the Enlightenment (dualities between Enlightenment and religion, secular and religious, reason and religion, knowledge and faith) through a harmonisation rooted in the integration of transcendence and immanence. This reconfiguration aims to offer modern individuals and modern society a more reasonable spiritual grounding and a meaningful life path [25, p. 166–168].

From the perspective of Sinicised neo-Marxism, J. Habermas' idea of reconciling transcendence and immanence in his post-secular critique does not fully align with the realities of China's traditional culture. However, the Chinese neo-Marxist interpretation of this reconciliation mainly inherits from Marxist thought, which unites the ideal of communism with the practical realities of non-communist societies, essentially integrating the «heavenly kingdom» with the inevitably imperfect «human world». This too reflects the principle of uniting transcendence and immanence. Therefore, whether viewed from the standpoint of classical Marxism or from the lens of Sinicised neo-Marxism, J. Habermas' notion of reconciling transcendence and immanence, as revealed in his post-secular critique, has long since been internalised within the developmental theories of contemporary China.

Conclusions

As one of the most prominent contemporary Western philosophers and a key representative of Western Marxism, J. Habermas presents a body of thought that is both complex and profound, characterised by systematic coherence and internal logic. His concept of a post-secular society is closely intertwined with his broader theoretical framework – it not only serves as a critical pillar in the evolution of his philosophical system but also provides essential theoretical foundations and justificatory grounds for many of his other theoretical propositions [26, p. 152]. At the same time, J. Habermas' articulation of the post-secular society centers on a critique of traditional secularisation theories, which, in essence, offers a critical interpretation of various sociocultural issues prevalent in contemporary Western societies. His intention is not to oppose Western societal structures or institutions; on the contrary, he aims to provide a rational interpretation of fundamental relational problems in Western society, including the interaction between secularism and religion, the relationship between scientific ideals and religious belief, and other associated philosophical and sociological questions. His ultimate goal is to offer intellectual guidance and practical solutions for the betterment of individual and societal life [27, p. 122].

As a leading figure in Western Marxism, J. Habermas' development of the concept of a post-secular society is deeply entangled with numerous Marxist theories; indeed, Marxism constitutes a significant theoretical source for his concept. The Chinese version of neo-Marxism, while rooted in the specific conditions of China, largely inherits the core principles of classical Marxism and incorporates innovative elements. Interpreting J. Habermas' post-secular society from this perspective

represents not only a non-Western lens through which to examine his theory, but also contributes meaningfully to the ongoing theoretical innovation of Marxism in contemporary China. This approach holds valuable implications for addressing similar issues faced by contemporary China. These problems that parallel those confronted by the Western societies J. Habermas critiques. Nevertheless, such an endeavor requires an objective understanding of both the theoretical value and the limitations of J. Habermas' concept, as viewed through the lens of Sinicised neo-Marxism.

While J. Habermas' concept of a post-secular society offers valuable insights for neo-Marxism with Chinese characteristics, its theoretical limitations are equally evident. When articulating his notion of a post-secular society, J. Habermas asserts a commitment to universalism, arguing that his critique of contemporary society applies not only to Germany or Western countries, but also possesses a general applicability consistent with the current trajectory of human social development [28, p. 122]. However, the central problem he identifies in the post-secular context (the conflict between secularism and religion) is clearly situated within the specific socio-cultural context of Western societies [29, p. 1993]. As such, his efforts to reconstruct the relationship between secular and religious domains on the basis of present realities, and to define an order between them, lack genuine universality. The religious landscapes of countries and regions beyond the West differ significantly; many of these societies diverge substantially from the Euro-American model.

Moreover, while J. Habermas advocates a rationally grounded relationship between democratic constitutionalism and religion, he simultaneously upholds the primacy of human rights over state sovereignty in the context of domestic affairs. This stance has been used by Western powers as a theoretical pretext for humanitarian intervention in the internal affairs of other nations and regions. Although deeply influenced by K. Marx, J. Habermas critiques both contemporary realities and the traditional positions of classical Marxism from a humanistic standpoint. His articulation of a post-secular society ostensibly captures the ongoing relevance and supposed profound influence of religion in the contemporary West. However, this view arguably exaggerates the role of religion. While religion certainly continues to exist (and in some cases, is experiencing signs of revival) in various countries and regions across the globe, the rapid advancement of science and the resurgence of rationality suggest that, even in Europe, religion will continue to function within a secularising process. Given the dynamics of scientific progress and industrial transformation, the social status and value of religion in most countries and regions today is far less significant than what J. Habermas implies in his idea of a post-secular society [30, p. 45].

As technological advancement and social evolution continue, human rationality is likely to return to a more balanced state. In response to instrumental reason and the utilitarian application of science, industry, and politics (a legacy of Enlightenment rationality) there is a compelling need to reconstruct Enlightenment rationality in a way that affirms humanistic values and nurtures the inner world of individuals. Nonetheless, this existential reconciliation need not rely solely on religion. Contemporary China's core socialist values and cultural confidence in socialism are equally capable of fulfilling this mission.

References

1. Habermas J. *Post-metaphysical thinking.* Cao Weidong, Fu Degen, translators. Nanjing: Yilin Press; 2001. 266 p. Chinese.
2. Habermas J. *The philosophical discourse of modernity.* Cao Weidong, translator. Nanjing: Yilin Press; 2011. 447 p. Chinese.
3. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere.* Cao Weidong, Wang Xiaojue, Liu Beicheng, Song Weijie, translators. Shanghai: Xuelin Press; 1999. 354 p. Chinese.
4. Tong Shijun. The critical theory of a post-secular society: Habermas and religion. *Social Sciences*. 2008;1:4–15. Chinese.
5. Carson C. Science as instrumental reason: Heidegger, Habermas, Heisenberg. *Continental Philosophy Review*. 2010;42: 483–509. DOI: 10.1007/s11007-009-9124-y.
6. Habermas J. *Moral consciousness and communicative action.* Shachin SV, translator; Sklyadnev DV, editor. Saint Petersburg: Nauka; 2001. 377 p. Russian.
7. Shachin SV. Jürgen Habermas's theory of communicative rationality and its applications to certain psychological issues. *Cultural-Historical Psychology.* 2012;1(1):34–46. EDN: OYFMBX. Russian.
8. Motroshilova NV. The last interview and a new book by Jürgen Habermas: «No one and nothing worth remembering should not be forgotten in a modern history of philosophy». *Philoshophy. Journal of the Higher School of Economic.* 2020;4(4):297–313. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-297-313. Russian.
9. Plotnikov NS. The power of argument and public relations: 70 years of Habermas. *Logos*. 1998;8(12):119–122. Russian.
10. Estelle Ferrarese. Habermas: Testing the Political. *Thesis Eleven*. 2015;1:1–16.
11. Habermas J. *The theory of communicative action. Volume 2.* McCarthy T, translator. Boston: Beacon Press; 1984. 457 p.
12. Habermas J. *Religion and publicity: between naturalism and religion. Philosophical essays*. Skuratov MB, translator. Moscow: Ves' mir; 2011. 336 p. Russian.
13. Fu Qilin. On Supek's interpretation of neo-Marxist psychology. *Marxism and Reality*. 2023;6:149–159. Chinese.
14. Xie Yongkang. The paradigm shift and issues of critical theory. Rethinking the relationship between «post-metaphysical thinking» and «negative dialectics». *Chinese Social Sciences*. 2009;3:32–43. Chinese.
15. He Chunzhen, Gu Shengran. The connotation, characteristics, and implementation path of Habermas' post-secular society. *Journal of Jiamusi University (Social Sciences Edition)*. 2018;5:23–25. Chinese.

16. Yang Yingfa. *The revival of Chinese culture and the enhancement of China's discourse power*. Beijing: People's Publishing House; 2022. 304 p. Chinese.

17. Jun Hongfei, Wang Sinan. On the Multiple Reality Issues in the Study of Eastern European neo-Marxist theory. *Shandong Social Sciences*. 2024;3:14–20. Chinese.

18. Liu Shaojie. The academic contributions and theoretical limitations of Eastern European neo-Marxist sociology. *Learning and Exploration*. 2024;1:123–128. Chinese.

19. Li Jifeng. Seeking the moral foundations of politics. The theoretical appeal of Eastern European neo-Marxism. *Social Scientist*. 2023;10:24–29. Chinese.

20. Institute of Philosophy, Chinese Academy of Social Sciences. *Collected essays on Yugoslav philosophy.* Beijing: Sanlian Bookstore Press; 1979. 448 p. Chinese.

21. Liu Haoyu, Sun Shaoyong. A theoretical logical analysis of Habermas' technological ideology. *Journal of Nanning Normal University (Social Science Edition).* 2019;9:61–66. Chinese.

22. He Cuixiang. On Habermas' religious perspective in a post-secular society. *Academic Exchange*. 2017;9:83–89. Chinese.

23. Zhang Rongnan. Habermas and Taylor on the religious issue in a post-secular society. *Marxism and Reality*. 2016;5: 151–157. Chinese.

24. Habermas J. *Between naturalism and religion.* Yu Zhejun, translator. Shanghai: Shanghai People's Publishing House; 2013. 303 p. Chinese.

25. Strydom P. Intersubjectivity – interactionist or discursive? Reflections on Habermas' critique of Brandom. *Philosophy & Social Criticism*. 2006;32(2):155–172. DOI: 10.1177/0191453706061090.

26. Habermas J. *Between facts and norms.* Tong Shijun, translator. Beijing: Sanlian Bookstore Press; 2003. 787 p. Chinese.

27. Agger B. *An introduction to Western Marxism.* Shen Zhi, Liang Shufa, translators. Beijing: Renmin University of China Press; 1991. 522 p. Chinese.

28. Habermas J. *Toward a rational society: student protest, science and politics*. Shapiro JJ, translator. Boston: Beacon Press; 1970. 132 p.

29. Morganti F, Carassa A, Geminiani G. Planning optimal paths: a simple assessment of survey spatial knowledge in virtual environments. *Computers in Human Behavior*. 2006;23(4):1982–1996. DOI: 10.1016/J.CHB.2006.02.006.

30. Tie Shenglin. The religious implications of Habermas' public sphere. An interpretation from a hermeneutic perspective. *Journal of Shandong University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2008;1:42–46. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 19.05.2025.
Received by editorial board 19.05.2025.

Социальные исследования

Social researches

УДК 316.752

СТРУКТУРА ЦЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

А. С. РЕУТСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Изучение ценностей является сложным и комплексным вопросом, который затрагивает самые разные сферы человеческой жизни. Само понятие ценности в силу изменчивости и большого многообразия вариантов прочтения различается в разных культурах и обществах. Помимо этого, ценности молодого поколения вступают в конфликт с ценностями старшего поколения. Ввиду изменений формы и содержания нынешних ценностей появляется необходимость в их исследовании как трехсоставной единицы.

Ключевые слова: ценность; культура; понятие; функции; содержание; удовлетворение потребностей; изменение; становление; структура.

THE STRUCTURE OF VALUE AS A SOCIAL PHENOMENON

A. S. REUTSKY[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The study of values is a complex and comprehensive issue that touches on a wide range of human life. The very concept of value, due to its fluidity and wide variety of interpretations, differs across cultures and societies. Furthermore, the values of younger generations conflict with those of older generations. Given the changing form and content of today's values, there is a need to study them as a three-part unit.

Keywords: value; culture; concept; functions; content; satisfaction of needs; change; formation; structure.

Образец цитирования:
Реутский АС. Структура ценности как социального феномена. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:39–43.
EDN: MDEZKG

For citation:
Reutsky AS. The structure of value as a social phenomenon. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:39–43. Russian.
EDN: MDEZKG

Автор:
Александр Сергеевич Реутский – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор А. В. Рубанов.

Author:
Alexander S. Reutsky, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
realexs@tut.by

CC BY NC

Идея о ценности существует еще со времен появления первых цивилизаций. Как в те годы, так и в наши дни эта идея выступает одним из самых сложных объектов для изучения. Прежде всего ценность может быть классифицирована и рассмотрена как социальная единица. Причиной этого являются социальная природа ценностей и важность социального фактора в изменении и воспроизводстве ценностей. В то же время нельзя сказать, что ценность не возникает из биологической необходимости. Первичные, основные инстинкты (инстинкты выживания и размножения) сильно влияют на жизнь человека в любом обществе. Однако человек является социальным существом и обладает абстрактным мышлением. Он вынужден удовлетворять свои потребности через социальное взаимодействие. Сепарация человека от природы в результате формирования общества и государства привела к росту влияния социальной составляющей ценностей. Истоки и понимание ценностей перешли в поле социального взаимодействия, что внесло ряд существенных корректив в технологии и практики, направленные на формирование ценностей нынешнего поколения.

Существуют различные теории ценностей, в том числе социологические. Социологические теории ценностей берут начало в равной степени в работах Э. Дюркгейма и К. Маркса.

По мнению Э. Дюркгейма, ценности подразделяются на категории в зависимости от сферы их использования (экономические, религиозные, эстетические, нравственные ценности и др.). Э. Дюркгейм особенно выделял экономические ценности, поскольку они имеют абсолютно приземленный и утилитарный характер. Остальные ценности, согласно его идеям, представляют собой отражение всего общества, его состояния, противоречий и традиций. Важным элементом общественного согласия и принятия общей ценностной карты Э. Дюркгейм считал религию [1–3].

Работая на стыке ряда наук, К. Маркс не уделял специального внимания изучению ценностей. Его главной заслугой в изучении ценностей является развитие идеи о взаимовлиянии социальных процессов и морально-ценностного комплекса населения. По мнению философа, господствующий способ производства формирует общественный строй и ценности, а движущей силой истории выступает борьба классов за контроль над прибавочным трудом и продуктом. Устаревание, разложение и трансформация ценностей связывались им с изменениями в структуре труда и экономических отношениях, а также с отчуждением [3].

Большой интерес представляют работы Ф. Энгельса, в частности труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В нем автор прослеживает развитие института семьи и рост количества выполняемых данным институтом социальных функций. Он рассматривает эволюцию института семьи в контексте развития общественных и экономических отношений [4].

По мнению В. Дильтея, жизненная ценность – это то, чем мы пользуемся для достижения чувства удовольствия и удовлетворения. Мы постигаем ценности жизненных отношений, взглядов, идей, деятельности, выбираем из них то, что нам полезно, и в процессе жизни создаем новые ценности [5].

Вопросы ценностей также затрагивал Дж. Милль. В его работе «Утилитаризм» счастье выступает в качестве высшей ценности, а остальные ценности представляют собой лишь способ его достижения [6].

Много внимания вопросам ценностей также уделяли социологи и философы Франкфуртской школы. Из них стоит выделить Э. Фромма. В его трудах система ценностей выстраивается для удовлетворения экзистенциальных потребностей человека – потребностей в коммуникации, самоопределении, самоидентичности и др. [7]. В то же время в нездоровом обществе ценности не будут способствовать полному раскрытию потенциала человека и обеспечению его психологического комфорта [8; 9].

Изменчивость ценности проявляется не в одном ее аспекте. Если рассматривать форму и содержание ценности, то можно обнаружить, что на разных этапах истории человечества изменчивыми были оба ее аспекта. Помимо этого, сильно различались в зависимости от уровня развития общества и господствующего в нем образа жизни общественные функции ценностей (например, функции семьи).

Классические исследования ценностей, проведенные как глобальными (*World Value Survey, European Values Study*), так и национальными (Центр социологических и политических исследований БГУ, Институт социологии НАН Беларуси и др.) организациями, позволяют оценить единовременно собранные данные о ценностном комплексе населения страны, отследить смену тенденций в ценностной сфере граждан, ее общей картины. Методологической основой для проведения таких исследований являются работы Р. Инглхарта.

Одними из важных событий в истории изучения ценностей стали публикация работ М. Рокича и создание им психологического теста на выявление ценностных ориентаций. М. Рокич разделил ценности на две категории: 1) терминальные ценности (то, что может быть желаемо); 2) инструментальные ценности (то, с помощью чего достигается желаемое) [10]. При таком разделении ценностей возможно точно оперировать элементами социальной сущности ценностей. Однако эта теория не позволяет обратиться к сущностному содержанию понятия ценности, она лишь разделяет ценности на функциональные разновидности. Сама структура ценности остается нерассмотренной. Тем не менее в рамках данной

теории выделяется важная деталь – практический и идеологический аспекты ценности.

Психолог Д. А. Леонтьев сформировал «представление о трех формах существования ценностей, переходящих одна в другую: 1) общественных идеалах – выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлениях о совершенстве в различных сферах общественной жизни; 2) предметном воплощении этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей; 3) мотивационных структурах личности ("моделях должного"), побуждающих ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов» (цит. по [11, с. 78]).

Ценность является историческим понятием, следовательно, развитие ценности необходимо изучать с точки зрения ее исторической эволюции. Так же следует рассматривать формы и варианты одной и той же ценности, которые распространены в разных культурах и классах общества. На восприятие и понимание ценностей в разных культурах и классах общества влияют накопленный исторический опыт, формы взаимодействия индивидов, обстоятельства отношений между ними и способы реализации личности.

Помимо этого, образ ценности является сильным мотиватором, который побуждает человека к изменению окружения. Побудительная функция ценностей в наибольшей степени проявляется в кризисные периоды развития разных обществ. Аномическое состояние общества вызывает противоречие между сложившимся в нем понятием ценности и существующим порядком, заставляя все общество или отдельные его группы действовать и выстраивать такую форму социальных отношений, которая подкрепляла бы варианты ценностей, признанные нормой. Преодоление кризиса нельзя считать материальной первопричиной социального взаимодействия, но можно признать идеологическим и моральным обоснованием для него.

Структура ценности настолько изменчива, что привычное разделение на форму и содержание становится довольно условным. Это обстоятельство обусловлено тем, что форма и содержание ценности меняются на протяжении долгого периода в зависимости от разного рода вызовов. Наиболее наглядной выглядит следующая структура ценностей.

Понятие ценности. При восприятии понятия ценности в голове человека возникает образ такого ее варианта, который наиболее приемлем в данном обществе. Этот образ существует под одним названием, хоть и значительно различается в зависимости от класса, конфессии, нации, возраста и других индивидуальных характеристик человека. Специфика данного образа обусловлена установившимся в обществе или классе стереотипом, который сложился под влиянием доминирующих социальных факторов. Говоря более конкретно, понятие ценности служит сигналом, который создает определенный ассоциативный ряд в сознании как одного человека, так и представителей больших человеческих сообществ. Эта особенность восприятия позволяет обобщать множество вариантов понимания одной ценности.

В качестве примера рассмотрим ценность семьи. Семья является базовой первичной формой организации совместной социальной деятельности и жизни в обществе, основанной на добровольных связях и договоре между партнерами, а также первой в жизни человека социальной общностью, благодаря которой он приобщается к ценностям культуры, осваивает социальные роли, приобретает опыт общественного поведения. В повседневной жизни семьи происходят становление и первичная самореализация личности. Семья выполняет и такие важные в жизни человека и общества функции, как воспроизводство населения, воспитание, опека и забота, социально-психологическая защита [12].

Семья представляет собой сообщество, основанное на браке, совместном ведении хозяйства и воспитании детей. Это утверждение является усредненным, поскольку оно описывает наиболее распространенный тип семьи. Функции семьи и содержание семейной жизни постоянно изменялись, и эти трансформации напрямую отражались в культуре и обществе. Ускорение социальных изменений лишь сильнее подчеркнуло этот процесс. Так, сегодня ряд семей могут не соответствовать данному определению, что обусловлено распространением раздельного и гражданского браков, отсутствием желания или возможности завести детей.

Примером отмершей ценности служит дворянская честь. Наиболее массово данная ценность была представлена в эпоху Средневековья. Демонстрация дворянской чести являлась не только средством доказательства принадлежности к правящему классу, но и способом соответствия идеальному образу дворянина, принятым в обществе нормам.

В неразвитых обществах принадлежность к дворянскому сословию подчеркивалась с помощью особых причесок, украшений и нарядов. Дифференциация по внешним признакам была не следствием моды, а способом определения класса человека. Б. Кастильоне писал: «Собираясь принять участие в кровавой битве, отчаянном штурме, вылазке или обычной военной переделке, позаботьтесь о том, чтобы выделиться из общей массы участвующих, постарайтесь проявить свою отвагу, дерзость и хладнокровие перед наиболее благородными и известными в армии вождями, и особенно, если возможно, перед королем или принцем, которым вы служите, это будет самое достойное и полезное, что вы можете сделать для себя» (цит. по [13, с. 106]). Сегодня понятие дворянской чести кажется неактуальным;

ценится совершенно другой аспект личности – прагматизм. Именно прагматизм низвел понятие дворянской чести сначала до поля сражения, а затем и в повседневную жизнь.

Содержание (функции) ценности. Содержание выступает наиболее прагматичной и прикладной частью структуры ценности, представляющей полезность для общества и его членов. Как уже отмечалось, функции семьи трансформируются при изменении общества. Наиболее распространенными функциями семьи являются рождение и воспитание детей, совместное ведение хозяйства и накопление благ. В патриархальной семье отец (патриарх) распоряжался членами своей семьи как собственностью. В разное время семья становилась особо значимым экономическим и даже дипломатическим инструментом. Функции семьи выступают отражением состояния общества и положения отдельных групп внутри него. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс особо подчеркивает сильную зависимость семейных отношений от социальных отношений, особенно экономических, отмечая, что постепенное появление частной собственности привело к обособлению семей и распаду родо-племенной структуры [8].

Сегодня изменения в функциях семьи наиболее заметны. Если в рамках традиционной модели семьи доминировали хозяйственно-бытовая и воспитательная функции, то в рамках современной модели семьи особую роль играют эмоционально-психологическая, рекреативная и сексуальная функции [12].

Форма ценности. Говоря о форме ценности, мы в первую очередь имеем в виду такую конструкцию, которая позволяет наиболее оптимально выполнять ее функции. Эта конструкция является своего рода скелетом, моделью существования ценности. Так, в капиталистическом обществе семья представляет собой довольно прагматическое явление. Тем не менее либерализация общества и формирование новых форм сожительства при изменении структуры труда вносят коррективы в характер сложившихся отношений. Естественная необходимость в воспроизводстве населения ранее позволяла высшему классу сохранять и умножать свое богатство, концентрировать его в одном роду. Накопительная (экономическая) функция была одной из основных функций семьи. Однако при рассмотрении брачных отношений нового поколения видна трансформация функций семьи: деторождение уже не является основной функцией; повышается значимость рекреактивной и социально-психологической функций.

Используя данную трехсоставную структуру (понятие, содержание (функции) и форма), можно отследить условия возникновения и развития, исторический путь и трансформацию каждой базовой ценности в исследуемом обществе. В частности, семья, как феномен социальной жизни и как ценность, за время своего развития претерпела значительные изменения, которые обусловили трансформацию функций, структуры, характера взаимоотношений и способа их формирования.

Так, если рассматривать ценность досуга как относительно новую ценность, которая связана в первую очередь с увеличением количества свободного времени, то можно заметить, что особое значение этой ценности заключается в создании условий для самореализации. Человек выбирает цель, с которой он прибегает к средствам досуга. Эта цель зависит от доминирующих в обществе установок, особенностей воспитания и обучения человека, его индивидуальных способностей.

В современном мире принципиально новой ценностью становится экологически грамотное поведение. Зародившаяся в середине XX в., ценность экологически грамотного поведения получила развитие в ходе осознания влияния состояния природы на организм, физическое и психическое здоровье людей, а также взаимосвязи человека и окружающей среды. Данная ценность стала важной для молодого поколения.

В контексте современных угроз и вызовов содержание и форма ценностей меняются, хотя само понятие остается статичным. Семья прошла путь от большой общности, объединяющей до 4 поколений, до компактной группы, состоящей из 3–5 человек, и сохранила свой статус основной ячейки общественной жизни.

Постмодернистская реальность разбила общество на множество фрагментов, которые ищут собственный ценностный комплекс, позволяющий им взаимодействовать с социумом, его институтами и отвечать на вызовы, максимально экономя ресурсы. Это разделение привело к соответствующим изменениям: увеличению числа бездетных семей, возраста вступления в брак и возраста рождения первого ребенка; распространению раздельных и гражданских браков и др. Вследствие этого количество вариантов одной ценности увеличилось.

Рассмотрим вопрос о роли неформальных форм и содержаний ценностей, а также их месте в обществе. Неформальные варианты ценностей – это, по мнению Т. Парсонса, зарождающаяся преемственность поколений [2]. При накоплении критической массы воспринявших эти варианты ценности людей они становятся новой традицией. Если факторы, способствующие существованию таких вариантов, пропадают, то со временем эти формы ценностей отмирают.

Итак, структура ценности включает понятие, содержание (функции) и форму. Ценности являются динамическим фактором социализации, регуляции социальных взаимодействий и формирования

личности. Они трансформируются в соответствии с изменениями в таких сферах, как общественное и экономическое устройство, структура труда, доходность и идеология общества. В то же время содержание и форма ценности изменяются; стабильным остается лишь ее понятие.

Понятие ценности представляет собой стержень ценности. При дезактуализации предмета ценности и исчезновении необходимости в нем это понятие перестает выполнять свою прежнюю функцию и теряет содержание, поскольку оно становится излишним для общества на данном уровне развития. Как следствие, ценность отмирает. Одной из последних ценностей, потерявших прежнюю актуальность, является ценность дворянской чести. Согласно К. Марксу буржуазия «…достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности» [14, с. 5].

Таким образом, содержание ценности составляют те функции, которые она выполняет в конкретных условиях в конкретном обществе. Форма ценности – это вариант ее реализации, который признан наиболее приемлемым в заданных условиях. Содержание и форма ценности выступают как регуляторы и своеобразные маркеры изменений в обществе и его подсистемах.

Библиографические ссылки

1. Быков АВ. Концепция ценностей в социологии Э. Дюркгейма. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2009;3:219–226.
2. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения. Гофман АБ, переводчик. *Социологические исследования.* 1991;2:106–114.
3. Колосова ВВ. Социологические подходы к изучению ценностей личности в процессе профессиональной деятельности. *Молодой ученый.* 2016;9:999–1002. EDN: VWEQXD.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 23–178.
5. Dilthey W. *Gesammelte Schriften. Band XVIII.* Göttingen: Vandenhoeck und Rurecht; 1977. 291 S.
6. Милль Дж. *Утилитаризм*. Земеров АС, переводчик. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом; 2013. 240 с.
7. Иванова ИС. Проблема истинных и ложных ценностей в работе Э. Фромма «Бегство от свободы» и отношение к ней в современной России. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение».* 2016;6:72–78. EDN: YRPAML.
8. Фромм Э. *Здоровое общество. Догмат о Христе.* Лактионов А, составитель. Москва: АСТ; 2005. 571, [5] с. Совместно с издательством «Транзиткнига». (Philosophy).
9. Фромм Э. *Иметь или быть?* Телятникова ЭМ, переводчик. Москва: АСТ; 1976. 270 с. (Новая философия).
10. Рокич М. Природа человеческих ценностей. *Свободная пресса.* 1973;5:20–28.
11. Епишев СО. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий ценность, ценностные ориентации. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология.* 2010;3:74–90. EDN: MVSBCF.
12. Рябова ВВ. Трансформация функций семьи в современном российском обществе. *Проблемы социально-экономического развития Сибири.* 2014;3:106–112. EDN: TBVCRT.
13. Кутищев АВ. Сословное достоинство московского и западноевропейского дворянства в XVI–XVII веках. *Манускрипт.* 2017;12(часть 3):105–108. EDN: ZWMAQT.
14. Маркс К, Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии.* Москва: Политиздат; 1985. 68 с.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2025.
Received by editorial board 02.10.2025.

УДК 316.346.2

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ОПРОСА ЖЕНЩИН

ЧЖАО ЛИЦЗЯФЭН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматриваются социокультурные факторы снижения рождаемости в Китае. Анализируются экономические, социальные, культурные, психологические и биологические причины демографического кризиса, влияние урбанизации, карьерных амбиций и изменения ценностей на репродуктивное поведение женщин. Приводятся результаты опроса 400 китайских женщин. Особое внимание уделяется последствиям проведения в Китае политики «одна семья – один ребенок» и традиционным гендерным ролям. Предлагаются меры по поддержке семей и повышению рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость; женщины; карьера; материнство; урбанизация; традиции; ценности; социальная политика; демография; гендерные роли.

A STUDY OF SOCIOCULTURAL FACTORS IN THE DECLINE OF THE BIRTH RATE BASED ON A SURVEY OF WOMEN

ZHAO LI JIAFENG[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article examines the sociocultural factors behind China's declining birth rate. It analyses the economic, social, cultural, psychological, and biological causes of the demographic crisis, as well as the impact of urbanisation, career ambitions, and changing values on women's reproductive behaviour. It presents the results of a survey of 400 Chinese women. Particular attention is paid to the consequences of China's one-child policy and traditional gender roles. Measures to support families and increase the birth rate are proposed.

Keywords: birth rate; women; career; motherhood; urbanisation; traditions; values; social policy; demography; gender roles.

Introduction

Low fertility is a social phenomenon that does not occur overnight, but is the result of the intertwining and cumulative impact of different factors. It is not only related to social economics and cultural concepts, but also is closely linked to multiple levels such as political orientation and individual choice. This article will take a detailed look at the causes of low fertility from different perspectives to provide a comprehensive perspective to understand this complex issue.

Fertility rates have been declining globally over the past few decades, with significant implications for demographic stability, economic growth, and social structures. This trend is particularly pronounced in historically patriarchal countries (such as China), where sociocultural

Образец цитирования:
Чжао Лицзяфэн. Исследование социокультурных факторов снижения рождаемости на основе материалов опроса женщин. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:44–50 (на англ.).
EDN: OFNYMK

For citation:
Zhao Li Jiafeng. A study of sociocultural factors in the decline of the birth rate based on a survey of women. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2026;1:44–50.
EDN: OFNYMK

Автор:
Чжао Лицзяфэн – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент Е. И. Лебедева.

Author:
Zhao Li Jiafeng, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
zhaolijiafeng@gmail.com

factors play a crucial role in shaping women's decisions about childbearing. By examining these factors through a female lens, we can better understand why fertility rates are declining and what this means for the future of these nations. Below, we incorporate statistical data to provide a more comprehensive analysis.

The phenomenon of never marrying or marrying late is becoming more common, and the desire to have children is correspondingly declining. This change in cultural concepts reflects not only the progress of society, but also the rethinking of life choices and responsibilities by young people. They pay more attention to improving their quality of life and their sense of self-worth, and they believe that having children may restrict their lives to a certain extent and limit their personal career aspirations. This change in concept has gradually led to a reduction in the proportion of childbearing in young people's life plans.

As was mentioned above in patriarchal societies like China, traditional gender roles have historically placed the burden of caregiving and household responsibilities on women. Despite significant progress in gender equality, Chinese women still face immense pressure to balance career aspirations with family obligations. The one-child policy (1979–2015), while officially abolished, left a lasting legacy of small-family norms and heightened expectations for women to excel professionally rather than focus solely on motherhood[1].

Declining birth and fertility rates are one of the key demographic problems of our time, affecting both developed and developing countries. According to the United Nations, the global birth rate has decreased from 5,0 children per woman in 1950 to 2,3 children per woman in 2023. This trend is especially acute in China, where socio-economic factors and cultural changes have a significant impact on women's reproductive behaviour[2]. That's why the purpose of this work is closely connected with the analysis of the sociocultural factors that contribute to the decline in fertility among women, with an emphasis on their perception and motivation. We argue that current trends in declining birth rates in China have strong sociocultural traces, particularly in women's identification of their motherhood, career, and social roles. We are going to debunk the hypothesis about the economic-based fertility motivation and show the influence on the reproductive behaviour patterns of non-economic factors (education, mass-culture, values transformation).

Research methodology

Research by Belarusian and Chinese scientists allow us to better understand the reasons for the decline in fertility. In Belarus, this topic is most actively studied by such authors as L. G. Titarenko [1] and M. V. Andryiashka [2]. They emphasise the role of economic instability and insufficient state support for families with children. For example, L. G. Titarenko notes that many women postpone having their first child due to the high cost of housing, low salaries and the lack of affordable kindergartens [1]. M. V. Andryiashka, in turn, focuses on changing value orientations. Modern woman strives for self-realisation in the professional sphere, which often contradicts traditional ideas about motherhood. Research shows that more «than 60 % of Belarusian women consider a career an important part of their lives»[3] [2, p. 263]. In China, the problem of declining fertility is actively studied by scientists such as Wei Huang[4], Zeng Yi and J. W. Vaupel [3]. Wei Huang points to the long-term consequences of the one-child policy, which has led to the formation of new cultural norms. Many Chinese women consciously choose a childless lifestyle or limit themselves to one child due to the high cost of upbringing and education[5]. Zeng Yi and J. W. Vaupel study the impact of urbanisation on fertility. They note that women living in large cities are less likely to have children due to stressful living conditions and career ambitions. In addition, modern Chinese women face societal pressure to combine the roles of mother and successful professional [3, p. 435]. Both lines of research emphasise the importance of taking into account sociocultural factors when developing measures to increase the birth rate. However, Belarusian studies focus more on economic aspects, while Chinese scientists emphasise cultural changes.

Declining fertility is a complex socio-demographic process that is formed under the influence of many interrelated factors. These factors can be divided into five main groups: 1) economic factors; 2) social factors; 3) cultural factors; 4) psychological factors; 5) biological factors (table). Each of these groups has a significant impact on the reproductive behaviour of women, especially in the modern world, where global changes are taking place in society.

[1] *Wei Huang*. How does the one child policy impact social and economic outcomes? // World of Labor : website. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/387/pdfs/how-does-the-one-child-policy-impact-social-and-economic-outcomes.one-pager.pdf (date of access: 03.06.2025).

[2] Demographic yearbook of the Republic of Belarus 2020 // Belstat : website. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/ (date of access: 03.06.2025) (in Russ.).

[3] Here and further translated by us. – *Zh. L. J.*

[4] *Wei Huang*. How does the one child policy impact social and economic outcomes? // World of Labor : website. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/387/pdfs/how-does-the-one-child-policy-impact-social-and-economic-outcomes.one-pager.pdf (date of access: 03.06.2025).

[5] Ibid.

Factors of the women's reproductive behaviour

Group of factors	Components	Researchers (research organisations)
Economic factors	High cost of living, insufficient government support, career ambitions	Wei Huang[6]; L. G. Titarenko [1]; UN[7]; Chuanchuan Zhang and Tao Li [4]; UNFPA[8]
Social factors	Urbanisation, changing the institution of the family, gender equality	M. V. Andryiashka [2]; Zeng Yi and J. W. Vaupel [3]; Zhang Xin, C. William and Wu Dongxue [5]; Qing Han, Lu Han and Quanbao Jiang [6]
Cultural factors	Changing life goals, social pressure, globalisation	Wei Huang[9]; Qing Han, Lu Han and Quanbao Jiang [6]; T. Shchurko [7]
Psychological factors	Fear of responsibility, career anxiety, uncertainty of the future	M. V. Andryiashka [2]; Qing Han, Lu Han and Quanbao Jiang [6]
Biological factors	Late motherhood, diseases of the reproductive system, environmental factors	Belstat[10]; National Bureau of Statistics of China[11]; Zhao Li Jiafeng (2024)

As we can see, social changes also play a key role in declining fertility. Urbanisation, changing family structures, and the transformation of the roles of men and women have led to a reassessment of traditional values. Moving to cities increases access to education and career opportunities, but creates stressful conditions for raising children. Therefore, changing the institution of the family occurs – a decrease in the number of marriages, an increase in divorces, and an increase in the number of singles lead to a decrease in the number of families ready to have children. One more important aspect is gender equality. Achievements in gender equality have allowed women to become more independent, but at the same time have increased the burden on them, as they are forced to combine work and family responsibilities.

Cultural changes have also a profound impact on attitudes toward motherhood and family. Traditional norms are giving way to new values that are restructuring women's priorities. Among them changing life goals (modern woman often prioritises self-realisation, education, and career over having children), social pressure (the acceptance of a childless lifestyle as the norm), globalisation (the spread of Western values contributes to the formation of a new worldview, where children are not an obligatory part of life).

Declining fertility is a multifactorial process that requires a comprehensive analysis. Economic difficulties, social changes, cultural transformations, psychological barriers and biological limitations interact with each other, shaping the modern demographic situation. To solve this problem, it is necessary to take into account all these aspects and develop measures aimed at improving living conditions, supporting families and improving the quality of reproductive health.

Sociocultural factors play a key role in shaping women's reproductive behaviour. They include cultural norms, traditions, changes in value orientations, as well as the influence of society on the perception of motherhood. In China and Belarus, these factors have both common features and significant differences due to the historical context, the level of development of society and government policy.

The one-child policy has had a long-term impact on sociocultural norms. Many women grew up in families where having one child became the standard. This has led to a change in attitudes toward motherhood: many modern women believe that having more than one child is unnecessary or even undesirable. Research shows that about 60 % of Chinese women believe that one child is enough for a family. In addition, this policy has contributed to an increased gender imbalance (preference for boys), which has also affected demographic trends[12].

Modern Chinese women are increasingly pursuing higher education and career success. Educated women are postponing having children to focus on professional advancement. About 70 % of survey participants said that their career is an important aspect of their life, and they are not willing to sacrifice it for early

[6]*Wei Huang.* How does the one child policy impact social and economic outcomes? // World of Labor : website. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/387/pdfs/how-does-the-one-child-policy-impact-social-and-economic-outcomes.one-pager.pdf (date of access: 03.06.2025).

[7]World population prospects 2024 // United Nations : website. URL: https://population.un.org/wpp/ (date of access: 25.03.2025).

[8]Belarus // UNFPA : website. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/factsheets/en/Belarus_factsheet.pdf (date of access: 26.03.2025).

[9]*Wei Huang.* How does the one child policy impact social and economic outcomes? // World of Labor : website. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/387/pdfs/how-does-the-one-child-policy-impact-social-and-economic-outcomes.one-pager.pdf (date of access: 03.06.2025).

[10]Demographic yearbook of the Republic of Belarus 2020 // Belstat : website. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/ (date of access: 03.06.2025) (in Russ.).

[11]China statistical yearbook of 2020 // National Bureau of Statistics of China : website. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (date of access: 23.03.2025) (in Chin.).

[12]Ibid.

motherhood[13]. Statistics show that women with higher education have their first child on average 5–7 years later than women with a low level of education[14]. Despite the change in traditional norms, many females in China continue to experience pressure from society and family. This is especially true for women over 30 who have not yet married or had children, 60 % of women reported that they face constant reminders of the need to have children from parents, relatives and friends. However, the younger generation of women is beginning to resist this pressure. For example, 25 % of the study participants said that they choose a childless lifestyle, despite criticism from others[15].

Chinese women are reconsidering their life priorities. Motherhood is no longer the main goal of life, giving way to self-development, travel and personal interests: «…55 % of participants noted that they value personal freedom above family obligations; 35 % of women would prefer to invest time and money in their hobbies and education, rather than in raising children» [6, p. 41].

Thus, sociocultural factors in declining fertility in China reflect global trends: changing values, striving for career growth, and a decline in the role of traditional norms [4; 7]. However, the specifics of each country determine the unique features of this process. To solve the problem of declining fertility, it is necessary to take into account the cultural context and develop measures aimed at supporting women and families.

To achieve the purpose of the study (to analyse the sociocultural factors of fertility decline in China from a women point of view) a survey was conducted among 400 women aged 20 to 45 years. The study was conducted in the autumn of 2024 and was exploratory in nature, which made it possible to identify the key causes of changes in the reproductive behaviour of modern Chinese women.

The aim of the work was to study the influence of economic, social, cultural, psychological and biological factors on the reproductive behaviour of women in the context of urbanisation and the transformation of gender roles. The main objectives of the study were identification of motives for refusal or postponement of motherhood; analysis of the role of career ambitions, social pressure and changes in value orientations; comparison with demographic processes in Belarus; formulation of proposals to support families and increase fertility.

The survey included women from various regions of China, including 35 % women from major cities (Beijing, Shanghai), 40 % women from medium-sized cities, and 25 % women from rural area. Of these, 20 % women had a high school education, 30 % women had a vocational education, and 50 % women had a higher education. It should be noted that 65 % of the women surveyed were married and 35 % of the women surveyed were unmarried.

This distribution allowed us to get an idea of the reproductive attitudes of women from different social and regional groups, however, it should be noted that the study is not representative of the entire female population of China. Its results can serve as a basis for further quantitative and qualitative studies, but are not subject to broad extrapolation to the entire population.

Anonymous online surveys via popular Chinese social platforms (WeChat, Weibo), as well as face-to-face interviews in major cities, were used to collect information. The questionnaire contained both closed multiple-choice questions and open-ended questions allowing participants to express their own opinions.

Data analysis included the following steps:

1) quantitative processing (calculation of frequencies, averages, confidence intervals);

2) qualitative interpretation (analysis of the content of free responses).

As an additional tool, cross-analysis was applied between variables (for example, the level of education and the desire to have a second child).

The study was based on the work of both Chinese and Belarusian scientists studying demographic processes and reproductive behaviour of women. This allowed us to conduct a comparative analysis of women's reproductive behaviour in the two countries and show common trends and differences.

Like any exploration study, this work has a number of limitations:

1) limited sample size (n = 400);

2) lack of strict random sampling;

3) the impossibility of generalising the data obtained to the entire population.

However, its value lies in the fact that it opens up a discussion about the need for more extensive and detailed research on women's reproductive behaviour in China.

Results and discussion

The obtained data from a survey of 400 Chinese women confirm the hypothesis that the decline in the birth rate in China is a multifactorial process caused by the complex influence of economic, social, cultural, psychological and biological factors. In contrast to the traditional approach, which often reduces the problem to purely economic reasons, the results demonstrate that a wide range of factors shapes the reproductive behavior of modern Chinese women, among which a special place is occupied by changes in values, social pressure, career, etc.

Economic factors. About 85 % of the participants noted that the high cost of living, including housing, education and medical care, is becoming the main obstacle

[13]World population prospects 2024 // United Nations : website. URL: https://population.un.org/wpp/ (date of access: 25.03.2025).
[14]Ibid.
[15]Ibid.

to increasing the number of children in the family. This is consistent with the findings of Wei Huang[16], who points out that the one-child policy has shaped the culture of small families, reinforced by the economic realities of modern society. A comparison with data from Belarus [1] shows a similar picture: in both countries, women face a high level of economic risk when planning a family. However, this effect is increasing in China due to the scale of urbanisation and competition in education.

Moreover, 70 % of the respondents said they were ready to give birth more if they received government support – this is important information for demographic policy makers. Similar data was obtained in UNFPA Belarus research[17], which emphasised the need to develop the infrastructure of children's institutions and create preferential conditions for large families.

Career and self-fulfilment. Over 70 % of women consider their career to be an important part of life and do not want to sacrifice it for the sake of early motherhood. This is especially true for women with higher education, whose level of professional activity is much higher. The data confirm the conclusions of Qing Han, Lu Han and Quanbao Jiang [6], who note that higher education is associated with a delay of the first birth by 5–7 years. It is also interesting that 45 % of women are afraid of losing professional positions after maternity leave, a problem that was described earlier by M. V. Andryiashka [2] in the context of Belarus. Thus, we can talk about the existence of a general trend: the higher a woman's level of education, the more pronounced her orientation towards professional realisation, which often contradicts traditional ideas about motherhood as the main goal of life (fig. 1).

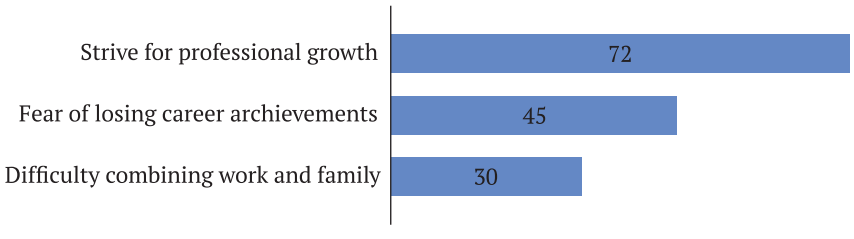

Fig. 1. Attitudes towards the relationship between career and motherhood, %

Social pressure. Despite the gradual change in traditional norms, about 60 % of women reported constant pressure from parents and society to marry and have children as soon as possible. However, only 35 % of women fully submit to this pressure, while 25 % of women actively resist it, choosing a childless or single-parent path. This differentiation allows us to talk about the beginning of the formation of new patterns of behaviour, where individual choices take precedence over collective attitudes. This phenomenon has been studied in detail by T. Shchurko [7], who links it to the spread of feminist ideas and the transition to an individualised perception of life (fig. 2 and 3).

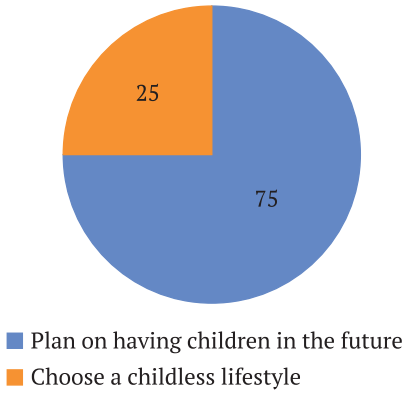

Fig. 2. Level of social pressure on women over 30, %

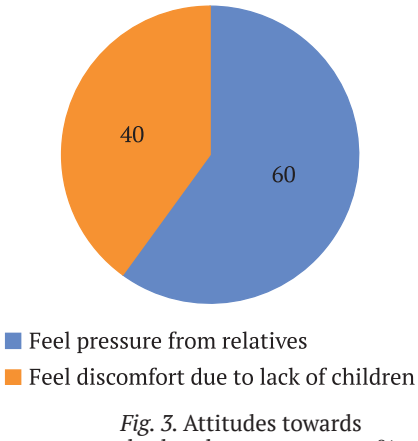

Fig. 3. Attitudes towards motherhood among women, %

[16]*Wei Huang.* How does the one child policy impact social and economic outcomes? // World of Labor : website. URL: https://wol.iza.org/uploads/articles/387/pdfs/how-does-the-one-child-policy-impact-social-and-economic-outcomes.one-pager.pdf (date of access: 03.06.2025).

[17]Belarus // UNFPA : website. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/factsheets/en/Belarus_factsheet.pdf (date of access: 26.03.2025).

Changing values. Modern Chinese women are reconsidering their life priorities, which also affects fertility. About 55 % of participants noted that motherhood is no longer the main goal of their life. They value personal freedom, travel and self-development. About 35 % of women said they prefer to invest time and money in their education and hobbies rather than raising children; 20 % of respondents expressed a desire to have one child or limit themselves to a childless lifestyle in order to focus on a career and personal interests (fig. 4).

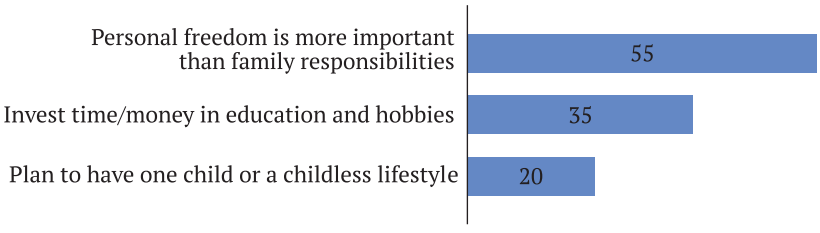

Fig. 4. Priorities in the lives of modern Chinese women, %

Urbanisation and transformation of values. Women living in large cities are more likely to face problems combining work and family life. According to Zeng Yi and J. W. Vaupel [3], urbanisation directly correlates with a decrease in the birth rate, which is confirmed by our study: 70 % of women from megacities noted that stressful living conditions and high competition make motherhood less attractive. In addition, 55 % of the participants admitted that they value freedom above family obligations, which indicates a shift in priorities towards personal development, travel and self-realisation. This data is consistent with the work of Zhang Xin, C. William and Wu Dongxue [5], which highlights the impact of globalisation on changing perceptions of female's role in society.

Biological limitations. About 50 % of the respondents plan to have their first child after the age of 30, which is due to the desire to achieve financial stability and professional success first. However, this age is already associated with an increased risk of infertility and pregnancy complications, according to United Nations data[18]. At the same time, 25 % of women have experienced reproductive diseases such as endometriosis or polycystic ovary syndrome, which further limits the possibilities of motherhood. Later motherhood, although consciously chosen by woman, may lead to additional difficulties in the future.

A comparison of the reproductive behaviour of women in the two countries shows both common trends and significant differences. What is common is the desire for career growth, an increase in the age of first motherhood, and a decrease in the role of traditional norms. For example, according to L. G. Titarenko [1], about 60 % of Belarusian women consider their career to be an important part of life, which is comparable to 72 % of women in China.

However, the differences are related to cultural characteristics and demographic policy. Belarus maintains a higher birth rate than China, which may be due to a more developed system of state support for families, access to kindergartens and medical care. At the same time, China has long had a one-child policy, which has had a profound impact on generational attitudes that have limited ideas about having many children. It is also worth noting that in Belarus, women are more likely to face economic barriers (housing costs, low salaries), whereas in China, the emphasis is on social pressure and stressful conditions in megacities.

Conclusions

The results of a survey of 400 Chinese women confirm the hypothesis that the decline in fertility is a multifactorial process caused by the complex influence of economic, social, cultural, psychological and biological conditions. The data obtained are consistent with the research of Wei Huang, Zeng Yi, J. W. Vaupel, M. V. Andryiashka, T. Shchurko, Chuanchuan Zhang and Tao Li, which suggests a unified model for changing reproductive behaviour in the context of urbanisation and social transformation.

At the same time, there is a clear differentiation by age, level of education and place of residence, which requires the development of differentiated measures to support families. For example, young women needs psychological support and family planning counselling, while older women needs improved access to reproductive medicine and preferential labor market conditions.

To increase the birth rate, it is necessary to create a set of conditions, including financial support, the development of infrastructure for children's institutions, the introduction of flexible forms of employment and the popularisation of a positive image of a large family.

The fertility decline in China and Belarus is driven by a combination of economic pressures, such as rising living costs and workplace discrimination, and cultural shifts, including changing attitudes toward marriage and parenthood. Understanding these factors from a women's perspective highlights the need for policies that empower women and address structural inequalities.

[18]World population prospects 2024 // United Nations : website. URL: https://population.un.org/wpp/ (date of access: 25.03.2025).

The decline in fertility is a complex phenomenon caused by the interaction of economic, social, cultural and political factors. Economic difficulties, such as the high cost of housing, education and health care, make raising children an unbearable burden for many families. Urbanisation and income instability force young couples to postpone or forgo childbearing, and mortgage obligations reduce available resources. Socio-demographic changes, including late marriages, an increase in divorce and the number of single people, weaken traditional family ties and reduce opportunities for having children. Women, striving for career growth and self-realisation, are increasingly faced with a choice between professional ambitions and motherhood, which increases the pressure on their decisions.

Cultural shifts, such as individualism, freedom of choice and a re-evaluation of traditional values, reduce the priority of childbearing in favor of personal comfort and quality of life. Feminist ideas, although they promote conscious choice, sometimes increase anxiety about the loss of independence. Policy measures, including relaxations in birth control, are often insufficient due to weak support for families at the level of infrastructure, education and medicine. Additional factors (environmental problems, mental health, and unavailability of quality childcare) further aggravate the crisis.

The solution requires a comprehensive approach: reducing the economic burden through benefits and subsidies, developing flexible working conditions, improving the availability of reproductive medicine and psychological assistance. It is important to reconsider cultural attitudes, promoting a balance between career and family, and to strengthen the role of the state in creating conditions for sustainable growth in the birth rate. Only joint efforts of society, institutions and individuals can overcome current trends and ensure demographic stability.

References

1. Titarenko LG. The youth Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition. *Woman in Russian Society.* 2022;3:118–130. DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.8. Russian.

2. Andryiashka MV. Family institution as the basis of the state family policy of the Republic of Belarus. *Current issues of the State and Law.* 2022;6(3):261–268. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-261-268. Russian.

3. Zeng Yi, Vaupel JW. The impact of urbanization and delayed childbearing on population growth and aging in China. *Population and Development Review.* 1989;15(3):425–445.

4. Chuanchuan Zhang, Tao Li. Culture, fertility and the socioeconomic status of women. *China Economic Review*. 2017; 45(C):279–288. DOI: 10.1016/j.chieco.2016.07.012.

5. Zhang Xin, William C, Wu Dongxue. Urban-rural transformations and fertility decline in China: a distinctive perspective within the second demographic transition. *Population, Space and Place*. 2025;31:e70037. DOI: 10.1002/psp.70037.

6. Qing Han, Lu Han, Quanbao Jiang. The changing trend of only-child family structures in China: a simulation analysis. Research Square [Preprint]. 2025 [cited 2025 November 26]: [56 p.]. Available from: https://www.researchsquare.com/article/rs-6435699/v1. DOI: 10.21203/rs.3.rs-6435699/v1.

7. Shchurko T. Gender education' in the post-Soviet Belarus: between authoritarian power, neoliberal ideology, and democratic institutions. *Policy Futures in Education.* 2018;16(4):434–448.

Статья поступила в редколлегию 03.07.2025.
Received by editorial board 03.07.2025.

УДК 316.334.55/.56, 314:001.8, 314:303

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ КОМПОНЕНТА ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

А. А. САВЧУК[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается количественная компонента динамики развития населения, сопряженная с анализом показателей естественного и механического движения населения. В целях определения специфики демографической ситуации в Беларуси также учитываются коэффициент старения и плотность населения.

Ключевые слова: демографическая ситуация; демография; рождаемость; динамика развития населения; статистический анализ.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г24МП-040).

QUANTITATIVE COMPONENT OF POPULATION DEVELOPMENT DYNAMICS

A. A. SAVCHUK[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article examines the quantitative component of population development dynamics, coupled with the analysis of natural and mechanical population movement indicators. In order to determine the specifics of the demographic situation in Belarus, the aging rate and population density are also considered.

Keywords: demographic situation; demography; birth rate; population development dynamics; statistical analysis.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G24MP-040).

Введение

Население выступает стратегическим ресурсом государства, так как именно динамика его развития напрямую влияет на перспективы развития государства. В свою очередь, динамика развития населения является комплексным показателем, который включает в себя две компоненты: 1) количественную компоненту, детерминирующую изменение численности населения и определяемую путем анализа показателей движения населения (коэффициенты рождаемости, смертности, механического прироста населения); 2) качественную компоненту, непосредственно отражающую уровень жизни населения и определяемую посредством анализа показателей социально-экономического развития (уровень дохода, обеспеченность учреждениями здравоохранения и врачами, продолжительность жизни,

Образец цитирования:
Савчук АА. Количественная компонента динамики развития населения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:51–58.
EDN: GKOBAO

For citation:
Savchuk AA. Quantitative component of population development dynamics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:51–58. Russian.
EDN: GKOBAO

Автор:
Алексей Андреевич Савчук – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Е. А. Кечина.

Author:
Aleksey A. Savchuk, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
savchuk.aleksey.a@gmail.com

CC BY NC

обеспеченность учреждениями образования и дошкольными учреждениями, степень участия государства в социальных вопросах и др.).

Актуальность изучения демографической ситуации в Беларуси подтверждается высоким вниманием со стороны органов государственного управления, что находит отражение в ключевых нормативно-правовых актах. Так, одним из ожидаемых результатов реализации государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы является обеспечение к 2025 г. суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1,32–1,46 рождения на одну женщину[1]. Однако согласно официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2024 г. значение данного показателя составило 1,08 рождения на одну женщину[2]. Важность изучения данной проблематики также подтверждается включением понятия демографической безопасности в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь[3].

Материалы и методы исследования

Данная статья посвящена анализу актуального состояния демографической ситуации в Беларуси в региональном разрезе. Также в целях демонстрации наглядности на межстрановом уровне приводится информация о демографической ситуации в России[4] и Польше[5]. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть показатели, детерминирующие количественную компоненту динамики развития населения, поскольку именно естественный прирост населения напрямую влияет на численность трудоспособного (экономически активного) населения.

Результаты и их обсуждение

Численность населения Беларуси в 2024 г. составила 9,16 млн человек, что на 2,7 % ниже, чем в 2020 г. (9,41 млн человек). Среднегодовой темп снижения численности населения равен 0,7 %. В региональном разрезе наиболее стремительное снижение населения характерно для Витебской (–4,6 %), Могилёвской (–4,1 %) и Гомельской (–3,5 %) областей. Медленнее падает численность населения в г. Минске (–1,3 %) и Минской области (–0,9 %), что во многом обусловлено тенденцией к внутренней миграции граждан.

Стоит отметить, что демографическая ситуация в России и Польше также характеризуется устойчивой тенденцией к снижению численности населения. За последние 5 лет в России численность населения снизилась со 147,71 до 146,15 млн человек (на 1,1 %), в Польше – с 38,09 до 37,56 млн человек (на 1,4 %). В упомянутых странах среднегодовой темп снижения численности населения составляет 0,3 %, что ниже аналогичного показателя в Беларуси примерно в 2 раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения России, Польши и Беларуси в 2020–2024 гг.

Table 1

Population dynamics of Russia, Poland and Belarus in 2020–2024

Страна	Численность населения, млн чел.					Динамика показателя, %	Среднегодовой темп роста, %
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.		
Россия	147,71	147,22	146,71	146,30	146,15	–1,1	–0,3
Польша	38,09	37,91	37,77	37,64	37,56	–1,4	–0,3
Беларусь	9,41	9,35	9,26	9,20	9,16	–2,7	–0,7
В том числе:							
Брестская область	1,35	1,34	1,32	1,32	1,31	–2,9	–0,7

[1]О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 янв. 2021 г. № 28 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

[2]Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : сайт. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011 (дата обращения: 26.07.2025).

[3]Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2024. URL: https://minprom.gov.by/wp-content/uploads/2024/07/P924v0005_1714078800.pdf?ysclid=mn5xfmthox789973696 (дата обращения: 26.07.2025).

[4]Государственная статистика // Единая межведомственная информационно-статистическая система : сайт. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 26.07.2025) ; Fertility rate, total (births per woman) // World Bank Group : website. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN (date of access: 26.07.2025).

[5]Eurostat : website. URL: https://ec.europa.eu/eurostat (date of access: 26.07.2025) ; Fertility rate, total (births per woman) // World Bank Group : website. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN (date of access: 26.07.2025).

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Страна	Численность населения, млн чел.					Динамика показателя, %	Среднегодовой темп роста, %
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.		
Витебская область	1,13	1,12	1,10	1,09	1,08	–4,6	–1,1
Гомельская область	1,39	1,38	1,36	1,35	1,34	–3,5	–0,9
Гродненская область	1,03	1,02	1,01	1,0	0,99	–3,2	–0,8
г. Минск	2,02	2,01	2,0	2,0	1,99	–1,3	–0,3
Минская область	1,47	1,47	1,47	1,46	1,46	–0,9	–0,2
Могилёвская область	1,02	1,01	1,0	0,99	0,98	–4,1	–1,0

Ключевыми индикаторами демографической ситуации выступают показатели естественного прироста (убыли) населения – коэффициенты рождаемости и смертности. Специфика статистического учета в Беларуси не позволяет детально изучить динамику данных показателей по годам, поэтому в рамках настоящей статьи представлено сравнение показателей за 2019 и 2024 гг.

Так, значение коэффициента рождаемости в Беларуси в 2024 г. составило 6,4 ‰, т. е. в среднем на 1000 человек населения было рождено 6,4 ребенка. Данное значение практически на треть (30,7 %) ниже показателя 2019 г. (9,3 ‰). В региональном разрезе наибольшее снижение рождаемости характерно для г. Минска (–35,5 %), Минской (–31,4 %) и Гродненской (–31,5 %) областей. В Польше рождаемость упала с 9,8 до 6,7 ‰ (на 31,6 %). В свою очередь, темпы снижения рождаемости в России (с 10,1 до 8,4 ‰, а именно на 16,8 ‰) примерно в 2 раза ниже, чем в Беларуси и Польше.

Значение коэффициента смертности в Беларуси в 2024 г. составило 12,6 ‰, т. е. в среднем на 1000 человек населения умерло 12,6 человека. Это значение ниже показателя 2019 г. (12,8 ‰) на 1,6 %. Необходимо отметить, что единственным регионом, демонстрирующим рост смертности (с 8,9 до 9,1 ‰, а именно на 2,7 %), является г. Минск. Уровень смертности в России и Польше увеличился на 1,6 % и 1,9 % соответственно. Следует отметить, что в 2024 г. в г. Минске наблюдалась самая низкая рождаемость и смертность (табл. 2).

Таблица 2

Динамика коэффициентов рождаемости и смертности населения России, Польши и Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 2

Dynamics of birth and death rates of Russia, Poland and Belarus in 2019–2024

Страна	Коэффициент рождаемости, ‰		Динамика показателя, %	Коэффициент смертности, ‰		Динамика показателя, %
	2019 г.	2024 г.		2019 г.	2024 г.	
Россия	10,1	8,4	–16,8	12,3	12,5	1,6
Польша	9,8	6,7	–31,6	10,7	10,9	1,9
Беларусь	9,3	6,4	–30,7	12,8	12,6	–1,6
В том числе:						
Брестская область	10,9	7,7	–28,8	13,1	13,0	–0,3
Витебская область	8,3	6,1	–26,6	15,0	14,7	–2,2
Гомельская область	9,8	6,8	–30,8	13,7	13,2	–3,2
Гродненская область	9,6	6,6	–31,5	13,9	13,6	–2,5
г. Минск	7,9	5,1	–35,5	8,9	9,1	2,7
Минская область	9,8	6,7	–31,4	13,6	13,1	–3,4
Могилёвская область	9,4	6,8	–27,4	14,0	13,9	–0,7

Представленные данные позволяют нам рассчитать коэффициент естественного прироста (убыли) населения для рассматриваемых стран. Значение коэффициента естественного прироста (убыли) населения в Беларуси в 2024 г. составило –6,1 ‰, что на 74 % выше показателя 2019 г. (–3,5 ‰). В региональном разрезе наиболее высокие темпы убыли населения характерны для г. Минска (на 300 %) и Брестской области (на 140 %). Сопоставимый рост показателя характерен и для России (на 59 %). В свою очередь, в Польше анализируемый показатель в 2019–2024 гг. увеличился в 4,5 раза. Таким образом, во всех рассматриваемых регионах наблюдается рост темпов естественной убыли населения (табл. 3).

Таблица 3

Динамика коэффициента естественного прироста (убыли) населения России, Польши и Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 3

Dynamics of the rate of natural population increase (decrease) of Russia, Poland and Belarus in 2019–2024

Страна	Коэффициент естественного прироста (убыли) населения, ‰		Динамика показателя, %
	2019 г.	2024 г.	
Россия	–3,4	–5,4	59
Польша	–0,9	–4,1	350
Беларусь	–3,5	–6,1	74
В том числе:			
Брестская область	–2,2	–5,3	140
Витебская область	–6,8	–8,6	26
Гомельская область	–3,8	–6,4	68
Гродненская область	–4,3	–7,0	63
г. Минск	–1,0	–4,0	300
Минская область	–3,8	–6,4	68
Могилёвская область	–4,6	–7,1	54

Наиболее популярным индикатором для сравнения рождаемости в разных странах выступает суммарный коэффициент рождаемости. Данный коэффициент характеризует среднее количество детей, которое может родить женщина в течение репродуктивного возраста (15–49 лет). Указанный индикатор активно используется в нормативно-правовых актах нашей страны.

Значение суммарного коэффициента рождаемости в Беларуси в 2024 г. составило 1,1 ребенка, что на 22,1 % ниже показателя 2019 г. (1,4 ребенка). В региональном разрезе наибольшее снижение характерно для Гродненской области (25,8 %), а также для г. Минска и Минской области (24,5 и 25,3 % соответственно). В России суммарный коэффициент рождаемости демонстрирует практически сопоставимую динамику (падение значения с 1,5 до 1,4 ребенка, а именно на 4,5 %). В Польше наблюдается снижение данного показателя с 1,4 до 1,2 ребенка (на 18,3 %).

Таблица 4

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России, Польше и Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 4

Dynamics of the total birth rate in Russia, Poland and Belarus in 2019–2024

Страна	Суммарный коэффициент рождаемости		Динамика показателя, %
	2019 г.	2024 г.	
Россия	1,5	1,4	–4,5
Польша	1,4	1,2	–18,3
Беларусь	1,4	1,1	–22,1
В том числе:			
Брестская область	1,8	1,4	–21,4
Витебская область	1,3	1,1	–15,9
Гомельская область	1,6	1,2	–22,8
Гродненская область	1,6	1,2	–25,8
г. Минск	0,9	0,7	–24,5
Минская область	1,5	1,1	–25,3
Могилёвская область	1,5	1,3	–18,6

Примечание. Показатели округлены до десятых.

Кроме того, следует обратить внимание на индикаторы брачно-семейной сферы, состояние которой оказывает непосредственное влияние на рождаемость. В рамках настоящей статьи анализ данной сферы сопряжен с рассмотрением коэффициентов брачности и разводимости (табл. 5).

Так, значение коэффициента брачности в Беларуси в 2024 г. составило 5,1 ‰, т. е. в среднем на 1000 человек населения было заключено 5,1 брака. Данное значение на 24,1 % ниже показателя 2019 г. (6,7 ‰). В региональном разрезе наибольшее снижение данного коэффициента характерно для Минской (на 27,7 %), Гомельской (на 26,4 %) и Брестской (на 26,1 %) областей. В России анализируемый показатель демонстрирует практически сопоставимую динамику (падение показателя с 6,5 до 6,0 ‰, а именно на 7,7 %). В свою очередь, в Польше произошло стремительное снижение коэффициента брачности с 4,8 до 2,6 ‰ (на 45,8 %).

Значение коэффициента разводимости в Беларуси в 2019 г. составило 3,7 ‰, в 2024 г. – 3,8 ‰. В региональном разрезе существенный рост разводов наблюдается в Минской (10,5 %) и Гродненской (7,9 %) областях. Сходная динамика характерна и для России (рост показателя с 4,2 до 4,4 ‰, а именно на 4,8 %). В свою очередь, в Польше наблюдается снижение коэффициента разводимости с 1,7 до 1,5 ‰ (на 11,8 %).

Таблица 5

Динамика коэффициентов брачности и разводимости в России, Польше и Беларуси в 2019–2024гг.

Table 5

Dynamics of marriage and divorce rates in Russia, Poland and Belarus in 2019–2024

Страна	Коэффициент брачности, ‰		Динамика показателя, %	Коэффициент разводимости, ‰		Динамика показателя, %
	2019 г.	2024 г.		2019 г.	2024 г.	
Россия	6,5	6,0	–7,7	4,2	4,4	4,8
Польша	4,8	2,6	–45,8	1,7	1,5	–11,8
Беларусь	6,7	5,1	–24,1	3,7	3,8	4,2
В том числе:						
Брестская область	6,5	4,8	–26,1	3,3	3,5	6,0
Витебская область	6,3	5,0	–20,7	3,8	4,0	4,7
Гомельская область	6,6	4,8	–26,4	3,7	3,8	1,2
Гродненская область	6,3	4,9	–22,7	3,3	3,6	7,9
г. Минск	7,6	5,8	–23,0	3,9	3,9	–0,8
Минская область	6,1	4,4	–27,7	3,4	3,8	10,5
Могилёвская область	6,8	5,3	–21,2	3,9	4,1	4,2

Аспекты, сопряженные с механическим движением населения (миграцией), в настоящей статье не являются предметом рассмотрения. Несмотря на это, ключевые статистические показатели, характеризующие динамику миграции в Беларусь, будут представлены ниже в кратком виде в целях расчета значения общего прироста (убыли) населения (табл. 6).

Необходимо отметить, что в 2024 г., несмотря на положительное миграционное сальдо (9,5 тыс. человек), темпы миграции в Беларусь снизились практически на треть (на 29,6 %). Коэффициент механического (миграционного) прироста населения упал с 1,5 до 1,0 ‰, т. е. в 2024 г. в среднем на 1000 человек населения прибыл 1 человек. В региональном разрезе максимальные значения данного показателя традиционно характерны для г. Минска (6,0 ‰) и Минской области (3,7 ‰). Наибольший отток населения наблюдается в Могилёвской (–2,9 ‰) и Гомельской (–1,5 ‰) областях.

Коэффициент общего прироста населения в Беларуси уменьшился в 2,5 раза (с –2,0 до –5,1 ‰). Другими словами, в 2024 г. в среднем на 1000 человек населения выбыло 5 человек. Единственным регионом, демонстрирующим положительное значение данного коэффициента, выступает г. Минск (1,9 ‰), что в первую очередь обусловлено внешней миграцией. Наименьшие значения коэффициента общего прироста населения характерны для Могилёвской (–10,0 ‰), Витебской (–9,1 ‰) и Гомельской (–8,0 ‰) областей.

Таким образом, во всех регионах Беларуси наблюдается естественная убыль населения. Несмотря на минимальное значение рождаемости, г. Минск выступает единственным регионом с общим приростом населения за счет миграции. Самые высокие темпы убыли населения зафиксированы в Витебской, Гомельской и Могилёвской областях. В данных регионах ситуация осложняется не только высоким значением коэффициента смертности, но и отрицательным миграционным сальдо.

В целях определения специфики демографической ситуации в Беларуси предлагается дополнительно рассмотреть плотность и коэффициент старения населения (табл. 7). Плотность населения является показателем степени заселенности региона и отражает среднее количество человек на 1 км^2. Значение данного показателя в Беларуси в 2024 г.

составило 44,1 человека, что практически сопоставимо с показателем 2019 г. (45,4 человека). В региональном разрезе наименьшая плотность характерна для Витебской (27,0 человека), Гомельской (33,1 человека) и Могилёвской (33,7 человека) областей. Следует отметить, что в этих же регионах наблюдается тенденция к стремительному снижению плотности населения (на 5,3, 4,1 и 4,8 % соответственно).

Одним из косвенных индикаторов высокой смертности выступает коэффициент старения населения (табл. 8). Данный показатель, в соответствии с международной методологией, отображает долю лиц в возрасте от 65 лет в численности населения региона. По состоянию на 2024 г. для Витебской, Гомельской и Могилёвской областей характерны наиболее высокие значения данного показателя (19,4, 19,4 и 17,8 % соответственно). По сравнению с 2019 г. в Могилёвской области зафиксирован наибольший рост показателя (увеличение значения с 15,1 до 17,8 %). Наиболее «молодым» регионом выступает г. Минск (16,0 %).

Таблица 6

Динамика коэффициентов механического и общего прироста населения Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 6

Dynamics of the coefficients of mechanical and total population grouth of Belarus in 2019–2024

Регион	Коэффициент механического прироста населения, ‰		Коэффициент общего прироста населения, ‰	
	2019 г.	2024 г.	2019 г.	2024 г.
Брестская область	–0,5	–1,3	–2,7	–6,6
Витебская область	–1,4	–0,5	–8,1	–9,1
Гомельская область	–1,3	–1,5	–5,1	–8,0
Гродненская область	0,1	–0,7	–4,2	–7,7
г. Минск	4,6	6,0	3,6	1,9
Минская область	6,5	3,7	2,7	–2,7
Могилёвская область	–1,0	–2,9	–5,6	–10,0
Беларусь	*1,5*	*1,0*	*–2,0*	*–5,1*

Таблица 7

Динамика плотности населения Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 7

Population density dynamics of Belarus in 2019–2024

Регион	Плотность населения, человек на 1 км^2		Динамика показателя, %
	2019	2024	
Брестская область	41,2	39,9	–3,2
Витебская область	28,5	27,0	–5,3
Гомельская область	34,5	33,1	–4,1
Гродненская область	41,0	39,5	–3,7
г. Минск	5751,1	5635,3	–2,0
Минская область	36,9	36,7	–0,5
Могилёвская область	35,4	33,7	–4,8
Беларусь	*45,4*	*44,1*	*–2,9*

Таблица 8

Динамика коэффициента старения населения Беларуси в 2019–2024 гг.

Table 8

Dynamics of the population aging rate of Belarus in 2019–2024

Регион	Коэффициент старения, %		Динамика показателя, %
	2019 г.	2024 г.	
Брестская область	15,3	17,2	12,6
Витебская область	17,0	19,4	14,0
Гомельская область	17,0	19,4	14,0
Гродненская область	16,3	17,7	8,8
г. Минск	13,6	16,0	17,4
Минская область	14,9	16,7	12,3
Могилёвская область	15,1	17,8	17,8
Беларусь	*15,1*	*17,2*	*13,9*

Заключение

Фактически анализ количественной компоненты динамики развития населения позволяет оценить текущую демографическую ситуацию и определить ее специфику на основе статистических индикаторов. В то же время обзор исключительно статистических данных не дает возможности сделать однозначных выводов о демографических и миграционных настроениях населения, например определить факторы, оказывающие ключевое влияние на принятие решения о деторождении или миграции. Для получения подобных данных автор настоящего исследования предлагает активно задействовать потенциал социологической компоненты социолого-статистического подхода.

Применение социологической компоненты социолого-статистического подхода сопряжено с решением ряда исследовательских задач: 1) с определением факторов формирования демографического поведения населения; 2) выявлением причинно-следственных связей между внешними факторами и демографическими стратегиями; 3) установлением демографических стимуляторов и дестимуляторов. Решение данных задач позволит сформировать типовые портреты семей в зависимости от комбинации вышеперечисленных критериев.

Автор настоящей работы предлагает реализовать такое исследование на региональном уровне в два этапа: 1) проведение республиканского опроса, который позволит определить основные тенденции в области демографического поведения (т. е. изучение количественной компоненты); 2) детерминирование результатов первого этапа посредством установления причинно-следственных связей и проникновения в суть изучаемого феномена (изучение качественной компоненты). В связи со сложностью осуществления подобного исследования, его высокой значимостью и сензитивностью темы сбор и анализ данных должен реализовываться высококвалифицированными специалистами, а ответственная организация должна обладать достаточным ресурсом для обеспечения репрезентативности данных.

Осуществление первого этапа социологической компоненты также может быть сопряжено с реализацией международных проектов в партнерстве с ведущими мировыми институтами (Европейская экономическая комиссия, Фонд ООН в области народонаселения, Европейская группа по изучению систем ценностей). Примерами подобных исследований выступают «European Values Study» и «Поколения и гендер» (в Беларуси – «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов»). Инструментарий этих исследований направлен на изучение целого ряда значимых аспектов жизни населения, в том числе брачно-семейных отношений и демографических вопросов. Преимуществом реализации подобных проектов выступает единая методология, что в перспективе позволяет проводить межстрановые сопоставления данных. Такие сравнительные анализы дают возможность определить степень сходности (различия) поведения населения разных стран.

Второй этап реализации социологической составляющей социолого-статистического подхода предполагает исследование качественной компоненты динамики развития населения. Он сопряжен с проведением глубинных интервью (реже фокус-групп) в целях углубленного изучения результатов первого

этапа. Выборочная совокупность подобных исследований является неоднородной по своим характеристикам и может включать в себя семьи (как с детьми, так и без детей); пары, не состоящие в браке, но находящиеся в длительных отношениях (более 3 лет); студенческую молодежь как потенциальных участников демографических процессов; одиноких мужчин и женщин в возрасте от 35 лет, никогда не состоявших в браке и не имеющих детей, не состоящих в длительных отношениях на момент проведения исследования и др.

Таким образом, благополучным результатом предлагаемого исследования выступает определение значимых факторов формирования демографического поведения, в частности внешних факторов, оказывающих влияние на принятие решения о деторождении; перечня стимуляторов и дестимуляторов рождаемости. Результаты этого исследования и подобных ему работ служат фундаментом для актуализации демографической политики, в том числе мер материальной и нематериальной поддержки рождаемости.

Статья поступила в редколлегию 11.10.2025.
Received by editorial board 11.10.2025.

УДК 009 + 316.25 + 316.7

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ

Е. И. ЖЕШКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Представлена классификация работ, посвященных изучению феномена исторической памяти. Проведены системный и компаративный анализ этого феномена в рамках социально-гуманитарных подходов. Описаны ключевые черты направлений, относящихся к данным подходам. Установлено, что социологический подход в силу своего познавательного потенциала и возможности получения репрезентативной эмпирической базы может выступать ядром междисциплинарной стратегии исследования исторической памяти. Философский подход предстает перспективным для изучения новых сторон феномена исторической памяти в условиях отсутствия доступа к большому количеству источников информации. Антропологический подход позволяет установить соответствие между постулируемыми индивидами тезисами о содержании собственной исторической памяти и их проявлениями в повседневной жизни информантов. Политологический и психологический подходы дают возможность получить информацию о феномене исторической памяти с точки зрения аспектов, лежащих за пределами предметного поля социологии (закрепленной законодательно позиции органов власти относительно исторической памяти и ее бессознательного содержания). Исторический, лингвистический и литературоведческий подходы позволяют обратиться к изучению дополнительных источников, таких как фотографии, артефакты, материалы СМИ. Отмечено, что выводы, полученные с помощью каждого из подходов, вносят существенный вклад в понимание и трактовку феномена исторической памяти в конкретных социокультурных условиях.

Ключевые слова: историческая память; дисциплинарные подходы; социально-гуманитарные дисциплины.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (грант № 20250848).

THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY THROUGH THE PRISM OF DISCIPLINARY APPROACHES

Ya. I. ZHESHKA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article presents a classification of works devoted to the study of the phenomenon of historical memory. A systemic and comparative analysis of this phenomenon is conducted within the framework of social and humanitarian approaches. Key features of the areas related to these approaches are described. It is established that the sociological approach, due to its cognitive potential and the ability to obtain a representative empirical base, can serve as the core of an interdisciplinary strategy for the study of historical memory. A philosophical approach appears promising for studying new aspects of the phenomenon of historical memory in the absence of access to a large number of information sources. An anthropo-

Образец цитирования:
Жешко ЕИ. Феномен исторической памяти сквозь призму дисциплинарных подходов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:59–68.
EDN: GAUDMO

For citation:
Zheshka YaI. The phenomenon of historical memory through the prism of disciplinary approaches. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:59–68. Russian.
EDN: GAUDMO

Автор:
Егор Иванович Жешко – аспирант кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент А. А. Похомова.

Author:
Yahor I. Zheshka, postgraduate student at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
yahor.zheshka@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7393-8951

logical approach allows us to establish a correspondence between the theses postulated by individuals about the content of their own historical memory and their manifestations in the everyday lives of informants. Political science and psychological approaches provide information on the phenomenon of historical memory from the perspective of aspects lying beyond the subject field of sociology (the legislatively enshrined position of government bodies regarding historical memory and its unconscious content). Historical, linguistic, and literary approaches allow us to turn to the study of additional sources, such as photographs, artifacts, and media materials. It is noted that the conclusions obtained using each of the approaches make a significant contribution to the understanding and interpretation of the phenomenon of historical memory in specific sociocultural conditions.

Keywords: historical memory; disciplinary approaches; social sciences and humanities.

Acknowledgements. This research was supported by the Ministry of Education of the Republic of Belarus (grant No. 20250848).

Введение

В настоящее время в Республике Беларусь сохранение исторической памяти остается актуальной задачей. Особое внимание в данном контексте уделяется работе с молодежью как стратегическому ресурсу развития государства. Этот факт подчеркивают Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко[1] и представители академической сферы страны – В. Г. Гусаков[2], Н. Л. Мысливец[3], В. Ф. Гигин[4]. Сходная ситуация наблюдается в пределах Российской Федерации, а также на международном уровне [1]. Важность сохранения исторической памяти отмечают Президент Российской Федерации В. В. Путин[5] и президент Российской академии наук Г. Я. Красников[6]. Значительное количество публикаций, посвященных этому феномену, является закономерным следствием указанных обстоятельств. По состоянию на июль 2025 г. количество публикаций по теме только на русском языке, согласно данным платформы научных цитирований *Google Scholar*, превышало 239,0 тыс. единиц. Добавление к этому перечню публикаций, в рамках которых в качестве центральной категории рассматриваются традиционно отождествляемые [2] с ней понятия коллективной и социальной памяти, увеличивает это число до 554,7 тыс. единиц, а принятие во внимание трудов на английском языке позволяет говорить о наличии более чем 15 млн публикаций по данной теме. В связи с этим сложившаяся ситуация в области классификации научных подходов к изучению феномена исторической памяти предстает противоречивой. Исследователи фактически вынуждены прибегать к бессистемному анализу работ путем их отбора из всего массива публикаций по теме памяти, к рассмотрению трудов в рамках случайно выбранных подходов вне классификаций или обращению к классификации М. А. Булановой и Э. Д. Коркии [3], характеризующейся таким недостатком в описании подходов, как отсутствие обоснования для их разделения и отнесения авторов к определенным подходам. Сложившаяся ситуация затрудняет рассмотрение процесса изучения указанного феномена в исторической ретроспективе и концептуальной последовательности. В настоящем исследовании осуществлена попытка классифицировать работы, посвященные изучению феномена исторической памяти, а также критически проанализировать результаты исследований, полученных с помощью выделенных дисциплинарных подходов.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы методы системного и компаративного анализа. Материалами исследования послужили работы по теме исторической памяти отечественных и зарубежных авторов. Общий объем рассмотренных работ составили 284 источника. Отобранные труды релевантны теме исследования,

[1]Лукашенко о защите исторической памяти: надо делать еще больше, а расслабляться и верить покаяниям нельзя // БелТА : сайт. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-o-zaschite-istoricheskoj-pamjati-nado-delat-esche-bolshe-a-rasslabljatsja-i-verit-711960-2025/ (дата обращения: 22.10.2025).

[2]Гусаков: важно обращаться к культурным истокам, знакомить молодежь с традициями и обычаями // Там же. URL: https://www.belta.by/society/view/gusakov-vazhno-obraschatsja-k-kulturnym-istokam-znakomit-molodezh-s-traditsijami-i-obychajami-541465-2022/ (дата обращения: 22.10.2025).

[3]Николай Мысливец: наши исторические корни в прошлом нужно знать, сохранять и беречь (2022) // Могилёвские ведомости : портал. URL: https://mogilevnews.by/news/04-02-2022-17-57/79034 (дата обращения: 22.10.2025).

[4]Гигин: День Независимости демонстрирует нашу приверженность исторической памяти, нашим идеалам // БелТА : сайт. URL: https://belta.by/society/view/gigin-den-nezavisimosti-demonstriruet-nashu-priverzhennost-istoricheskoj-pamjati-nashim-idealam-724508-2025/ (дата обращения: 22.10.2025).

[5]Путин призвал сохранять историческую память // РИА Новости : сетевое изд. URL: https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html (дата обращения: 22.10.2025).

[6]Президент РАН призвал сохранять историческую правду о Великой Отечественной войне // Научная Россия : электрон. период. изд. URL: https://scientificrussia.ru/articles/prezident-ran-prizval-sohranat-istoriceskuu-pravdu-o-velikoj-otecestvennoj-vojne (дата обращения: 22.10.2025).

они содержат ключевые слова и, как правило, имеют высокие показатели цитирования. В настоящей работе представлена информация об источниках данных, на основании которых авторы получили выводы, о применяемых ими для этого методах, а также описаны ключевые идеи исследователей, формирующие концептуальное ядро направлений рассматриваемых подходов. Список подходов базируется на перечне социально-гуманитарных научных дисциплин как институционально признанных областей, который был получен путем обращения к обретшей широкое признание в академической среде классификации Дж. Кагана[7]. В данный список вошли философский, исторический, психологический, антропологический, литературоведческий, лингвистический, политологический, социологический и экономический дисциплинарные подходы. Отнесение автора к определенному подходу основано на академическом признании его вклада в дисциплину или членстве в соответствующих институциях; в случае отсутствия необходимых данных решение принималось на основании сведений академических справочников.

Результаты и их обсуждение

Следует отметить, что в рамках экономического подхода феномен исторической памяти не получил должного внимания со стороны научного сообщества. Этот вывод был изложен в обзорных работах представителей данной дисциплины [4; 5]. Таким образом, проанализировать подробнее работы авторов этого подхода, посвященные феномену исторической памяти, не представляется возможным. В связи с этим в настоящем исследовании экономический подход упоминаться не будет. Необходимо отметить, что для представленных далее подходов характерно применение общелогических методов познания. На основе полученных результатов была разработана классификация научных подходов к изучению феномена исторической памяти (таблица), названия направлений предложены автором настоящего исследования в соответствии с содержанием рассматриваемых исследований.

Классификация научных подходов к изучению феномена исторической памяти

Classification of scientific approaches to the study of the phenomenon of historical memory

Подход	Направление	Избранные представители	Используемые источники	Методы анализа
Философский подход	Селективная эвристика	К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Ницше, Н. А. Бердяев	Источники исторического, религиозного и антропологического характера. Мнение самих авторов как постулат. Научные публикации иных авторов в области философии	Метод интуитивного прозрения, историко-философская генеалогия, философско-исторический метод [6]
	Концептуальный консерватизм	В. А. Колеватов, Л. Р. Хасанова, Я. С. Яскевич	Научные публикации ученых из разных областей, источники исторического, антропологического и статистического характера	Системный, структурно-функциональный, сравнительный анализ
Исторический подход	Сравнительное направление	П. Нора, А. Ассман	Статистические данные. Высказывания историков и экспертов из других сфер. Правительственные документы, исторические документальные источники	Историко-генетический метод, сравнительно-исторический метод, историко-семантический анализ
	Ретроспективное направление	Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич	Научные публикации историков. Документальные исторические и литературные источники	Историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный, историко-системный методы
	Темпоральный синтез	А. Варбург, Я. Ассман	Изобразительные и литературно-художественные источники, артефакты (в том числе их декор), религиозные, теологические и документальные исторические источники	Метод иконологии, сравнительно-исторический метод, историко-генетический метод и нарративный анализ

[7] *Kagan J.* The three cultures. Natural sciences, social sciences, and the humanities in the 21st century // Cambridge University Press : website. URL: https://www.cambridge.org/core/books/three-cultures/B0B2BBB8B7254D189C67C0227864E1F4#fndtn-information (date of access: 24.06.2025).

Окончание таблицы
Ending of the table

Подход	Направление	Избранные представители	Используемые источники	Методы анализа
Психологический подход	Генетически обусловленное направление	К. Юнг	Интервью с пациентами, документальные исторические и культурологические источники	Метод толкования сновидений
	Культурно обусловленное направление	З. Фрейд, Ф. Ч. Бартлетт	Эксперимент, документальные исторические источники, религиозные и теологические источники, научные публикации психологов	Историко-генетический, сравнительный, системный, функциональный, историко-семантический, анализ
Антропологический подход	Примитивизм	Б. Малиновский, К. Леви-Стросс	Полевые исследования, научные публикации других антропологов	Функциональный, сравнительный, типологический, структурный анализ
	Модернизм	Р. Бенедикт	Документальные исторические источники, художественная литература, официальные политические источники, интервью	Функциональный, сравнительный, типологический, структурный анализ, историко-генетический и историко-системный методы
Литературоведческий подход	Фотографическое направление	А. Хюйссен, М. Хирш, С. Сонтаг	Фотографии, документальные исторические и архивные источники	Контекстный анализ, хронологический метод, иконологический анализ
	Литературное направление	А. Ригни, А. Н. Галямичев, В. Л. Дмитриев, А. П. Логунов	Тексты художественной и народной литературы, документальные исторические источники	Сравнительно-исторический, культурно-исторический, биографический методы анализа художественного текста
Лингвистический подход	–	Т. А. ван Дейк, О. Д. Вишнякова, Н. О. Мартюшова, М. С. Фирстов, В. Хлебда	Транскрипты выступлений, публикации в СМИ	Дискурс-анализ, тематический анализ
Политологический подход	–	И. Д. Кирносов, Л. В. Коробицына, А. А. Щедрина	Нормативные правовые акты, статистические и исторические источники	Сравнительно-правовой, формально-юридический методы
Социологический подход	Системное направление	Э. Дюркгейм, Ж. Т. Тощенко, И. В. Котляров	Научные публикации авторов различных дисциплин, высказывания писателей и политических деятелей	Системный, сравнительный и структурно-функциональный анализ
	Источниковедческое направление	С. Чарновский, М. Хальбвакс, Р. Айерман	Церковные архивные источники, рукописи, сказки, данные этнографических и исторических исследований, песни, биографии	Историко-генетический, сравнительный, историко-семантический, сравнительно-типологический и структурно-семантический методы, системный, функциональный, структурный, семиотический и этимологический анализ, дискурс-анализ
	Прикладное направление	Н. Л. Мысливец, В. В. Кулиш	Научные публикации авторов различных дисциплин, данные опросов, интервью, групповых дискуссий	Системный, структурно-функциональный, сравнительный анализ

В рамках работ, отнесенных к селективной эвристике, феномен исторической памяти редуцированно рассматривается с точки зрения его пользы или вреда для человечества в новом ракурсе. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс считали память инструментом манипулирования обществом [6, с. 119], Ф. Ницше говорил о ней как об опыте предков, влияющем на жизнь потомков [7, с. 8], а Н. А. Бердяев полагал, что с ее помощью индивид получает возможность осознать свою судьбу [8, с. 26]. Следует отметить, что выводы

были получены авторами при помощи ряда философских методов: философско-исторического метода (К. Маркс и Ф. Энгельс), историко-философской генеалогии (Ф. Ницше), метода интуитивного прозрения (Н. А. Бердяев [9]). Специфика стратегии К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в приведении примеров определенных суеверий и практик ритуального характера, их кратком описании и изложении идей о роли данных ритуалов в жизни индивидов. Выводы Ф. Ницше основываются на избранных исторических примерах, высказываниях философов (например, И. В. фон Гёте). Н. А. Бердяев не цитировал какие-либо источники и акцентировал внимание на духовном характере познания мира; его утверждения базировались на интуитивном познании реальности самим философом.

К недостаткам данного направления можно отнести отсутствие обозначенных источников информации. Важно подчеркнуть, что применяемые исследовательские методы не предполагают прямого взаимодействия с исторической памятью индивидов, что снижает познавательный потенциал направления в отношении содержания исторической памяти. Вместе с этим необходимо отметить, что указанные авторы являлись первопроходцами в области исследования исторической памяти, их идеи имели высокую значимость при построении первичных гипотез о данном явлении в условиях недостатка эмпирических данных. В связи с этим перспективным предстает обращение к разработкам перечисленных исследователей на этапе изучения новых сторон феномена в условиях, когда ресурсы (временные, финансовые, информационные и др.) ограничены.

В рамках исследований, отнесенных к концептуальному консерватизму, проводились систематизация и описательно-сравнительный анализ научной литературы разных дисциплин. Эти методы позволили авторам путем синтеза информации сформулировать выводы о роли исторической памяти в определенном процессе и ее взаимосвязи с другими составляющими данного процесса. Например, В. А. Колеватов определил место исторической памяти в системах передачи информации [10], Л. Р. Хасанова установила ее связь с традициями как механизмом трансляции[8], а Я. С. Яскевич сделала вывод о влиянии памяти на формирование политической культуры [11; 12]. Перечень методов, используемых в рамках данного направления для работы с информацией, включает структурно-функциональный, сравнительный и системный анализ. Исходными данными выступают публикации ученых из разных научных областей. В ряде случаев авторы обращаются и к источникам исторического, антропологического и статистического характера. Важно подчеркнуть, что работы, созданные в рамках данного направления, позволяют получить выводы о степени научной разработанности феномена исторической памяти. Вместе с этим необходимо отметить свойственную представителям концептуального консерватизма склонность к дескриптивности (упоминание в рамках изысканий значительного количества работ), приводящей к тому, что труды авторов становятся похожими на каталоги исследований. Также в рамках таких работ исследователи часто не проводят сбор и анализ собственных эмпирических данных. В связи с этим применение стратегии данного направления предстает перспективным лишь для обобщения имеющегося материала, а также выделения перспективных тем для исследования.

Представители сравнительного направления изучают историческую память, которой обладают современные поколения. Примерами являются работы о содержании современной исторической памяти французов [13] и немцев [14]. Для получения выводов авторы используют специальные исторические методы, такие как историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также историко-семантический анализ. Стратегия авторов базируется на обращении к историческим данным в целях демонстрации развития исторической памяти выбранных наций во времени, после чего авторы переходят к развернутому описанию состояния памяти современных французов и немцев соответственно. Необходимо отметить, что рассматриваемые авторы обращаются к разным источникам: А. Ассман прибегает к синтезу научных публикаций из различных областей, обращений и постановлений представителей власти и исторических источников, тогда как П. Нора использует исторические источники и цитирует историков, статистические данные и официальные постановления органов власти. Вместе с этим для сравнительного направления характерно отсутствие непосредственного изучения содержания памяти индивидов, авторы преимущественно сосредоточены на описании исторических событий, их упрощенной интерпретации. Необходимо отметить, что исследователи также склонны к формированию декларативных утверждений без доказательной базы (например, утверждение П. Нора о том, что книга «Путешествие по Франции двух детей» массово сформировала память общества [13, с. 42]). Данное направление перспективно для рассмотрения изменений в содержании исторической памяти, однако оно позволяет составить лишь ограниченную картину ее предшествующего и современного состояния.

В противоположность данным авторам представители ретроспективного направления акцентируют внимание на изучении исключительно содержания исторической памяти. Так, Ж. Ле Гофф и А. Я. Гуревич

[8] *Хасанова Л. Р.* Социальная память нации (социально-философский анализ традиций башкирского народа) : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11. Уфа, 2000. 25 с.

исследовали память населения средневековой Европы [15], жителей Норвегии и Исландии [16] соответственно. Свои выводы авторы основывали на изучении исторических источников (архивные литературные и церковные сведения [15], саги и поэтические сборники [17]), редко обращаясь к научным публикациям других историков. Для получения выводов представители данного направления использовали историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и ретроспективный методы. Фактически стратегия указанных авторов представляет собой описание быта людей прошлого, роли и специфики их исторической памяти (например, роли семейных саг). Работы Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревича основываются на концептуальном контуре, не отличающемся значимой широтой и разработанностью. Необходимо отметить, что внимание авторов сосредоточено на понимании содержания памяти прошлых поколений в контексте изучения их мировоззрения, жизни в целом. Работы содержат более глубокий анализ данных о прошлом в сравнении с публикациями представителей сравнительного направления, исследователи выходят за пределы описания произошедших ранее событий. Вместе с этим представители ретроспективного направления в силу специфики своей деятельности не взаимодействуют с памятью людей напрямую. Применение стратегии данного направления перспективно для рассмотрения содержания исторической памяти прошлых поколений, но оно не позволяет оценить состояние памяти современных индивидов.

В свою очередь, в рамках темпорального синтеза за основу берется преемственность образов в исторической памяти поколений. В качестве представителей этого направления можно указать А. Варбурга, изучавшего содержание памяти европейцев [18], и Я. Ассмана, исследовавшего историческую память евреев [19]. Я. Ассман концентрировал внимание на религиозных и теологических произведениях, тогда как А. Варбург изучал визуальные произведения искусства (фрески, картины), артефакты (саркофаги, костюмы, скульптуры). Данный факт имеет прямую связь с набором методов, использовавшихся авторами: Я. Ассман применял сравнительно-исторический и историко-генетический методы, а также нарративный анализ, тогда как А. Варбург – метод иконологии [20, с. 31] и сравнительно-исторический метод. Несмотря на подобные различия, авторы прослеживают наличие одинаковых образов и изменение в их форме, функциях или содержании в зависимости от эпохи. Важно отметить, что преимуществом данного направления выступает разнообразие источников данных. Представители направления не нуждаются в обращении к непосредственному изучению содержания исторической памяти современных поколений.

В рамках генетически обусловленного исследовательского направления историческая память рассматривается как закрепленный в сознании каждого индивида набор идентичных архетипов[9] и инстинктов [21, с. 45, 192] – коллективное бессознательное. Представителем этого направления выступает К. Г. Юнг. Исходными данными для анализа являлись транскрипты содержания сновидений его пациентов. Для получения выводов автор обращался к методу толкования сновидений [22], с помощью которого он интерпретировал содержание снов, основываясь на своих знаниях в области истории и культуры, полученных путем изучения исторических и культурологических источников. Фактически, стратегия К. Г. Юнга включала последовательное описание следующих аспектов: 1) образа (или их ряда), который приснился пациенту; 2) условий жизни пациента, которые, по мнению психолога, являлись причинами этого сна; 3) примеров образов и их прошлых трактовок. Важно отметить, что выбранные исследователем теоретическая основа и методы затрудняют возможность верификации его изысканий. Несмотря на это, рассматриваемое направление обладает преимуществом с точки зрения изучения бессознательного содержания исторической памяти, поскольку в рамках других направлений внимания на этом не акцентируется.

В свою очередь, представители культурно обусловленного направления считали, что историческая память индивида способна передаваться исключительно при помощи научения. Это положение подтверждали З. Фрейд [23, с. 49] и Ф. Ч. Бартлетт [24]. Исходными данными для З. Фрейда являлись исторические, религиозные и теологические источники, тогда как Ф. Ч. Бартлетт основывал доводы на научной психологической литературе и собственных лабораторных экспериментах. В соответствии с этим для исследований З. Фрейда характерно использование историко-генетического, историко-семантического анализа, в то время как Ф. Ч. Бартлетт применял сравнительный, системный и функциональный анализ. З. Фрейд строил рассуждения на базе постулатов (например, постулате о наличии невыполнимых заповедей, роли одиночных личностей в оформлении культуры сверх-я, основанном на «впечатлении, на следе, которые оставляют ведущие личности» [23, с. 49]), в связи с чем его утверждения носят ярко выраженный гипотетический характер. В свою очередь, Ф. Ч. Бартлетт регистрировал и комментировал изменения в содержании памяти субъектов эксперимента. Следует отметить, что содержательная интерпретация полученных данных в работах представителей этого направления ограничена. Кроме этого,

[9] *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени [Электронный ресурс]. URL: https://s.siteapi.org/2cd07656e85af28.ru/docs/486d1ee06e5d3d75e23a79ebd56bba5d306f9af8.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

слабой стороной исследований выступает недостаточная концептуальная проработанность тематического поля. Преимуществом направления является непосредственное изучение содержания памяти индивидов.

В рамках примитивизма историческая память рассматривалась как неотъемлемая часть процесса сохранения важных для существования общества знаний. Представители этого направления исследовали общества аборигенов в различных частях мира. Так, Б. Малиновский [25] изучал быт жителей Новой Гвинеи и островов Тробриан, а К. Леви-Стросс [26] – племен центральной Бразилии. Отличительной чертой направления являются «погружение» исследователей в жизнь изучаемого ими общества, сбор информации в ходе проживания на новой местности и общения с аборигенами, производство выводов об актуальном состоянии данного общества на основе полученных сведений. Основным источником данных являлась информация, собранная авторами в ходе исследований. Так, Б. Малиновский применял метод включенного наблюдения и интервью с местными жителями, дополняя полученные данные высказываниями других антропологов. Такую же стратегию использовал и К. Леви-Стросс. Для анализа данных применялись методы функционального, сравнительного, типологического и структурного анализа. Необходимо отметить, что выбранные методы получения сведений не позволяют изучать содержание исторической памяти индивидов массово. Преимуществом указанного направления представляется непосредственное изучение содержания исторической памяти индивидов, наличие возможности фиксировать различия между декларируемым содержанием исторической памяти и его реализацией в жизни общества, а также отсутствие зависимости от заранее построенной теории (преимущественно она выводится на основе полученных данных).

Внимание представителей модернизма сосредоточено на изучении отдельных народов. Так, Р. Бенедикт изучала современное ей японское общество [27]. На примере работы данного автора можно сделать вывод о том, что историческая память рассматривается в качестве некоторых идей и норм, принятых в обществе и влияющих на его членов. Стратегия Р. Бенедикт основывалась на попытке увидеть мир глазами изучаемого народа. Данная стратегия строится на последовательном выделении и подтверждении наличия определенной нормы в современном обществе, а также комментировании ее смысла (в том числе с опорой на исторические примеры). Данными для автора выступали японские исторические, художественные, а также официальные политические источники, дополняемые транскриптами интервью с японцами, которые проводила Р. Бенедикт. В единичных случаях Р. Бенедикт использовала в качестве источника работы антрополога-предшественника Дж. Эмбри. В силу обращения к историческим источникам автор использовал функциональный, сравнительный, типологический, структурный анализ, а также историко-генетический и историко-системный методы. Отсутствие полевых исследований было обусловлено невозможностью поездки Р. Бенедикт в Японию и рассматривалось ею как проблематичная сторона ее стратегии [27, с. 8].

В рамках фотографического направления авторы рассматривают фотографии как носители ряда фрагментов прошлого. Например, А. Хюйссен изучал специфику отражения американских и немецких событий [28], М. Хирш – холокост [29], а С. Сонтаг затрагивала ряд локальных событий (например, испанских, немецких и японских) [30]. Необходимо отметить, что стратегия авторов является сходной: они демонстрируют определенный набор снимков и описывают события, которые запечатлены на них. Однако А. Хюйссен [28, с. 58] акцентирует внимание на описании исторических событий, предшествующих созданию снимка, а также событий, происходивших в период его создания, используя фотографии как иллюстрацию, подкрепляющую историческую справку. В свою очередь, М. Хирш [29, с. 233] демонстрирует определенный набор снимков и трактует их содержание, основываясь на собственных представлениях о прошлом и на том, как его отображает фотография. Наконец С. Сонтаг обращается к историческим данным и интерпретирует смысл снимка на основе личного мнения и общественного мнения, полученного из неизвестных источников [30, с. 26], для определения сходств и различий в первоначальном содержании фотографии и существующих в обществе его трактовок. Важно отметить, что авторы используют контекстный, иконологический анализ и хронологический метод. Недостатком публикаций представителей данного направления выступает преобладание описательной части, посвященной работам из области исторической фактографии, без концептуализации, а также наличие выводов, базирующихся на недостаточно аргументированных авторских интерпретациях. Помимо этого, проблематичным аспектом их исследований является ограничение поля документальных источников информации исключительно фотографиями.

Представители литературного направления рассматривают в качестве хранителей образов исторической памяти художественную и народную литературу. Например, А. Н. Галямичев изучал избранные работы С. Чеха [31], В. Л. Дмитриев и А. П. Логунов – отдельные труды Ч. Айтматова [32], Е. Л. Тирон – произведения тувинцев о восстании шестидесяти богатырей в Туве [33], А. Ригни – работы В. Скотта [34]. Стратегия данного направления основана на последовательном биографическом описании жизни

автора и ключевых событий актуальной ему эпохи (в случае народных произведений – только ключевых событий), характеристике отображенных в произведении событий, образов, а также трактовке заложенных в них смыслов или фиксации авторской оценки событий. Представители этого подхода используют документальные исторические источники, литературные произведения. В перечень методов, характерных для данного направления, входят сравнительно-исторический, культурно-исторический и биографический методы анализа художественного текста. К недостаткам направления следует отнести ограничение поля источников исключительно художественной литературой, приравнивание исторической памяти поколений к содержанию произведений отдельных авторов, а также тот факт, что представление об исторической памяти у отдельных исследователей связывалось с коммерческим успехом рассматриваемых работ [34, с. 5].

В рамках лингвистического подхода ключевым выступает положение о том, что при помощи различных СМИ аудитории транслируется содержание, впоследствии входящее в ее историческую память. Так, Т. А. ван Дейк изучал речи Д. Строкса [35], О. Д. Вишнякова и Н. О. Мартюшова – речи членов королевской семьи Великобритании [36], М. С. Фирстов – выступления председателей бундестага [37], а В. Хлебда – публикации в польских СМИ [38]. Стратегия авторов сводится к выделению в тексте (множестве текстов) определенных слов и словосочетаний, их трактовке с точки зрения заложенного смысла. Исследователи применяют такие методы, как дискурс-анализ (Т. А. ван Дейк, О. Д. Вишнякова, Н. О. Мартюшова, М. С. Фирстов), тематический анализ (В. Хлебда). Недостатками подхода выступают отсутствие описания процедур и обоснования методологической части, приводящие к формулировке спорных выводов (например, толкование оборота «все мы знаем» как манипуляции [35, с. 210]), и ограничение потенциала содержательной трактовки.

Представители политологического подхода рассматривают историческую память как представления населения страны о прошлом и одновременно как основу проводимой государством политики (в силу способности исторической памяти легитимировать проводимые им действия). Внимание авторов направлено на рассмотрение специфики взаимодействия власти с исторической памятью на законодательном уровне. Так, И. Д. Кирносов рассматривает статьи Конституции Российской Федерации [39], а внимание Л. В. Коробицыной [40] и А. А. Щедриной [41] сосредоточено на ряде разрозненных статей из различных государственных законов. Стратегия представителей данного направления состоит в описании содержания (изменений в содержании) нормативно-правовых актов, находящихся в основе государственной политики по взаимодействию с исторической памятью. Иногда исследователи обращаются к информации из официальных источников, например к общественным опросам, журнальным и газетным публикациям. Ученые применяют формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Необходимо отметить, что существенное ограничение указанного подхода состоит в том, что анализ нормативных правовых актов не позволяет отследить успешность их реализации, отраженную в содержании исторической памяти населения страны.

В рамках системного направления историческая память воспринимается как важное для жизни общества социальное явление, выполняющее определенную роль (например, передача знаний поколений [42], формирование восприятия мира [43]), или выступает в качестве основы существования цивилизационного кода [44]. Стратегия авторов построена на обращении к публикациям представителей разных направлений, анализе и описании роли исторической памяти в различных областях социума. Они применяют такие методы, как структурно-функциональный, сравнительный и системный анализ. В связи с этим публикации ученых характеризуются отсутствием собственных эмпирических данных. Преимуществом направления выступает то, что авторы уделяют меньше внимания ограниченной по эвристическому потенциалу дескрипции.

Авторы, отнесенные к источниковедческому направлению, рассматривают историческую память как важное для жизни общества социальное явление, которое основывается на определенных материальных и нематериальных следах, формах культуры. В связи с этим стратегия представителей данного направления построена на изучении определенных форм культуры, а также трактовке их содержания и роли в обществе. Так, М. Хальбвакс обращался к изучению исторических и церковных архивных источников (записок паломников и архивистов IV–XV вв.) в целях изучения изменений в содержании исторической памяти христиан [45]. С. Чарновский исследовал историческую память ирландцев о святом Патрике [46], а также память поляков [47; 48] путем самостоятельного изучения рукописей, сказок, данных этнографических и исторических исследований. В свою очередь, Р. Айерман [49] изучал тексты песен афроамериканцев для понимания их исторической памяти о рабстве; ученый также обращался к историческим и биографическим документам. В связи с этим необходимо отметить разнообразие применяемых исследовательских методов (историко-генетический, историко-семантический, сравнительный, сравнительно-типологический и структурно-семантический методы, системный, функциональный, семиотический и этимологический анализ, дискурс-анализ), что выступает преимуществом данного направления.

В рамках прикладного направления историческая память выступает в качестве важного социального явления, ориентированного на актуальное содержание памяти определенных социальных групп и общностей. Так, Н. Л. Мысливец изучает историческую память белорусской молодежи [50], а В. В. Кулиш – историческую память охотников Алтая [51]. Ученые используют данные, полученные в результате проведения анкетного опроса, интервью и групповой дискуссии. Недостатками анкетного опроса выступают формализованность результатов, отсутствие глубины и детализации информации, преимуществом служит возможность получения репрезентативной информации о содержании исторической памяти. Слабой стороной интервью и групповой дискуссии является ограниченная репрезентативность информации, преимуществом – детализированность сведений и возможность получения неочевидных выводов об исторической памяти.

Заключение

Историческая память является междисциплинарной предметной областью, к изучению которой проявляется значительный интерес со стороны научного сообщества. Данный феномен исследуется при помощи широкого спектра методов через ряд концептуальных призм. Комбинирование дисциплинарных подходов позволяет осуществить комплексное изучение исторической памяти. Социологический подход демонстрирует наибольший потенциал в качестве ядра интегративной исследовательской стратегии рассмотренных дисциплинарных подходов в силу следующих причин: 1) возможности получения репрезентативной информации о содержании исторической памяти; 2) наличия разнообразных методов сбора эмпирической информации непосредственно от представителей разных поколений, которые являются носителями исторической памяти, а также методов анализа документов (рукописей, сказок, автобиографий и др.); 3) возможности проведения темпорального сравнительного анализа.

Таким образом, обращение к ряду других дисциплинарных подходов позволяет дополнить, детализировать и верифицировать полученную информацию, избежать «слепых зон» и применить специфические инструменты в конкретной исследовательской ситуации.

Библиографические ссылки

1. Бафоев ФМ. Историческая память в мировой политике. Роль ООН и других международных организаций. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2017;1(часть 4):180–182. EDN: XQOCIB.

2. Калачёва ИИ, Ефимова НВ, Пинчук ИВ. Историческая память в коммуникации старших и младших поколений: теоретическое измерение. *Современная молодежь и общество.* 2022;10:16–23. EDN: LFHLJP.

3. Буланова МА, Коркия ЭД. Социологические аспекты изучения социальной памяти в трудах отечественных и зарубежных ученых. *Молодежный научный форум: общественные и экономические науки.* 2015;9:7–18. EDN: VBURBT.

4. Peart SJ. The past as a public good. *Society.* 2012;49:240–246. DOI: 10.1007/s12115-012-9537-9.

5. Allen MJ. The poverty of memory: for political economy in memory studies. *Memory Studies.* 2016;9(4):371–375. DOI: 10.1177/1750698016661131.

6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 8.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. 705 с.

7. Ницше Ф. *Утренняя заря.* Москва: Фолио; 2010. 141 с.

8. Бердяев НА. *Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы.* Берлин: Обелиск; 1923. 268 с.

9. Касавина НА. «Ничего, кроме человека…» (к 100-летию работы Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского»). *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2023;6(4):35–61. DOI: 10.17323/2658-5413-2023-6-4-35-61.

10. Колеватов ВА. *Социальная память и познание.* Москва: Мысль; 1984. 189 с.

11. Яскевич ЯС. Политическая культура как феномен исторической памяти и консолидации белорусского общества. *Проблемы управления.* 2015;3:126–136. EDN: UKWQPB.

12. Яскевич ЯС. О роли и необходимости идеологии и исторической памяти о Беларуси в современной культуре. В: Коршунов ГП, редактор. *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Сугарт; 2019. с. 96–98.

13. Нора П. *Франция-память.* Хапаева Д, переводчик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 1999. 328 с.

14. Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика.* Хлебников Б, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 328 с.

15. Astarita C. Le Goff. Balance crítico de un legado. *Sociedades Precapitalistas.* 2014;3(2):1–34.

16. Гуревич АЯ. *История и сага.* Москва: Наука; 1972. 199 с. (Из истории мировой культуры).

17. Гуревич АЯ. *Избранные труды. Норвежское общество.* Москва: Традиция; 2009. 470 с. (Письмена времени).

18. Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства. *Искусствознание.* 2009;1–2:16–39. EDN: KGLOTT.

19. Assmann J. Exodus and memory. In: Levy TE, Schneider T, Propp WHC, editors. *Israel's exodus in transdisciplinary perspective: text, archaeology, culture, and geoscience.* London: Springer; 2015. p. 3–15.

20. Торопыгина МЮ. *Иконология. Начало: проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга.* Москва: Прогресс-традиция; 2015. 368 с. EDN: VRSINH.

21. Юнг КГ. *Человек и его символы*. Зеленский ВВ, переводчик. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2020. 405 с.
22. Берестнев ГИ. Лингвистика и толкование сновидений у К. Г. Юнга: открытие метода. *Слово.ру: балтийский акцент.* 2015;1:21–31. EDN: UMSCYX.
23. Фрейд З. *Недовольство культурой.* Москва: Фолио; 2013. 224 с.
24. Bartlett FC. *Remembering: a study in experimental and social psychology.* Cambridge: Cambridge University Press; 2003. XIX, 342 p.
25. Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. Москва: Академический проект; 2015. 298 с. (Философские технологии. Социокультурная антропология).
26. Леви-Стросс К. *Путь масок.* Островский АБ, переводчик. Москва: Республика; 2000. 399 с.
27. Бенедикт Р. *Хризантема и меч: модели японской культуры*. Корнилов МН, Лазарева ЕМ, Николаев ВГ, переводчики; Лесных ИС, редактор. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2013. 256 с. (Книга света).
28. Huyssen A. *Present pasts: urban palimpsests and the politics of memory.* Stanford: Stanford University Press; 2003. 186 p.
29. Hirsch M. *The generation of postmemory: writing and visual culture after the Holocaust.* New York: Columbia University Press; 2012. 319 p.
30. Сонтаг С. *Смотрим на чужие страдания*. Голышев В, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2014. 96 с.
31. Галямичев АН. Образ гуситской эпохи в сатирической повести С. Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие». *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения.* 2010;10(1):74–77. EDN: MVHSCT.
32. Дмитриев ВЛ, Логунов АП. «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в memory studies. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2020;4(часть 2):122–129. EDN: LGDQDG.
33. Тирон ЕЛ. Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев. *Сибирский филологический журнал.* 2017;4:51–57. DOI: 10.17223/18137083/61/5.
34. Rigney A. *The afterlives of Walter Scott: memory on the move.* New York: Oxford University Press; 2012. 348 p.
35. ван Дейк ТА. *Дискурс и власть.* Кожемякин ЕА, Переверзин ЕВ, Аматов АМ, переводчики. Москва: Либроком; 2013. 344 с.
36. Вишнякова ОД, Мартюшова НО. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики.* 2022;8(3):3–19. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1.
37. Фирстов МС. Социально-ритуальная устная монологическая публичная речь как вербальный элемент коммеморативной традиции. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 2025;47(3):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1160.
38. Chlebda W. O wyzwaniach i zadaniach pamięcioznawstwa lingwistycznego. *LingVaria.* 2019;14(28):147–164. DOI: 10.12797/LV.14.2019.28.10.
39. Кирносов ИД. Историческая память как категория конституционного права. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2024;24(1):99–106. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106.
40. Коробицына ЛВ. Историческое наследие как ценность российского общества: историко-правовой ракурс. *История: факты и символы.* 2023;35(2):118–125. DOI: 10.24888/2410-4205-2023-35-2-118-125.
41. Щедрина АА. Становление и развитие законодательства РФ, регулирующего политику памяти. *Вестник науки.* 2024;3(6):958–966. EDN: GDOATB.
42. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии.* Апполонов А, Котельникова Т, переводчики. Москва: Дело; 2018. 736 с.
43. Тощенко ЖТ. Манкуртизм как деформация исторического сознания. *Социология власти.* 2010;1:6–16. EDN: KVYPGM.
44. Котляров ИВ. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс). *Доклады Национальной академии наук Беларуси.* 2018;62(3):364–373. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
45. Halbwachs M. *La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective.* Paris: Presses Universitaires de France; 1941. 207 p.
46. Czarnowski S. *Le culte des héros et ses conditions sociales: Saint Patrick, héros national de l'Irlande.* Paris: Librairie Félix Alcan; 1919. 369 p.
47. Czarnowski S. *Społeczeństwo – kultura. Tom 1, Prace z socjologii i historii kultury.* Warszawa: Polski Instytut Socjologiczny; 1939. 558 s.
48. Чарновский С. Прошлое и настоящее в культуре. Васильев АГ, переводчик. *Диалог со временем.* 2013;45:323–341.
49. Eyerman R. *Cultural trauma: slavery and the formation of African American identity.* Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 316 p.
50. Мысливец НЛ. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований). *Вестник Института социологии.* 2022;13(1):26–43. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772.
51. Кулиш ВВ. Историческая память охотников степных и лесостепных районов Алтайского края (по материалам социологического исследования). *Современные исследования социальных проблем.* 2016;1(57):139–148. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-1-13.

Статья поступила в редколлегию 08.11.2025.
Received by editorial board 08.11.2025.

Психологические исследования

Psychological researches

УДК 159.9.07

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВЗРОСЛЫХ С ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЬЮ

О. А. ГУР[1)]***, Н. Ю. КЛЫШЕВИЧ***[2)]

[1)]*Республиканский научно-практический центр психического здоровья, Долгиновский тракт, 152, 220080, г. Минск, Беларусь*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Установлено, что взрослые с хронической болью имеют выраженные иррациональные убеждения долженствования в отношении себя и других, а также более высокую иррациональность мышления в целом. Доказано, что данные различия являются статистически значимыми. Выявлено наличие значительного числа корреляций между исследуемыми переменными: чем выше иррациональность мышления, тем ниже социально-психологическая адаптация респондентов. В группе взрослых с хронической болью обнаружено наибольшее число корреляционных связей между шкалами «катастрофизация», «долженствование в отношении других», «низкая фрустрационная толерантность» и показателями социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: иррациональные убеждения; социально-психологическая адаптация; хроническая боль.

Образец цитирования:
Гур ОА, Клышевич НЮ. Иррациональные убеждения и социально-психологическая адаптация взрослых с хронической болью. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:69–78.
EDN: FXHLXR

For citation:
Gur OA, Klyshevich NYu. Irrational beliefs and social and psychological adaptation in adults with chronic pain. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:69–78. Russian.
EDN: FXHLXR

Авторы:
Олег Артурович Гур – заведующий 20-м психиатрическим отделением для лечения невротических, психосоматических и непсихотических аффективных расстройств клинического отдела.
Наталья Юлиановна Клышевич – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
Oleg A. Gur, head of the 20th psychiatric department for the treatment of neurotic, psychosomatic and non-psychotic affective disorders, clinical department.
artemgur@gmail.com
Natalya Yu. Klyshevich, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
klishevich_n@mail.ru

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2026;1:69–78
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2026;1:69–78

IRRATIONAL BELIEFS AND SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN ADULTS WITH CHRONIC PAIN

***O. A. GUR*[a], *N. Yu. KLYSHEVICH*[b]**

[a]*Republican Scientific and Practical Center for Mental Health, 152 Dalhinawski Tract, Minsk 220080, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: N. Yu. Klyshevich (klishevich_n@mail.ru)

Abstract. Adults with chronic pain were found to have pronounced irrational should beliefs about themselves and others, as well as higher levels of irrational thinking in general. These differences were found to be statistically significant. A significant number of correlations were found between the variables studied: the higher the irrationality of thinking, the lower the respondents' socio-psychological adaptation. In the group of adults with chronic pain, the highest number of correlations were found between the «catastrophising», «should beliefs about others», and «low frustration tolerance» scales and social and psychological adaptation indicators.

Keywords: irrational beliefs; social and psychological adaptation; chronic pain.

Введение

Хроническая боль является глобальной проблемой, которая негативно влияет на здоровье и благополучие людей. О ее масштабе свидетельствует и тот факт, что в 2004 г. Всемирная организация здравоохранения инициировала проведение первого Всемирного дня борьбы с болью. Этот день нацелен на привлечение внимания к исследованию и лечению боли, в том числе хронической. Представители Международной ассоциации по изучению боли (*International Association for the Study of Pain*, IASP) и Европейской федерации боли (*European Pain Federation*, EFIC) подчеркивают, что обезболивание является неотъемлемой частью права на максимально достижимый уровень физического и психического здоровья. По словам Х. Брейвика, экс-президента EFIC, хроническая боль – одна из самых значимых проблем здравоохранения в современном мире, которая оказывает серьезное влияние на качество жизни людей и является большой нагрузкой для системы здравоохранения.

Согласно статистическим данным IASP и EFIC каждый пятый человек страдает от умеренной или сильной хронической боли. Каждый третий взрослый не может вести независимый образ жизни из-за хронической боли. Каждый четвертый человек сообщает, что отношения с семьей и друзьями напряжены или разорваны из-за нее.

Определение IASP, пересмотренное и дополненное в 2020 г., описывает боль как субъективное неприятное переживание, имеющее сенсорный и эмоциональный характер, вызванное подлинным или потенциальным повреждением ткани [1; 2]. Боль, особенно хроническая боль, которая длится более 3 месяцев, оказывает существенное влияние на качество жизни, физическое и психическое благополучие личности.

Как следует из современного понимания боли, она является многофакторным феноменом, который невозможно связывать исключительно с ноцицепцией. По мнению экспертов рабочей группы IASP, боль – это личное переживание, на которое влияют биологические, психологические, а также социальные факторы. Исследователи подчеркивают, что необходим мультидисциплинарный подход к лечению хронической боли (С. В. Гапанович, С. А. Лихачев, Н. А. Наумовская, Ю. Н. Рукшкевич). Предпочтительность междисциплинарного подхода к лечению хронической боли доказана в исследованиях [3–5].

Суть междисциплинарного подхода соответствует идеям биопсихосоциального подхода, предложенного Дж. Энгелем в 1977 г. в качестве альтернативы биомедицинской модели. В рамках данного подхода боль рассматривается как результат динамического взаимодействия биологических, психологических и социокультурных факторов. В настоящее время биопсихосоциальный подход признается наиболее перспективным для понимания и лечения хронических болевых расстройств.

Следует отметить, что удельный вес данных факторов может меняться в зависимости от стадии заболевания. В рамках межличностной модели хронической боли указывается, что биологические изменения служат провоцирующим событием в развитии синдрома хронической боли, в то время как интрапсихические и внешние переменные служат факторами уязвимости [6]. В частности, было доказано, что при хронической боли основную роль в поддержании болевого поведения играют психологические особенности личности. Программы по работе с хронической болью, не предусматривающие воздействия на психологические и социальные факторы, имеют низкую эффективность [7]. Вследствие этого представляется актуальным изучение психологических убеждений взрослых с хронической болью.

Материалы и методы исследования

Методологической основой настоящего исследования выступили биопсихосоциальный подход и идеи А. Эллиса, а также его последователей о рациональности (иррациональности) мышления взрослого [8]. Хотя сам А. Эллис использовал термин «core irrational beliefs», который обозначает ядерные или центральные иррациональные убеждения, в русскоязычной литературе, в том числе в названии его методики, термин «beliefs» часто переводится как «установки». С учетом данного обстоятельства в статье мы будем использовать понятия «убеждения» и «установка» как синонимичные.

Рациональное убеждение – это когнитивное выражение базовой готовности принять нежелательный результат реальности независимо от того, насколько он отклоняется от цели и насколько сильнó желание человека достичь данной цели. Рациональные убеждения представляют собой оценочные когниции, которые обладают значимостью для личности и выражают предпочтения, а не абсолютистские требования. Человек формулирует их в виде желаний или предпочтений.

Иррациональное убеждение – это требование к реальности, которое направлено на отмену отрицательного результата. Иррациональные убеждения отличаются от рациональных двумя важными моментами: 1) иррациональные убеждения абсолютизированы; 2) они выражены в форме высказываний, содержащих слова «должен», «обязан», «надо» и т. д. Данное обстоятельство объясняет, почему иррациональные убеждения человека негибкие, ригидные. Помимо этого, они вызывают отрицательные эмоции (тревога, гнев, вина), которые осложняют реализацию целей и задач личности. Иррациональные убеждения ведут к дисфункциональному, неадаптивному поведению, вариантами которого могут быть прокрастинация, избегание, злоупотребление различными веществами [8; 9].

Психолог А. Эллис выделяет четыре разновидности иррациональных убеждений: 1) установки долженствования; 2) катастрофизация; 3) низкая фрустрационная толерантность; 4) оценивание и осуждение (критика) себя и других людей. В контексте исследуемой нами проблемы важными представляются утверждения А. Эллиса и А. Бека о наличии связи между иррациональными убеждениями, депрессивными состояниями и негативными эмоциями личности [9].

Особый интерес для нас представляют данные исследований взрослых с хронической болью. Дадим их краткий обзор перед описанием полученных нами эмпирических материалов. По мнению ряда авторов, при хроническом болевом синдроме когнитивные оценки в большей степени оказывают воздействие на аффективные и поведенческие реакции человека, влияя на его адаптацию и физическую активность. В то же время важную роль играют различные варианты копинг-стратегий (пассивные и активные копинг-стратегии) и когнитивные процессы (ожидание, отношение к происходящему, надежда и др.), которые могут как поддерживать человека, так и обострять его проблему. Взрослые с хронической болью, уверенные в собственной беспомощности, в меньшей степени способны управлять болью и контролировать себя. Последствиями такой когнитивной оценки являются фиксация на боли, формирование пассивного образа жизни и социальная дезадаптация личности [10].

Катастрофизация является чрезвычайно важной переменной в понимании опыта боли при хронических болевых состояниях. Она предполагает преувеличение негативных последствий ситуации до крайней степени (то, что произошло, воспринимается человеком как ужасное событие). Катастрофизация положительно связана с тяжестью боли, аффективным дистрессом, болезненностью мышц и суставов, инвалидностью, низкими результатами лечения боли и потенциально сопряжена с активностью воспалительного заболевания [11]. Эта иррациональная установка выступает в качестве механизма, который «подпитывает» предвзятость восприятия ситуаций, связанных с наличием угрозы, и препятствует разработке функциональных стратегий поведения. Как выявлено в исследованиях, катастрофизация боли связана с тревогой и депрессией. Интересно наличие связи между оценками болевых ощущений и катастрофизацией. Значительное число корреляций обнаружено между катастрофизацией и аффективным компонентом боли. Однако наибольшее число связей зафиксировано между безнадежностью и оценками боли [11; 12].

В рамках модели FA (*fear-avoidance model*, *FA model*) – модели хронической боли, основанной на избегании страха (Дж. Летем, Дж. Дж. Асмундсон Дж. В. С. Влаен, С. Дж. Липтон, Г. Р. Нортон), выдвинута гипотеза о том, что страх увеличивает интенсивность эмоциональных реакций и усиливает тенденцию к избеганию деятельности. Катастрофическое мышление и боязнь движения обусловливают сохранение страха и повышение внимания к телесным ощущениям, что, в свою очередь, приводит к формированию негативных ожиданий и усилению тенденции к избеганию. Взаимосвязь между страхом и избеганием отвечает за поддержание болевого поведения и инвалидности.

Метаанализ, охватывающий 65 340 человек, также опирается на модель FA. Как выяснили исследователи, катастрофизация и страх боли, включая избегание, мысли и физиологическую реактивность, являются ключевыми предпосылками для увеличения интенсивности боли и инвалидизации в дополнение к связанному с болью психологическому дистрессу [13].

В еще одном исследовании отмечается, что избегание является предиктором получения негативных результатов у пациентов с хронической болью. Избегание или преднамеренные попытки подавить

(предотвратить) нежелательные переживания (например, боль) могут привести к инвалидности, физическому бездействию и депрессии. Автор работы подчеркивает, что избегание, как неэффективная стратегия управления болью, ведущая к ее хронизации, должно быть преодолено [14].

Кроме того, отмечается сильная связь катастрофизации боли и психосоциальных факторов. Доказано, что удовлетворенность исполнением привычных социальных ролей и социальная поддержка отрицательно связаны с симптомами депрессии, тогда как социальная изоляция имеет положительную связь с этими симптомами [15].

Исследования показывают, что качество партнерских отношений влияет на психологическое благополучие людей с хронической болью. Удовлетворенность диадическим взаимодействием и поддержкой со стороны супругов связаны с уменьшением симптомов депрессии и тревоги. Следовательно, допустимо говорить о социальной буферизации хронической боли [16].

Заслуживает внимания вывод о смягчающей роли самоэффективности в отношении боли. Установлено, что по мере снижения самоэффективности в отношении боли связь между тяжестью и катастрофизацией боли, а также между катастрофизацией боли и депрессивными симптомами усиливается [17].

Итак, приведенные исследовательские данные позволяют констатировать важную роль психологических и социально-психологических особенностей личности в совладении с хронической болью. В то же время изучение иррациональных убеждений взрослых с хронической болью на основе идей А. Эллиса и формирование представлений о степени их выраженности позволят специалистам, работающим с болевыми синдромами, конкретизировать терапевтические цели. Понимание связи иррациональных убеждений и показателей социально-психологической адаптации может повысить эффективность терапевтического процесса. Данные обстоятельства повлияли на наш исследовательский интерес.

Цель нашего исследования заключалась в определении иррациональных убеждений взрослых с хронической болью, а также в установлении характера связи данной переменной с социально-психологической адаптацией респондентов. Для сбора эмпирических данных использовались методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса (далее – тест Эллиса) в адаптации А. Г. Каменюкина и Д. В. Ковпака и методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд[1] в адаптации А. К. Осинского [18].

Выборку исследования составили 100 человек, а именно 50 респондентов в возрасте от 30 до 79 лет (средний возраст (44,80 ± 2,69) лет) с хронической болью и 50 респондентов в возрасте от 22 до 65 лет (средний возраст (47,30 ± 3,19) лет) без хронической боли. Исследование проводилось с соблюдением этических принципов добровольности участия и осведомленности о результатах. В группе взрослых с хронической болью преобладающими диагнозами были люмбоишиалгия, радикулит, остеохондроз, артроз, мигрень. Участников исследования с хронической болью мы будем обозначать как группу 1, участников исследования без хронической боли – как группу 2.

Поскольку распределение является нормальным, то для установления статистической значимости различий применялся *t*-критерий Стьюдента. Также для оценки значимости различий использовался χ^2-критерий Пирсона. Взаимосвязь между переменными устанавливалась при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Для обработки данных применялись пакеты программ *Microsoft Excel 2016*, *IBM SPSS Statistics v.28* (сбор данных и их количественная обработка осуществлялись И. В. Бухлицкой и Н. Ю. Клышевич).

Результаты и их обсуждение

Обратимся к описанию результатов, полученных с помощью теста Эллиса. Этот тест включает шкалы «катастрофизация», «долженствование в отношении себя», «долженствование в отношении других», «самооценка и рациональность мышления» (интегральная шкала), «низкая фрустрационная толерантность». Необходимо подчеркнуть, что результаты теста Эллиса интерпретируются следующим образом: чем ниже набранный респондентом балл, тем выше иррациональность его убеждений. Средние баллы по шкалам данного теста отражены в табл. 1.

Таблица 1

Средние показатели по шкалам теста Эллиса в группах 1 и 2, баллы

Table 1

Average indicators on the scales of the Ellis test in groups 1 and 2, points

Шкала	Группа 1	Группа 2
Катастрофизация	27,72 ± 1,01	28,28 ± 1,09
Долженствование в отношении себя	26,62 ± 0,74	28,28 ± 1,11

[1] *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб. пособие. М. : Ин-т психотерапии, 2002. 488, [1] с.

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Шкала	Группа 1	Группа 2
Долженствование в отношении других	28,26 ± 0,87	32,66 ± 0,88*
Самооценка и рациональность мышления	28,78 ± 1,22	34,86 ± 1,30*
Низкая фрустрационная толерантность	33,22 ± 1,20	34,12 ± 1,01

Примечание. Знаком * отмечены показатели, которые статистически значимы при $p \le 0,05$.

Как видно из данных табл. 1, статистически значимые различия между двумя группами нашей выборки наблюдаются по шкалам «долженствование в отношении других» и «самооценка и рациональность мышления». Следовательно, для респондентов с хронической болью в большей мере характерно наличие высоких требований к окружающим, которые выражаются в виде императивов и, по мнению А. Эллиса, ведут к возникновению дисфункциональных эмоций и поведения. У взрослых без хронической боли данные особенности проявляются реже. Значимые связи между иррациональностью мышления и болью выявил У. Клагес при исследовании взрослых с ревматоидным артритом [19].

В целях более детального анализа эмпирического материала рассмотрим степень выраженности каждой из иррациональных установок у участников настоящего исследования (табл. 2). Значимость различий определялась с помощью χ^2-критерия Пирсона.

Таблица 2

Распределение респондентов из групп 1 и 2 в зависимости от степени выраженности иррациональных установок, %

Table 2

Distribution of respondents from groups 1 and 2 depending on the degree of expression of irrational attitudes, %

Шкала	Выраженное наличие иррациональной установки		Наличие иррациональной установки		Отсутствие иррациональной установки	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2
Катастрофизация	62	52	36	46	2	2
Долженствование в отношении себя	76	54	24**	42**	0	4
Долженствование в отношении других	56	26	44**	72**	0	2
Самооценка и рациональность мышления	56	34	38	52	6**	14**
Низкая фрустрационная толерантность	32	32	56	60	12	8

Примечание. Знаком ** отмечены показатели, которые статистически значимы при $p \le 0,01$.

Согласно полученным данным различия между двумя группами по шкале «катастрофизация» незначительны. Каждый второй респондент демонстрирует выраженное наличие катастрофизации, что проявляется в чрезмерном преувеличении негативных последствий событий. Лишь малая часть взрослых из каждой группы (2 %) не обладают данной иррациональной установкой.

Показатели по шкале «долженствование в отношении себя» распределились иным образом. Две трети респондентов из группы 1 демонстрируют выраженное наличие данной иррациональной установки, т. е. они имеют неоправданно высокие требования к себе, которые в большинстве случаев невозможно реализовать. Эта установка становится постоянным источником стресса для человека, усугубляя его и без того сложную жизненную ситуацию (наличие хронической боли). В группе 2 подобные результаты наблюдаются у каждого второго участника. Применение χ^2-критерия Пирсона показало, что различия в степени выраженности этой иррациональной установки значимы при $p \le 0,01$. Можно предположить, что такая чрезмерная требовательность будет усиливать тревожность и самокритичность, формировать представления о низкой самоэффективности. Косвенно наши предположения подтверждаются исследовательскими данными других авторов. Вклад тревоги в хронизацию боли и выбор пассивных стратегий совладения с ней отмечают Н. Н. Коберская и Г. Р. Табеева [20]. Самоэффективность и катастрофическое мышление оказывают большее влияние на физическое и психическое здоровье личности, чем интенсивность боли [17].

Распределение показателей по шкале «долженствование в отношении других» отражает сходную тенденцию: выраженное наличие данной установки в 2 раза чаще встречается у респондентов из группы 1 по сравнению с респондентами из группы 2

($p \leq 0{,}01$). Установки взрослых без хронической боли отличаются меньшей категоричностью и, как следствие, большей гибкостью. Следовательно, взрослые с хронической болью демонстрируют бóльшую требовательность в отношении того, что другие люди должны делать, говорить и как им следует вести себя. Однако эти ожидания часто не совпадают с реальностью, что усугубляет и без того сложное психологическое состояние респондентов из группы 1, затрудняет их социальное взаимодействие. А. Кано и ее коллеги обнаружили: пациенты с выраженным наличием катастрофизации могут проявлять свою потребность в поддержке аверсивными способами, что вызывает негативную реакцию членов их семей [21]. Подобное поведение будет усиливать ощущения социального неблагополучия и социальной изоляции. Как отмечают Э. Соле и соавторы, у взрослых с хронической болью социальная изоляция имеет положительную связь с симптомами депрессии [15].

В то же время существуют исследования, свидетельствующие о неоднозначной роли социальной поддержки. Так, А. Э. Лопес-Мартинес, Р. Эстев-Сарагаза и К. Рамирес-Маэстре говорят о том, что социальная поддержка, наоборот, может усиливать интенсивность боли, поскольку взрослые с хронической болью стремятся получить больше поддержки и заботы от окружающих за счет демонстрации болевого поведения [22].

Показатели по шкале «низкая фрустрационная толерантность» в двух группах примерно одинаковы. По этой шкале в группах 1 и 2 наиболее высокий процент взрослых, у которых отсутствует данная иррациональная установка (каждый десятый опрошенный). Интересно, что в группе 1 отмечается наименьшее число респондентов с выраженным наличием непереносимости фрустрации по сравнению с другими шкалами (32 %). Возможно, это объясняется болевым опытом взрослых с хронической болью.

Интегральная шкала «самооценка и рациональность мышления» характеризует общую рациональность мышления. На основании данных табл. 2 можно заключить, что выраженное наличие данной иррациональной установки более свойственно представителям группы 1. Высокую иррациональность мышления демонстрирует каждый второй респондент из группы 1, тогда как в группе 2 наличие этой иррациональной установки характерно для каждого третьего респондента ($p \leq 0{,}01$). В то же время рациональность мышления у взрослых из группы 2 наблюдается в 2 раза чаще. В рамках исследуемой нами проблематики ценным представляется вывод о наличии прямой связи резилиентности (способности личности восстанавливаться после трудных жизненных событий) и адаптивной реакции на боль [23].

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что респонденты с хронической болью обладают выраженной иррациональностью мышления, которая отражается в ригидности убеждений, большей категоричности и наличии требований к себе и окружающим. Высокая иррациональность мышления вызывает отрицательные переживания, чувство неудовлетворенности своей жизнью, формирует критичное отношение к себе и окружающим.

В целях проверки характера связи между иррациональными установками личности и показателями ее социально-психологической адаптации нами использовался коэффициент корреляции Пирсона. До описания полученных результатов важно напомнить, что высокие баллы по тесту Эллиса свидетельствуют об отсутствии иррациональных установок, тогда как низкие баллы говорят об их наличии. В табл. 3 представлены статистически значимые корреляции для взрослых из групп 1 и 2.

Основываясь на данных корреляционного анализа (см. табл. 3), можно утверждать о наличии значимых корреляций между исследуемыми переменными в обеих группах. Наибольшее количество статистически достоверных взаимосвязей зафиксировано нами по шкале «низкая фрустрационная толерантность». Непереносимость фрустрации ведет к непринятию себя и окружающих, социально-психологической дезадаптации, формированию объектной позиции во взаимодействии с другими (показатели «внешний контроль», «ведомость», «эскапизм»), вызывает эмоциональный дискомфорт. То, что такая позиция вредна для человека с хронической болью, доказано в работе М. Ф. Перес и Дж. Луккетти [24]. Авторы отмечают, что пассивные стратегии совладания с болью являются неадаптивными и что они связаны с усилением боли, депрессией, инвалидностью и ухудшением адаптации. К таким копинг-стратегиям исследователи относят катастрофизацию, молитву (надежду), избегание, поиск социальной поддержки. С. Ду и его коллеги на выборке китайских пациентов с хронической неспецифической болью в пояснице доказали, что пассивное совладание с болью выступает фактором риска для взрослых с хронической болью [25].

В рамках сравнительного анализа обратимся к описанию корреляционных связей для группы 2. В данной группе отмечается наибольшее количество связей между непереносимостью фрустрации и отдельными показателями социально-психологической адаптации. Низкая фрустрационная толерантность связана с непринятием себя, эмоциональным дискомфортом, ведомостью, предпочтением внешнего контроля внутреннему и социально-психологической дезадаптацией. Вероятно, способность переносить дискомфорт и жизненные трудности является важной личностной характеристикой для любого человека. Наше предположение совпадает с мнением А. Эллиса и У. Драйдена о том, что самопринятие и фрустрационная толерантность – две главных составляющих психологического здоровья личности [8; 9].

Таблица 3

Корреляции между иррациональными установками и показателями социально-психологической адаптации респондентов из групп 1 и 2

Table 3

Correlations between irrational attitudes and indicators of social and psychological adaptation of respondents from groups 1 and 2

Показатели социально-психологической адаптации	Катастрофизация		Долженствование в отношении себя		Долженствование в отношении других		Самооценка и рациональность мышления		Низкая фрустрационная толерантность	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2
Дезадаптивность	–0,489**	–0,281*	–0,285*	–0,277	–0,479**	–0,261	–0,449**	–0,576**	–0,514**	–0,470**
Непринятие себя	–0,514**	–0,264	–0,175	–0,257	–0,276	–0,230	–0,254	–0,539**	–0,393**	–0,459**
Непринятие других	–0,284*	–0,149	–0,182	–0,152	–0,187	0,248	–0,179	–0,390**	–0,352*	–0,364**
Эмоциональный дискомфорт	–0,477*	–0,261	–0,352*	–0,309*	–0,478**	–0,236	–0,502**	–0,559**	–0,475**	–0,449**
Внешний контроль	–0,358*	–0,215	–0,260	–0,226	–0,444**	–0,188	–0,360*	–0,518**	–0,453**	–0,369**
Ведомость	–0,488**	–0,386**	–0,256	–0,331*	–0,538**	–0,294*	–0,492**	–0,587**	–0,495**	–0,432**
Эскапизм	–0,234	–0,166	–0,243	–0,149	–0,379**	–0,234	–0,387**	–0,381**	–0,377**	–0,265

Примечание. Знаком * отмечены показатели, которые статистически значимы при $p \leq 0{,}05$, знаком ** – показатели, которые статистически значимы при $p \leq 0{,}01$.

В группе 1 много значимых связей получено по шкале «катастрофизация». Согласно полученным данным выраженное наличие катастрофизации ведет к непринятию себя и других, эмоциональному дискомфорту и социально-психологической дезадаптации. Индивид с подобной установкой имеет потребность во внешнем контроле и ощущает себя ведомым. Такая позиция неблагоприятна для лечения, так как человек в значительной степени опирается на других, а себя рассматривает в качестве объекта воздействия. Пациент уходит от активной позиции, время его выздоровления увеличивается, а прогнозы ухудшаются. Установлено, что катастрофизация боли связана с повышением потребности в медицинских консультациях, более частым использованием медицинской помощи [26]. Катастрофизация боли выступает как один из наиболее надежных предикторов неблагоприятного опыта боли [27]. Высокие показатели катастрофизации боли коррелируют с повышенной интенсивностью и тяжестью боли, стрессом [5; 28].

Иррациональная установка «катастрофизация» у респондентов из группы 2 связана с ведомостью и социально-психологической дезадаптацией. Можно предположить, что предъявление нереалистично высоких требований к окружающим людям будет затруднять выстраивание и сохранение благоприятных межличностных отношений, что, в свою очередь, может осложнять адаптацию человека. В то же время число корреляций и теснота связи по данной шкале в группе 2 ниже.

Установки «долженствование в отношении себя» и «долженствование в отношении других» в группе 1 также имеют значимые корреляции с рядом показателей социально-психологической адаптации. Стоит обратить внимание на тот факт, что установка «долженствование в отношении других» в нашей выборке имеет в 2,5 раза больше корреляций, чем установка «долженствование в отношении себя». В частности, наличие высоких требований к окружающим людям у взрослых с хронической болью создает эмоциональный дискомфорт, ведет к социально-психологической дезадаптации и перекладыванию ответственности на других. Предъявление чрезмерно высоких требований к себе оказалось связанным с эмоциональным дискомфортом и социально-психологической дезадаптацией. Полученные данные подтверждают идеи А. Эллиса о том, что завышенные ожидания редко оправдываются в реальной жизни и служат источником стресса для их обладателя.

В группе 2 выявлены две значимые корреляции установки «долженствование в отношении себя» – корреляции с эмоциональным дискомфортом и с ведомостью. В отличие от респондентов группы 1 установка «долженствование в отношении других» в группе 2 имеет только одну статистически значимую связь – с ведомостью личности, тогда как число значимых корреляций по данной шкале в группе 1 в 5 раз выше.

Анализ взаимосвязей иррациональности мышления с показателями социально-психологической адаптации в группе 1 подтверждает большинство описанных выше закономерностей. Так, чем выше иррациональность мышления, тем сильнее эмоциональный дискомфорт, социально-психологическая дезадаптация и пассивная позиция в межличностном взаимодействии. Наши эмпирические данные согласуются с гипотезой мотивационного прайминга П. Лэнга, согласно которой негативные эмоции активируют поведение избегания и усиливают болевую чувствительность [29].

По интегральной шкале теста Эллиса в группе 2 зафиксирована аналогичная тенденция, однако число значимых связей здесь несколько выше. Можно предположить, что подобный характер корреляций отражает общую закономерность вклада иррациональности мышления в психологическое благополучие и социально-психологическую адаптацию взрослых. Необходимо подчеркнуть, что это предположение соответствует идеям рационально-эмоциональной поведенческой терапии.

Итак, для респондентов с хронической болью характерно наличие значительного числа связей ряда иррациональных установок (катастрофизация, долженствование в отношении других и низкая фрустрационная толерантность) и показателей социально-психологической адаптации личности. Вероятно, именно влиянием данных установок объясняется большая общая иррациональность мышления данной группы респондентов. Указанные иррациональные установки обнаруживают наиболее многочисленные корреляционные связи с показателями социально-психологической адаптации взрослых с хронической болью (18 из 20 значимых корреляций). Представляется важным учитывать данные специфические особенности респондентов с хронической болью в ходе оказания им специализированной помощи. В группе взрослых без хронической боли только одна иррациональная установка (низкая фрустрационная толерантность) демонстрирует значительное число связей с показателями социально-психологической адаптации.

Следует обратить внимание на то, что общее число значимых корреляций по четырем шкалам теста Эллиса (кроме интегральной шкалы) в группе 2, по сравнению с группой 1, оказалось почти в 2 раза ниже (в группе 1 – 20 значимых корреляций, в группе 2 – 11 значимых корреляций). В то же время важно отметить, что число значимых корреляций при $p \leq 0{,}05$ в группе 1 в 1,5 раза выше по сравнению с группой 2 (6 и 4 соответственно). Анализ статистических данных при $p \leq 0{,}01$ демонстрирует сходную, но более выраженную тенденцию: в группе 1 число

значимых корреляций в 2 раза выше по сравнению с группой 2 (14 и 7 соответственно). Следовательно, более тесные и многочисленные связи иррациональных установок и показателей социально-психологической адаптации наблюдаются в группе взрослых с хронической болью.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие статистически значимых различий в степени выраженности иррациональных убеждений у респондентов двух групп. Эмпирические данные, собранные в рамках настоящего исследования, свидетельствуют о повышенной ригидности и стереотипности убеждений взрослых с хронической болью. Для них характерно выраженное наличие долженствований в отношении себя и в отношении других, а также общая иррациональность мышления по сравнению с взрослыми без хронической боли.

Анализ корреляций между изучаемыми переменными в двух группах респондентов позволяет заключить, что в группе 1 число значимых корреляционных связей и их теснота выше, чем в группе 2. Следует подчеркнуть, что на основе анализа показателей по интегральной шкале «самооценка и рациональность мышления» у респондентов двух групп обнаружена общая тенденция: чем выше иррациональность мышления, тем ниже социально-психологическая адаптация.

Таким образом, как для респондентов с хронической болью, так и для респондентов без хронической боли важными предикторами социально-психологической адаптации выступают убеждения личности, степень их рациональности (иррациональности). Однако у респондентов из группы 1 общее число корреляций между иррациональными убеждениями и показателями социально-психологической адаптации, а также теснота связи между переменными значительно выше, чем у респондентов из группы 2.

Данные закономерности подчеркивают важность использования мультидисциплинарного подхода в терапии хронической боли. Интеграция психологических и психотерапевтических методов позволяет снизить интенсивность болевых ощущений, скорректировать дезадаптивные убеждения, улучшить качество жизни пациентов. Совместная работа неврологов, психотерапевтов и клинических психологов способствует формированию адаптивных когнитивно-поведенческих стратегий, что повышает эффективность медицинских вмешательств.

Библиографические ссылки

1. Raja SN, Carr DB, Cohen M, Finnerup NB, Flor H, Gibson S, et al. The revised International Association for the Study of Pain definition of pain: concepts, challenges, and compromises. *Pain.* 2020;161(9):1976–1982. DOI: 10.1097/j.pain.0000000000001939.

2. Наумовская НА, Рушкевич ЮН, Лихачев СА. Современная концепция хронической боли: обзор литературы (часть 1). *Неврология и нейрохирургия Восточной Европы.* 2024;14(4):531–544. DOI: 10.34883/PI.2024.14.4.041.

3. Edmond SN, Moore BA, Dorflinger LM, Goulet JL, Becker WC, Heapy AA, et al. Project STEP: implementing the veterans health administration's stepped care model of pain management. *Pain Medicine.* 2018;19(issue supplement 1):30–37. DOI: 10.1093/pm/pny094.

4. Kamper SJ, Apeldoorn AT, Chiarotto A, Ostelo RWJG, Guzman J, van Tulder MW. Multidisciplinary biopsychosocial rehabilitation for chronic low back pain: cochrane systematic review and meta-analysis. *BMJ.* 2015;350:h444. DOI: 10.1136/bmj.h444.

5. Turk DC, Okifuji A. Psychological factors in chronic pain: evolution and revolution. *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* 2002;70(3):678–690. DOI: 10.1037//0022-006x.70.3.678.

6. Mikail SF, Henderson PR, Tasca GA. An interpersonally based model of chronic pain: an application of attachment theory. *Clinical Psychology Review.* 1994;14(1):1–16.

7. Данилов АнБ, Данилов АлБ. *Лечение боли.* Москва: Группа Ремедиум; 2018. 148 с. (Карманные рекомендации).

8. Ellis A, Dryden W. *The practice of rational emotive behavior therapy.* New York: Springer Publishing Company; 2007. 281 p. DOI: 10.1891/9780826122179.

9. Диджузеппе Р, Дойл К, Драйден У, Бакс У. *Рационально-эмоционально-поведенческая терапия.* Санкт-Петербург: Питер; 2021. 480 с. (Когнитивно-поведенческая терапия).

10. Keefe FJ, Dunsmore J, Burnett R. Behavioral and cognitive-behavioral approaches to chronic pain: recent advances and future directions. *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* 1992;60(4):528–536. DOI: 10.1037//0022-006x.60.4.528.

11. Edwards RR, Bingham CO, Bathon J, Haythornthwaite JA. Catastrophizing and pain in arthritis, fibromyalgia, and other rheumatic diseases. *Arthritis and Rheumatism.* 2006;55(2):325–332. DOI: 10.1002/art.21865.

12. Simic K, Savic B, Knezevic NN. Pain catastrophizing: how far have we come. *Neurology International.* 2024;16(3):483–501. DOI: 10.3390/neurolint16030036.

13. Rogers AH, Farris SG. A meta-analysis of the associations of elements of the fear-avoidance model of chronic pain with negative affect, depression, anxiety, pain-related disability and pain intensity. *European Journal of Pain.* 2022;26(8):1611–1635. DOI: 10.1002/ejp.1994.

14. Kroska EB. A meta-analysis of fear-avoidance and pain intensity: the paradox of chronic pain. *Scandinavian Journal of Pain.* 2016;13(1):43–58. DOI: 10.1016/j.sjpain.2016.06.011.

15. Solé E, Racine M, Tomé-Pires C, Galán S, Jensen MP, Miró J. Social factors, disability, and depressive symptoms in adults with chronic pain. *Clinical Journal of Pain.* 2020;36(5):371–378. DOI: 10.1097/AJP.0000000000000815.

16. Gatien C, Too A, Cormier S. Dimensions of relationship adjustment as correlates of depressive and anxiety symptoms among individuals with chronic pain. *Psychology, Health & Medicine*. 2022;27(8):1748–1759. DOI: 10.1080/13548506.2021.1936579.

17. Mellace D, Aiello EN, del Prete-Ferrucci G, de Sandi A, Marfoli A, Ruggiero F, et al. Beyond pain: the influence of psychological factors on functional status in fibromyalgia. *Clinical and Experimental Rheumatology*. 2024;42(6):1224–1229. DOI: 10.55563/clinexprheumatol/9qrqel.

18. Каменюкин АГ, Ковпак ДВ. *Антистресс-тренинг*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 224 с. (Эффективный тренинг). EDN: SDPSCN.

19. Klages U. Zusammenhänge zwischen irrationalen Einstellungen und Schmerzqualitäten bei Patienten mit chronischer Polyarthritis [Correlations between irrational attitudes and pain quality in patients with chronic polyarthritis]. *Zeitschrift für Rheumatologie*. 1990;49(3):134–137.

20. Коберская НН, Табеева ГР. Роль когнитивных и эмоциональных факторов в формировании боли. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*. 2021;121(11):111–118. DOI: 10.17116/jnevro2021121111111.

21. Cano A, Gillis M, Heinz W, Geisser M, Foran H. Marital functioning, chronic pain, and psychological distress. *Pain*. 2004;107(1):99–106. DOI: 10.1016/j.pain.2003.10.003.

22. López-Martínez AE, Esteve-Zarazaga R, Ramírez-Maestre C. Perceived social support and coping responses are independent variables explaining pain adjustment among chronic pain patients. *Journal of Pain*. 2008;9(4):373–379. DOI: 10.1016/j.jpain.2007.12.002.

23. Brittain DR, Gyurcsik NC, Cary MA, Moser EN, Moser EN, Davis LS. Differences in resilience mechanisms and physical activity among women experiencing chronic pain with higher or lower resilience. *Women's Health Issues*. 2022;32(3):309–316. DOI: 10.1016/j.whi.2021.11.004.

24. Peres MF, Lucchetti G. Coping strategies in chronic pain. *Current Pain and Headache Reports*. 2010;14(5):331–338. DOI: 10.1007/s11916-010-0137-3.

25. Du S, Hu L, Bai Y, Dong J, Jin S, Zhang H, et al. The influence of self-efficacy, fear-avoidance belief, and coping styles on quality of life for Chinese patients with chronic nonspecific low back pain: a multisite cross-sectional study. *Pain Practice*. 2018;18(6):736–747. DOI: 10.1111/papr.12660.

26. de Boer MJ, Struys MM, Versteegen GJ. Pain-related catastrophizing in pain patients and people with pain in the general population. *European Journal of Pain*. 2012;16(7):1044–1052. DOI: 10.1002/j.1532-2149.2012.00136.x.

27. Traxler J, Hanssen MM, Lautenbacher S, Ottawa F, Peters ML. General versus pain-specific cognitions: pain catastrophizing but not optimism influences conditioned pain modulation. *European Journal of Pain*. 2019;23:150–159. DOI: 10.1002/ejp.1294.

28. Keefe FJ, Rumble ME, Scipio CD, Giordano LA, Perri LM. Psychological aspects of persistent pain: current state of the science. *Journal of Pain*. 2004;5(4):195–211. DOI: 10.1016/j.jpain.2004.02.576.

29. Мигунова ЮМ. Психологические факторы хронификации при головной боли. *Психологические исследования*. 2018;11(57):12–33. EDN: YLPSQX.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2025.
Received by editorial board 02.10.2025.

УДК 159.9.072

МАРКЕРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГАМИ

Е. И. ЦЮХАЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассмотрена сущность эмоционального выгорания с опорой на отношение специалиста к выполняемой деятельности. Посредством феноменологического метода анализа транскриптов тематических интервью педагогов и последующего контент-анализа результатов выделены маркеры, указывающие на переживание эмоционального выгорания. Установлено, что при вербализации профессионального опыта респонденты с различной степенью эмоционального выгорания в основном обращаются к одним и тем же категориям. В ходе анализа выявленные категории соотнесены с компонентами трехмерной модели выгорания К. Маслак. Полученные результаты могут пополнить существующий диагностический инструментарий практикующих психологов, а также использоваться в превенции эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; переживание; осмысленность; повествование; профессиональный опыт; педагоги.

MARKERS OF EMOTIONAL BURNOUT EXPERIENCE IN TEACHERS

K. I. TSUKHAI[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The author examines the essence of emotional burnout based on the attitude of a specialist to the activity performed. Through the phenomenological method of analysing transcripts of thematic interviews of teachers and subsequent content analysis of the results, markers are identified that reliably indicate the emotional burnout experience. It was found that when verbalising professional experience, respondents with varying degrees of emotional burnout mostly refer to the same categories. During the analysis, the identified categories are correlated with the components of K. Maslak's three-dimensional burnout model. It is indicated that the results obtained can supplement the existing tools of practicing psychologists in the diagnosing emotional burnout and working with this condition.

Keywords: emotional burnout; experience; meaningfulness; narrative; professional experience; teachers.

Введение

По мнению автора наиболее распространенной трехкомпонентной модели эмоционального выгорания К. Маслак, это состояние является длительной реакцией на воздействие хронических межличностных стрессоров, возникающей, как правило, при выполнении профессиональных обязанностей [1]. Совокупность трех основных компонентов названной модели – эмоционального истощения, деперсонализации

Образец цитирования:
Цюхай ЕИ. Маркеры переживания эмоционального выгорания педагогами. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:79–86.
EDN: EJVFZF

For citation:
Tsukhai KI. Markers of emotional burnout experience in teachers. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:79–86. Russian.
EDN: EJVFZF

Автор:
Екатерина Ильинична Цюхай – старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Katsiaryna I. Tsukhai, senior lecturer at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
catic@yandex.ru

CC BY NC

(цинизма) и редукции персональных достижений (неэффективности) – отражает переживаемое индивидом выгорание. Длительное пребывание в подобном состоянии значительно истощает эмоциональные и физические ресурсы, затрачиваемые на приспособление к воздействию стрессоров. Чрезмерное утомление приводит к негативному и (или) отстраненному восприятию различных аспектов выполняемой деятельности. Следствием истощения и цинизма становятся ощущения недостаточной компетентности при выполнении должностных обязанностей и отсутствия значимых достижений в профессиональной сфере [2].

Так как все компоненты эмоционального выгорания взаимосвязаны, то неудачные попытки снизить эмоциональную нагрузку неминуемо приводят к утрате способности видеть положительные результаты своего труда [3]. Состояние истощения, сопровождающееся ощущениями собственной бесполезности и бессмысленности выполняемой деятельности [4], характерно для многих педагогов, которые готовы вкладывать усилия в общественно полезную и значимую для них деятельность. Если подобная готовность отсутствует, то при выполнении должностных обязанностей возникает риск развития эмоционального выгорания, которое не только сказывается на состоянии педагога, но и постепенно запускает рефлексию других жизненных установок [5].

Связующим звеном между действительностью и ценностно-смысловой сферой выступает переживание, однако не в привычном его понимании как «непосредственной данности психических содержаний сознания» [6, с. 30]. Согласно Ф. Е. Василюку переживание – это особая деятельность, восстановительная работа по принятию данностей внешнего мира [6, с. 30]. Эта внутренняя работа направлена на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием в целях повышения осмысленности жизни. В процессе переживания педагог упорядочивает и пересматривает отношение к объектам действительности, определяет свое состояние и положение в изменившейся «системе координат».

При переживании эмоционального выгорания происходит осознание собственного отношения к выполняемой профессиональной деятельности, т. е. поиск личностного смысла[1]. Смысл, предложенный обществом и (или) выдаваемый за собственный, не замещает субъективный смысл для конкретного педагога, хотя при этом может им осознаваться.

Содержание переживания педагогов раскрывается при описании ими собственного профессионального опыта, т. е. совокупности событий, которые происходили в рамках их практической педагогической деятельности. Вербализация наиболее важных этапов своего становления на профессиональном поприще позволяет респондентам по их усмотрению упорядочить отдельные эпизоды жизни. В то же время происходит не только отбор (необязательно полностью осознанный) озвучиваемых фактов, но и наполнение их личностным смыслом, принятие ответственности за результат собственных решений. Именно в переживании происходит и выявляется подобная внутренняя работа.

Переживание эмоционального выгорания имеет особенности, так как в его процессе педагог пытается структурировать свой внутренний мир, органично соотнося этот мир с профессиональной сферой [8]. Феминизированность педагогической профессии обусловливает появление дополнительного эмоционального напряжения, вызванного дефицитом времени для личной жизни на фоне профессиональной занятости. Семья может стать смыслом жизни женщины-педагога и определить смысловое отчуждение от профессиональной деятельности, что повышает риск переживания эмоционального выгорания.

Повествования педагогов с различной степенью эмоционального выгорания отличаются, так как они базируются на разном профессиональном опыте и уровне удовлетворенности работой [9]. Прояснение содержания переживаний, а именно тех категорий, в которых находит отражение профессиональный опыт, позволит установить доминирующий компонент эмоционального выгорания и более эффективно организовать работу по повышению осмысленности профессиональной деятельности.

Компоненты эмоционального выгорания

Рассмотрим подробнее, каким образом компоненты модели эмоционального выгорания К. Маслак соотносятся с ощущением осмысленности выполняемой деятельности.

Эмоциональное истощение. Симптомы эмоционального истощения (например, усталость, снижение работоспособности) могут объясняться ростом прилагаемых усилий для обнаружения смысла в деятельности [10], которая с течением времени утрачивает прежнюю наполненность [11]. Тогда сомнения в значимости выполняемого дела вызывают повышенный расход энергии и эмоционально истощают педагога [12].

Для выполнения привычных должностных обязанностей у переживающих эмоциональное выгорание педагогов оказывается недостаточно энергии,

[1]Под смыслом в данном случае понимается личностная значимость объектов внешнего мира (людей, явлений, событий, действий) и их отношение к жизненному контексту конкретного индивида [7].

так как часть ее направляется на внутреннюю работу по соотнесению требований к профессиональной деятельности и условий ее осуществления с собственными ценностями, установками и взглядами. Иными словами, все ресурсы для выполнения обязанностей, распределявшиеся ранее на внешнюю и внутреннюю деятельность, теперь в основном концентрируются на внутренней деятельности. Переключение на внешнюю деятельность сложно осуществить до тех пор, пока не будет скорректировано личностное отношение к деятельности и к себе как к профессионалу. Результатом внутренней работы становятся ощущение повышенной нагрузки, эмоциональная напряженность и дискомфорт, неудовлетворенность условиями и результатами работы, в которой недостает смысла, что закономерно вызывает у педагога преимущественно негативные эмоции и чувства.

Деперсонализация. Состояние эмоционального выгорания у педагогов сопровождается желанием отстраниться от требующих эмоциональных затрат нагрузок, неуверенностью в пользе собственных усилий и т. д. [13]. В рамках экзистенциального подхода развитие выгорания связывается с предложенным Д. А. Леонтьевым понятием смыслового отчуждения от конкретной деятельности, например, от профессиональной [7]. Одновременно уместно говорить об отчуждении от глубокого взаимодействия с другими людьми и от собственной жизненной позиции [14].

Отсутствие ясных постоянных ориентиров в сфере образования усиливает эмоциональную напряженность и деперсонализацию у педагогов [15]. Современному педагогу необходимо, с одной стороны, освоить новые формы обучения в условиях технического прогресса и доступности информации, к которым адаптируется школа, с другой – оптимально реализовать себя в профессии и получить удовлетворение от труда. Попытки приспособиться к имеющимся условиям приводят к наполнению профессиональной деятельности общественно значимыми смыслами. Однако эти смыслы начинают переживаться педагогом как нечто внешнее, что усиливает ощущение бессмысленности работы, а порой и безразличие к ней [16].

Противоречивое отношение к деятельности увеличивает сомнения педагога в правильности выбора профессии, а также в эффективности собственного труда. Педагоги ожидают от других участников образовательного процесса отклика (обратной связи от учащихся, их законных представителей, администрации, коллег, иногда – от членов собственной семьи), чтобы понять собственное значение, полезность своего труда и разрешить сомнения. Отклик может выражаться в форме явного или неявного указания (например, слова благодарности или успехи учащихся в учебе).

Редукция персональных достижений. Пока смысл выполняемой деятельности не будет обнаружен, педагог будет чувствовать разочарование, неуверенность в себе и свою некомпетентность [10]. У него будет расти недовольство собой, снижаться самооценка, а также уменьшаться ценность деятельности и желание вкладывать в нее усилия.

Согласно М. Лейтеру и К. Маслак редукция персональных достижений, в отличие от эмоционального истощения и цинизма, возникает не из-за чрезмерной нагрузки на работе и (или) социальных конфликтов [17]. Она выступает следствием субъективной оценки своей профессиональной эффективности и сформированного под воздействием рабочих стрессоров отношения к себе как к профессионалу, которые в некоторой степени могут быть отражены в связанном с эмоциональным выгоранием конструкте профессиональной востребованности [18].

Продолжение выполнения педагогом своих профессиональных обязанностей без обнаружения в них личностного смысла делает доказательство собственной компетентности и значимости навязчивой целью. Невозможность ее достижения подводит педагога к мысли о неспособности обучать других, к сомнениям в своем предназначении быть учителем, т. е. в своем призвании.

Материалы и методы исследования

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении в содержании переживания педагогов маркеров, указывающих на эмоциональное выгорание. Контрольной группой выступили педагоги с низкой и средней степенью эмоционального выгорания. Маркерами различий стали категории, в которых выражается профессиональный опыт.

Исследование проводилось в 2022–2024 гг. В выборку вошли 60 женщин-педагогов общеобразовательных средних школ и гимназий г. Минска в возрасте от 21 до 64 лет. Средний педагогический стаж составил 20,9 лет. Все респонденты участвовали в исследовании добровольно и на безвозмездной основе, на условиях анонимности и конфиденциальности.

На предварительном этапе исследования с помощью опросника «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданного на основе методики MBI (*Maslach burnout inventory*) К. Маслак и С. Джексон, определялась степень эмоционального выгорания респондентов. В дальнейшем выборка была разделена на две группы по 30 респондентов:

1) группа В – педагоги с высокой и крайне высокой степенью эмоционального выгорания;

2) группа Н – педагоги с низкой и средней степенью эмоционального выгорания.

На основном этапе исследования со всеми педагогами проводились полуструктурированные тематические интервью, общая длительность которых составила 9 ч 38 мин 30 с (средняя продолжительность одного интервью – 9 мин 48 с). Интервью были записаны на диктофон и транскрибированы дословно.

В ходе интервью педагоги в свободной форме отвечали на вопрос: «Расскажите, пожалуйста, историю Вашего профессионального становления как педагога. Начните с того момента, как Вы приняли решение стать педагогом, и расскажите все, что происходило с Вами до настоящего момента. Можете говорить все, что кажется значимым для Вас». Их рассказы сочетали представления о себе в профессии, о своем отношении к выполняемой деятельности, а также о других обстоятельствах и задействованных в них людях.

В исследовании комбинировались качественные и количественные методы сбора и обработки данных. Обе группы методов были применены последовательно, в своей собственной логике. Такое сочетание методов позволило получить знание, выходящее за рамки того, что возможно произвести благодаря использованию одного метода [19].

Подобный дизайн исследования применялся в целях постижения многослойного феномена переживания эмоционального выгорания и лучшего понимания изучаемой проблемы. Обе группы методов выступали в качестве взаимодополняющих исследовательских стратегий [20], последовательное применение которых позволило понять, что происходит с педагогами (в исследовании использовались категории, предложенные самими респондентами).

Качественные методы дали возможность описать состояние эмоционального выгорания изнутри на основе анализа опыта отдельных педагогов, а количественные методы позволили выявить общие закономерности, присутствующие в полученных данных. Формой совмещения качественных и количественных методов стал перевод качественных данных (субъективный опыт педагогов) в количественные данные (частота упоминаемых категорий), который позволил сравнить переживания педагогов с различной степенью эмоционального выгорания, выявить закономерности и интерпретировать полученные результаты [21].

В исследовании применялся описательный метод феноменологического анализа данных А. Джорджи, который дал возможность получить качественные данные о переживании эмоционального выгорания [22; 23]. Анализ данных включал следующие действия:

1) прочтение транскриптов всех интервью для получения общего впечатления;

2) разделение текстов интервью на смысловые единицы по предикативности, указывающей на отношение высказываемого к действительности[2];

3) конденсацию смысла каждой выделенной единицы [23];

4) укрупнение смыслов до более широких тематических кластеров для получения структуры переживания педагогов;

5) обобщение тем повествований и их кодировку с помощью определенных категорий.

В ходе контент-анализа производился подсчет частоты упоминания категорий. Для этого выделенные текстовые единицы повторно пошагово анализировались и определялось их соответствие категориям [20; 25]. Тем самым была выстроена количественная структура переживания педагогов.

Для определения статистической значимости выявленных различий в структуре переживаний между группами педагогов с различной степенью эмоционального выгорания использовался *U*-критерий Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение

Поиск категорий. В результате анализа конденсированного смысла текстов интервью выделен ряд тем, поднимаемых педагогами в своих повествованиях. Процедуры обобщения тем и их кодировки позволили установить более 50 категорий, отражающих профессиональный опыт всех респондентов.

Для дальнейшего анализа были отобраны лишь те категории, которые упоминали в интервью не менее половины опрошенных педагогов. В результате их число сократилось до 21 категории, наиболее полно и емко отражающей содержание переживаний респондентов. В табл. 1 приведены основные темы и соответствующие им категории профессионального опыта, затрагиваемые педагогами в интервью.

Так как в повествованиях ко многим категориям профессионального опыта педагоги обращались неоднократно, учитывалась абсолютная частота их упоминания. Сравнение частоты упоминания наиболее распространенных категорий профессионального опыта педагогами с различной степенью эмоционального выгорания представлено в табл. 2.

[2]Согласно В. Дорошевскому любая высказанная мысль о каком-то жизненном факте локализует его в пространстве и времени, соотнося этот факт с наличной ситуацией, т. е. определяет его модальность (отношение сообщаемого к возможности его осуществления), темпоральность (отношение сообщаемого ко времени) и персональность (отношение сообщаемого к лицу) [24].

Таблица 1

Основные категории профессионального опыта и темы повествований педагогов

Table 1

Main categories of professional experience and topics of the narratives of teachers

№ п/п	Категория	Основные темы
1	Значимость	Обесценивание собственных возможностей и влияния; ощущение бесполезности своего труда; желание быть полезной детям
2	Чувства и эмоции	Ответственность перед другими; радость от выполнения работы и душевный подъем; страх неудачи; чувство вины перед семьей и (или) учащимися
3	Сомнение	Сожаление об упущенных возможностях; сомнение в возможности хорошо обучать; отсутствие сомнений в успешности деятельности; разочарование в профессии учителя
4	Несогласованность	Несоответствие оплаты затраченному времени и усилиям; несоответствие требований возможностям; диссонатные отношения к различным аспектам работы; противоречивое отношение к собственной вовлеченности
5	Удовлетворенность	Чувство удовлетворения или неудовлетворения работой; соответствие действительности ожиданиям
6	Отклик	Ожидание внешнего признания собственного труда; получение благодарности от учащихся и выпускников; непонимание родителей; отсутствие у детей мотивации к обучению
7	Саморазвитие	Стремление изучить что-то новое; принятие новых технологий в учебном процессе; накопление опыта и получение квалификационных категорий; стремление стать лучшей в профессии
8	Общение с детьми	Удовольствие от общения с детьми; усталость от общения с детьми; любовь к детям
9	Польза детям	Стремление помочь детям адаптироваться к жизни; стремление дать учащимся знания; создание комфортной атмосферы для детей
10	Призвание	Работа учителем – призвание, мечта; склонность к выполнению обязанностей педагога; невозможность работать кем-то, кроме учителя
11	Продолжение работы	Склонность к постоянству и продолжению работы; отсутствие альтернативы (другой работы); желание уйти из профессии
12	Нагрузка	Большой объем нагрузки; тяжелый труд учителя, сложность работы; широкий круг обязанностей
13	Сочетание с личной жизнью	Сложность совмещения работы и семейных обязанностей; неосуществимость собственных желаний; преимущество при устройстве личной жизни
14	Условия становления	Благоприятные условия для профессионального развития; неблагоприятные условия профессионального становления; негативный опыт работы на другом месте
15	Поддержка	Поддержка наставника, коллег, членов семьи и друзей; упреки руководства
16	Воспитание	Желание заниматься воспитанием учащихся; желание заниматься лишь обучением учащихся, а не их воспитанием
17	Определенность	Четкость и определенность целей; неопределенность целей или собственного статуса
18	Самостоятельность	Собственное решение; отсутствие выбора
19	Интерес	Интерес к работе; стремление к творчеству в работе; отсутствие привлекательной перспективы
20	Авторитет	Авторитет профессии учителя в современном обществе; игра в школу в детстве
21	Пример	Следование примеру родителей или своих учителей

Таблица 2

Сравнение частоты упоминания категорий профессионального опыта педагогами с различной степенью эмоционального выгорания

Table 2

Comparison of the frequency of mentioning categories of professional experience by teachers with varying degrees of emotional burnout

№ п/п	Категория	Число респондентов, упомянувших категорию			Общее количество упоминаний категории		
		Группа В	Группа Н	Всего	Группа В	Группа Н	Всего
1	Условия становления	30	28	58	146	145	291
2	Удовлетворенность	27	29	56	130	106	236
3	Самостоятельность	27	29	56	61	63	124
4	Чувства и эмоции	30	25	55	138	107	245
5	Общение с детьми	27	28	55	77	103	180
6	Определенность	28	26	54	102	70	172
7	Польза детям	26	27	53	42	73	115
8	Продолжение работы	28	23	51	79	71	150
9	Нагрузка	26	24	50	142	87	229
10	Воспитание	25	25	50	60	80	140
11	Значимость	26	23	49	103	71	174
12	Призвание	25	24	49	83	69	152
13	Саморазвитие	22	26	48	80	66	146
14	Сомнение	28	20	48	62	35	97
15	Отклик	23	23	46	71	70	141
16	Поддержка	21	24	45	63	77	140
17	Пример	21	22	43	49	47	96
18	Авторитет	20	22	42	50	40	90
19	Интерес	19	21	40	57	54	111
20	Сочетание с личной жизнью	21	15	36	64	26	90
21	Несогласованность	22	14	36	61	24	85

Как следует из табл. 2, наиболее упоминаемыми в интервью педагогов оказались категории «Условия становления», «Удовлетворенность», «Самостоятельность», «Чувства и эмоции», «Общение с детьми» и «Определенность». Они встречались в повествованиях 90 % респондентов. Данные категории упоминались примерно одинаковым числом респондентов обеих групп; однако педагоги из группы В чаще упоминали категории «Условия становления», «Нагрузка», «Чувства и эмоции». Стоит отметить, что упоминание категории «Самостоятельность» было в значительной степени продиктовано формулировкой вопроса интервью, так же как и упоминание категории «Общение с детьми» было непосредственно связано с выполнением педагогических обязанностей.

При детальном подсчете и анализе абсолютной частоты упоминания категорий обнаруживаются различия между группами. Так, педагоги из группы В чаще обратились к категориям «Сочетание с личной жизнью» (в 2,5 раза), «Несогласованность» (в 2,5 раза), «Определенность» (в 2,5 раза), «Сомнение» (в 1,8 раза), «Нагрузка» (в 1,6 раза) и «Значимость» (в 1,5 раза). В то же время педагоги из группы Н чаще упоминали категории «Польза детям» (в 1,7 раза), «Общение с детьми» (в 1,3 раза), «Воспитание» (в 1,3 раза), «Поддержка» (в 1,2 раза). Статистически значимые различия обнаруживаются в частоте упоминания категорий «Сомнение» (U = 255,0 при p = 0,003), «Несогласованность» (U = 272,0 при p = 0,006), «Польза детям» (U = 282,5 при p = 0,010), «Сочетание с личной жизнью» (U = 290,5 при p = 0,014), «Нагрузка» (U = 292,0 при p = 0,019) и «Определенность» (U = 295,0 при p = 0,020).

Указанный факт дает основание говорить о сфокусированности педагогов из группы В на определении собственного отношения к выполняемой деятельности, тогда как педагоги из группы Н ориентированы на описание качества межличностных отношений. Эти различия указывают на наличие таких способов совладания с эмоциональным возбуждением, как отвлечение на оказание помощи коллегам и учащимся (например, наставничество, уделение

большего внимания воспитанию, а не обучению), нахождение опоры в поддержке коллег и (или) близких, усиление отчужденности и цинизма, выступающих в качестве психологической защиты [26], и др. Подобной личностной отстраненностью от других людей сопровождается внутренняя работа педагогов по переосмыслению выполняемой деятельности.

Как отмечает К. Маслак, многие специалисты сообщают об истощении и усталости, негативно воспринимают некоторые аспекты своей профессиональной деятельности и испытывают отрицательные чувства и эмоции по отношению к тем, с кем приходится ежедневно работать. В конечном итоге это вызывает сомнение в собственной профессиональной компетентности [27] из-за невозможности сбалансировать эмоциональное состояние. Фокусирование на получении удовлетворения от работы ведет к снижению терпимости к значительным нагрузкам и неблагоприятным условиям профессионального становления, что побуждает педагогов отстраняться от интенсивного общения и выполняемой деятельности, поскольку она не дает, по их субъективному мнению, доказательств личной значимости и не является их призванием.

Заключение

В ходе феноменологического анализа интервью установлено, что при вербализации профессионального опыта для педагогов характерна актуализация конкретных категорий, посредством которых они повествуют о собственном становлении в профессии. Понимать механизм развития и анализировать последствия эмоционального выгорания педагогов следует с опорой именно на эти категории.

При сравнении повествований педагогов с различной степенью выгорания получены несколько выводов.

1. Профессиональный опыт большинства педагогов раскрывается с помощью одних и тех же категорий. Почти во всех повествованиях респондентов встречались упоминания условий их профессионального становления; степени определенности целей и ориентиров; переживаемых чувств и эмоций, связанных с деятельностью; степени удовлетворенности процессом и результатами труда; способов «выполнения» рабочей нагрузки; особенностей общения с детьми; собственной значимости и ценности в образовательном процессе.

2. Статистически значимые различия обнаружены в частоте упоминаний педагогами категорий профессионального опыта. При усилении эмоционального выгорания чаще происходит фокусирование на особенностях сочетания работы с личной жизнью; несогласованности различных аспектов профессиональной деятельности; степени определенности целей и ожидаемых результатов; сомнениях в правильности выбора профессии и выполняемых действий; объеме и содержании рабочей нагрузки. В то же время в ходе интервью респонденты с невысокой степенью эмоционального выгорания чаще высказывали желание принести пользу детям. Это обстоятельство свидетельствует о стремлении «выгоревших» педагогов прояснить свое субъективное отношение к выполняемой деятельности и личной ценности в ней, тогда как «невыгоревшие» педагоги склонны рассматривать ситуацию в более широком контексте, сосредоточиваться на общем смысле деятельности и взаимоотношениях с другими участниками образовательного процесса.

Таким образом, выявленные при описании профессионального опыта содержательные особенности переживаний педагогов могут стать инструментом диагностики эмоционального выгорания наряду с общепринятыми стандартизированными опросниками. Несомненным преимуществом применения беседы в работе психолога будет являться упорядочение в ходе вербализации педагогом его переживаний имеющегося опыта в более широком контексте, постижение им личностного смысла выполняемой деятельности. Актуализация выявленных категорий и их последующий анализ облегчают течение внутренней работы у педагогов, стимулируют их саморазвитие и способствуют формированию позитивного отношения к собственным достижениям.

Полученные результаты могут быть полезны психологам при организации целенаправленной работы по профилактике эмоционального выгорания у педагогов. В связи с этим предлагаются следующие практические рекомендации: 1) способствовать более тесному общению между педагогами в рамках профессиональных сообществ, что обеспечит смещение фокуса их внимания с рабочей нагрузки на поддержку коллег и снижение эмоционального напряжения; 2) организовывать участие педагогов в наставничестве (при обеспечении адекватного возмещения затраченных ими при этом времени и усилий).

Библиографические ссылки

1. Maslach Ch. Understanding job burnout. In: Rossi AM, Perrewé PL, Sauter SL, editors. *Stress and quality of working life: current perspectives in occupational health*. Greenwich: Information Age Publishing; 2006. p. 37–51. DOI: 10.1108/978-1-60752-725-120251005.

2. Leiter MP, Maslach Ch. Areas of worklife: a structured approach to organizational predictors of job burnout. *Emotional and Physiological Processes and Positive Intervention Strategies Research in Occupational Stress and Well Being*. 2004;3:91–134. DOI: 10.1016/S1479-3555(03)03003-8.

3. Трухан ЕА. Конфликт ролей, ролевая неопределенность и профессиональное выгорание. *Психологическое сопровождение образовательного процесса.* 2013;3:317–324. EDN: WYOWQV.
4. Ларенцова ЛИ, Терехина НВ. Феномен эмоционального выгорания: механизм формирования, симптомы и способы преодоления с точки зрения различных психологических подходов. *Прикладная юридическая психология.* 2009;2:37–48. EDN: KTZYOR.
5. Лэнгле А. *Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни.* Дюкова Я, переводчик. Москва: Генезис; 2018. 144 с. (Теория и практика экзистенциального анализа).
6. Василюк ФЕ. *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций).* Москва: Московский университет; 1984. 200 с.
7. Леонтьев ДА. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.* Москва: Смысл; 2003. 486 с. (Фундаментальная психология).
8. Карпинский КВ. Феноменология смысложизненного кризиса в развитии личности. *Мир психологии.* 2012;3:121–134. EDN: PFHHHX.
9. Ratcliff M. Social workers, burnout, and self-care: a public health issue. *Delaware Journal of Public Health.* 2024;10(1):26–29. DOI: 10.32481/djph.2024.03.05.
10. Volodina E. Metamotivation and burnout. *Molodoi uchenyi.* 2010;8(part 2):113–115. EDN: MUAWXH.
11. Skovholt TM, Trotter-Mathison M. *The resilient practitioner: burnout prevention and self-care strategies for counselors, therapists, teachers, and health professionals.* New York: Routledge; 2011. 310 p. DOI: 10.4324/9780203893326.
12. Цюхай ЕИ. Особенности возникновения нигилизма у педагогов с эмоциональным выгоранием. *Адукацыя і выхаванне.* 2021;7:51–57. EDN: PLUFMY.
13. Форманюк ТВ. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя. *Вопросы психологии.* 1994;6:57–65.
14. Maddi SR. The existential neurosis. *Journal of Abnormal Psychology.* 1967;72(4):311–325. DOI: 10.1037/h0020103.
15. Темиров ТВ. Психическое выгорание как деструктивный механизм деятельности педагога. *Мир психологии.* 2008;4:54–64. EDN: JWFLHF.
16. Лэнг РД. *Расколотое «Я». Феноменология переживания и Райская птичка.* Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2016. 350 с.
17. Leiter MP, Maslach C. Burnout. In: Fink G, editor. *Stress: concepts, cognition, emotion, and behavior.* San Diego: Academic Press; 1998. p. 351–357. DOI: 10.1016/B978-0-12-800951-2.00044-3.
18. Цюхай ЕИ, Цыдик КГ. Роль профессиональной востребованности в профилактике эмоционального выгорания педагогов. В: Лазаревич АА, редактор. *Информационное общество и духовная культура молодежи. Материалы Международной научно-практической конференции; 1 декабря 2023 г.; Витебск, Беларусь.* Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2023. с. 141–143. EDN: ZWIQIY.
19. Flick U. *Doing triangulation and mixed methods.* Los Angeles: Sage; 2018. 176 p. DOI: 10.4135/9781529716634.
20. Miles MB, Huberman AM, Saldaña J. *Qualitative data analysis: a sourcebook of new methods.* Los Angeles: Sage; 1994. 338 p.
21. Creswell JW. *A concise introduction to mixed methods research.* Los Angeles: Sage; 2015. 152 p.
22. Богомаз СЛ, Морожанова ММ, Турковский ВИ. Традиция качественных исследований в психологии: описательный феноменологический метод А. Джорджи. *Право. Экономика. Психология.* 2019;1:86–92. EDN: YNDUCK.
23. Бусыгина НП. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях. *Московский психотерапевтический журнал.* 2009;2:52–76. EDN: KMSTWD.
24. Дорошевский В. *Элементы лексикологии и семиотики.* Коннова ВФ, переводчик. Москва: Прогресс; 1973. 288 с. (Языковеды мира).
25. Пашинян ИА. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения. *Научная периодика: проблемы и решения.* 2012;3:13–18. EDN: PEEZJH.
26. Журавлев АЛ, Сергиенко ЕА. *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте.* Москва: Институт психологии РАН; 2011. 512 с. EDN: QYDRJZ.
27. Maslach Ch, Schaufeli WB. Historical and conceptual development of burnout. In: Schaufeli WB, Maslach Ch, Marek T, editors. *Professional burnout: recent developments in the theory and research.* Washington: Taylor & Francis; 1993. p. 1–16.

Статья поступила в редколлегию 10.09.2025.
Received by editorial board 10.09.2025.

УДК 159.923.32

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Д. Р. ШАРИПОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Представлена характеристика концепции индивидуальной религиозности Г. Олпорта, а также проанализированы ее недостатки. Определено, что внутренне религиозная личность характеризуется большей религиозной зрелостью ввиду опоры на истинные религиозные мотивы, ценность религии. Такой личности свойственны более зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры не на внутренние качества, а на религию как средство достижения целей, удовлетворения потребностей. Посредством применения критерия полезности установлено, что внутренне религиозному индивиду свойственна меньшая полезность в контексте достижения личных целей. Внешне религиозная личность отличается большей полезностью, т. е. личностные черты, мотивы, установки, ценности и мировоззрение такой личности опираются на полезность религиозных действий либо для себя (внешнеличностный фактор), либо для социума (внешнесоциальный фактор). Выявлено, что внутренне религиозная личность эффективнее преодолевает травматический опыт по сравнению с внешне религиозной личностью ввиду различий в механизмах совладания с таким опытом и наличия ресурсов для этого.

Ключевые слова: религиозность; внешняя религиозность; внутренняя религиозность; картина мира; базовые убеждения; психическая травма.

EXTERNAL AND INTERNAL RELIGIOSITY OF A PERSON WITH VARIOUS TRAUMATIC EXPERIENCES

D. R. SHARIPOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article presents a description of G. Allport's concept of individual religiosity and analyses its shortcomings. It is determined that an intrinsically religious individual is characterised by greater religious maturity due to their reliance on genuine religious motives and the value of religion. Such individuals exhibit more mature religious traits, attitudes, value orientations, motives, worldview, and behaviour. An extrinsically religious individual, in turn, is characterised by lesser religious maturity due to their reliance not on internal qualities, but on religion as a means of achieving goals and satisfying needs. Using the utility criterion, it is established that an intrinsically religious individual exhibits lower utility in the context of achieving personal goals. An extrinsically religious individual is distinguished by greater utility, i. e., their personality traits, motives, attitudes, values, and worldview are based on the utility of religious actions either for themselves (extrinsic personal factor) or for society (extrinsic social factor). It was found that an internally religious person overcomes traumatic experiences more effectively than an externally religious person due to differences in the mechanisms for coping with such experiences and the availability of resources for this.

Keywords: religiosity; external religiosity; internal religiosity; worldview; basic beliefs; mental trauma.

Образец цитирования:
Шарипова ДР. Внешняя и внутренняя религиозность личности с различным травматическим опытом. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:87–96.
EDN: COBRTZ

For citation:
Sharipova DR. External and internal religiosity of a person with various traumatic experiences. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:87–96. Russian.
EDN: COBRTZ

Автор:
Дарья Рустемовна Шарипова – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:
Daria R. Sharipova, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
darya.sharypava@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7235-6247

CC BY NC

Введение

Мы будем рассматривать религию как чувство, действие, опыт личности, ее отношение к Божеству (У. Джеймс) [1]. Религия играет важную роль в формировании личностных смыслов и ценностей [2]. С общей религиозностью личности связано ее субъективное благополучие в религиозной сфере [3]. В связи с этим интересным является изучение религиозности личности и особенностей преодоления различных жизненных трудностей, в том числе психических травм.

Сфокусируемся на феномене религиозности и различных его трактовках. В рамках социологии религиозность изучали К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и С. Хантингтон. Религиозность рассматривалась сквозь призму социальных процессов, культурно-религиозных основ и ценностных сдвигов в обществе [4]. Т. Лукман и П. Бергер определяли религиозность как качество, присущее природе человека, и отмечали, что формы его проявления изменяются под влиянием социальных процессов [5]. Другими словами, социологическое определение религиозности затрагивало ценности, зависящие от социальных изменений. В зарубежных психологических исследованиях религиозность определяется как набор и содержание индивидуальных религиозных убеждений о высшей силе. С. Т. Гледдинг, Е. Л. Льюис и Л. Адкинс выделяют в религиозности следующие два аспекта: 1) восприятие индивидом религиозных ценностей; 2) активные религиозные действия (посещение церквей, чтение молитв и т. д.) [6]. Здесь в отличие от социологических исследований акцент делается на содержании индивидуальных убеждений. В психологии существуют психоаналитический (З. Фрейд, К. Г. Юнг), экзистенциально-гуманистический (В. Франкл, А. Маслоу, И. Ялом), социально-психологический (Д. Н. Угринович, С. Московичи) подходы к изучению религиозности. Однако мы сосредоточимся на многомерном подходе, в рамках которого религиозность представляет собой структуру, образованную совокупностями черт личности, установок, ценностных ориентаций, мотивов, особенностями мировоззрения и поведения [1], и в дальнейшем сделаем акцент на изучении внешней и внутренней религиозности.

Существовали предпосылки для развития дихотомической теории религиозности. У. Джеймс отмечал внешний и внутренний аспекты религии [7], А. Маслоу выделял мистическую и законническую религию [8], Э. Фромм описывал авторитарный и гуманистический векторы развития религии [9]. Общим в этих взглядах является противопоставление внешнего внутреннему, которое создало базу для развития концепции Г. Олпорта.

Огромное внимание изучению религиозности уделял Г. Олпорт. Его разделение религиозных ориентаций базировалось на внешних и внутренних ценностях личности. Внутренние ценности считались первичными, а внешние ценности – вторичными. По мнению психолога, внешние ценности являются базой для формирования внутренних. В зависимости от формы и зрелости религиозных взглядов, степени их влияния на жизнь Г. Олпорт выделял внешний и внутренний типы религиозной ориентации индивида. Основой для этого разделения были идеи о религиозной зрелости. Религиозная зрелость отличается от религиозной незрелости отходом от эгоцентризма. Религиозная зрелость дифференцирована, целостна; она выступает всеобъемлющей жизненной философией, которая интегрирует когнитивную (картина мира) и мотивационную составляющие личности, предоставляет цель в жизни и ценностную систему. В то же время религиозная незрелость является более простой, нерефлексивной, некритичной [10]. В дальнейшем религиозную зрелость мы будем использовать как критерий для сравнения внешней и внутренней религиозности.

Однако, кроме внутреннего и внешнего типов религиозной ориентации, стоит учесть разделение на религиозных индивидов, нерелигиозных индивидов и атеистов. Существуют индивиды, находящиеся на стыке религиозности и нерелигиозности. Они проявляют религиозное поведение, имея нерелигиозные мотивы, например посещают церковь в целях заведения новых знакомств и общения [11]. Атеисты, в свою очередь, негативно относятся к религиозным ценностям и не участвуют в религиозной жизни [12].

В психологии часто употребляется понятие «религиозная ориентация индивида». Г. Олпорт использует именно такую формулировку. Религиозная ориентация индивида определяет то, в какой степени религиозность обусловливает ценностные поведенческие проявления личности [13]. Это понятие характеризует направленность, степень выраженности религиозности. Следовательно, понятие «религиозная ориентация индивида» несколько шире понятия «религиозность». В настоящей статье под термином «религиозность» мы подразумеваем структуру с определенными личностными чертами, установками, ценностными ориентациями, мотивами, мировоззрением и поведением, которые обусловливают проявления личности.

Стоит отдельно заметить, что в психологии существует много исследований религиозности, религиозных ориентаций, религиозности личностей с различным травматическим опытом. В этих исследованиях изучаются религиозные убеждения, установки, мотивы и ценности. Однако работ, в рамках которых рассматривается внешняя и внутренняя религиозность, мало. В этих немногочисленных исследованиях методологической основой часто выступает религиозная типология Г. Олпорта, достоинства

и недостатки которой мы подробнее постараемся разобрать в настоящем исследовании.

Периодически личность сталкивается с травматичными событиями, которые могут приводить к появлению религиозности, возникающей из переживания иррациональности мира и человеческой жизни. Со временем такая личность приобретает определенные религиозные ценности и убеждения, осмысливает жизненные цели [14]. В подобных ситуациях не сама религиозная личность преодолевает травматический опыт, опираясь на религиозность, а событие становится началом религиозной жизни индивида.

Религиозные индивиды имеют свои отличительные особенности. Используя религиозность как способ преодоления травматического опыта, личность выстраивает новую картину мира, «перерабатывая» травму и находя новые смыслы для будущей жизни. В рамках настоящей работы мы постараемся охарактеризовать внешнюю и внутреннюю религиозность с опорой на накопившую критику концепцию Г. Олпорта, проанализируем актуальные критические замечания, высказанные в адрес его типологии, а также на основе анализа массива исследований внешней и внутренней религиозности личности определим тип религиозной ориентации, способствующий эффективному совладанию с травматическим опытом.

В рамках настоящего исследования мы анализировали труды У. Джеймса, Д. М. Чумаковой, Г. Олпорта, Л. А. Киркпатрика, Р. В. Худа, М. Падун, А. Котельниковой, Р. Янофф-Бульман, Ж. Пиаже. Основным методом данного исследования является теоретический анализ.

Результаты и их обсуждение

Одной из самых известных и цитируемых статей о внутренней и внешней религиозности является работа Г. Олпорта и Дж. Росса «Религиозная ориентация личности и предрассудки» (1967) [11]. Именно с этой работы началось развитие психологии религий на Западе, в связи с чем мы будем уделять больше внимания ее анализу.

Рассмотрим подробнее внешнюю и внутреннюю религиозность. Г. Олпорт отмечает, что индивиды с внешним типом религиозной ориентации склонны к использованию религии в личных целях, они рассматривают ее с точки зрения полезности для их достижения. Например, религиозность может придавать уверенности или использоваться для самооправдания либо получение определенного социального статуса. Индивидам с внешней религиозностью свойственно наличие этнических предубеждений, такая религиозность скорее разъединяет, чем объединяет. Однако Г. Олпорт указывает, что в чистом виде типы религиозной ориентации встречаются редко; более распространенным является смешанный тип религиозной ориентации с преобладанием того или иного типа [15]. Для индивидов с внутренним типом религиозной ориентации религиозность выступает ключевым мотивом «переработки» травматического опыта. Религиозный поиск рассматривается как самоцель, как ценность, лежащая в основе всех вещей и желаемая ради ее самой. Лица, ориентированные на внутренние религиозные переживания, будут в большей степени обладать терпимостью, милосердием, эмпатией и связанной с этими качествами способностью принимать людей с отличным религиозным мировоззрением, другой системой ценностей. Такие индивиды часто интериоризируют религиозное мировоззрение, а другие потребности могут быть для них менее значимы и находиться в гармонии с религиозными воззрениями. Также Г. Олпорт отмечает, что внутренняя религиозность способствует моральному развитию, самопринятию и принятию других, формированию поведения, основанного на искренних религиозных ценностях [15].

Можно обобщить, что личность с внешней религиозностью использует религию в личных целях, рассматривая ее с точки зрения полезности (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). Все это подразумевает соответствующие поведенческие проявления личности. Индивиды с внутренней религиозностью характеризуются наличием ценности религии самой по себе. Для такой личности в первую очередь значимо религиозное мировоззрение, что проявляется в ее действиях и поведении. При таком рассмотрении в рамках дихотомической концепции Г. Олпорта акцент делается на личностных качествах индивидов с разными типами религиозной ориентации. В дальнейшем мы выделим полезность как критерий для сравнения типов религиозной ориентации. Также стоит заметить, что в методике Г. Олпорта и Дж. Росса не определено, что именно подразумевается под внешней и внутренней религиозностью, и не принята во внимание возможность наличия у индивидов характеристик как внешнего, так и внутреннего типа религиозной ориентации одновременно. Проанализируем подробнее критические замечания, высказанные по отношению к этому подходу, так как в дальнейшем будут рассматриваться исследования, базирующиеся на нем.

Некоторые психологи критиковали подход Г. Олпорта и Дж. Росса за редукционизм личной религиозности, а также некоторую неоднозначность, неопределенность понятийно-категориального аппарата. Р. Хант и М. Кинг отмечали, что концепция Г. Олпорта теряет свою практическую значимость [16]. Л. Киркпатрик и Р. Худ считают проблемой данной концепции неудачные дефиниции, мешающие проверке гипотез в эмпирическом исследовании, что приводит к трудностям с валидацией шкал методики. В работах Г. Олпорта и Дж. Росса очень слабо разработаны

базовые определения понятий «внешняя религиозная ориентация», «внутренняя религиозная ориентация», «внешняя религиозность», «внутренняя религиозность», «внешняя религия» и «внутренняя религия» [17]. Р. Хант и М. Кинг отметили, что в рамках концепции Г. Олпорта понятие «внешняя религиозность» определено более четко (инструментальная или эгоистическая мотивация к религиозной активности), а понятие «внутренняя религиозность» имеет множество различных значений. Исследователи также подчеркивали, что в работах Г. Олпорта и Дж. Росса внутренняя религиозность представляет собой образ как личностной переменной, так и когнитивного стиля [16]. Л. Киркпатрик провел анализ шкал методики Г. Олпорта и Дж. Росса, в результате которого были выделены внешнесоциальный (использование религиозности для получения социальной выгоды) и внешнеличностный (использование религиозности для обеспечения комфорта и безопасности) факторы формирования внешней религиозности [18]. Сходные результаты получили Д. Р. Ходж [19], Х. Амон и М. Йела [20]. В исследованиях также отмечались сложности с определением того, что конкретно измеряет внутренняя шкала методики Г. Олпорта и Дж. Росса. С. Д. Бэтсон и В. Вентис полагали, что она помогает выявить религиозную зрелость [21; 22]. М. Дж. Донахью, наоборот, считал, что сомнения менее важны в понимании религиозной зрелости [23]. Однако есть и позитивный момент: внутренняя шкала методики позволяет измерить религиозную приверженность (религиозную преданность, идейность) [24]. Можно обобщить совокупность недостатков и достоинств концепции Г. Олпорта, отмеченных разными исследователями. Так, внутренняя религиозность больше похожа на личностную переменную, когнитивный стиль; она относится ко множеству аспектов религиозности. Внутреннюю религиозность часто соотносят с религиозной зрелостью (религиозной приверженностью, преданностью, идейностью). Внешняя религиозность, в свою очередь, рассматривается сквозь призму инструментальной, эгоистической мотивации к религиозной активности. Можно выделить внешнесоциальный и внешнеличностный факторы формирования внешней религиозности.

В работах Г. Олпорта и Дж. Росса был введен конструкт «непоследовательная прорелигиозность». К числу непоследовательно прорелигиозных людей исследователи относили респондентов, поддерживающих внешнюю и внутреннюю религиозность одновременно, т. е. тех индивидов, которые могут как быть религиозными, так и использовать религию в личных целях. В трудах Г. Олпорта и Дж. Росса нет четкой дефиниции этого конструкта, т. е. не определено то, что к нему относится. Л. Киркпатрик и Р. Худ отмечают, что непоследовательная прорелигиозность может быть третьим типом религиозной ориентации. Однако тогда при соотнесении этого типа с внешней и внутренней религиозностью возникает неопределенность [17]. Тем не менее этот конструкт затрагивает значимую часть респондентов, которую сложно однозначно отнести к числу лиц с внешней либо внутренней религиозностью. Также этот конструкт, являясь срединным значением, «разбавляет» дихотомическую концепцию Г. Олпорта, что способствует решению проблем типологии, указанных в рамках критических замечаний.

В то же время остается нерешенной проблема наполненности изучаемых типов религиозной ориентации. Предпринималось множество попыток ее решить, например попытка разделить типы религиозной ориентации на две категории – высокий и низкий типы. Однако при таком подходе теряется большое количество информации, редуцируются респонденты, выбирающие срединные значения. П. Бенсон предложил описывать религиозность разными способами. Так, индивидуально-охраняющую религиозность он противопоставлял общинно-строящей, личную религиозность – общинной, горизонтальную религиозность – вертикальной. По мнению А. Л. Киркпатрика и Р. Худа, данная модель, как и подобные ей модели, которые могут быть разработаны или уже разработаны, представляет собой перспективное решение перейти от дихотомии плохая религиозность – хорошая религиозность к более сложной динамической конструкции, в рамках которой возможно рассматривать индивидуальные различия в религиозности людей [17, с. 388]. Следовательно, может быть разработана модель, включающая качественные динамические характеристики, относящиеся к внешней и внутренней религиозности личности. С ее помощью возможно учесть респондентов, которые имеют характеристики как внешнего, так и внутреннего типа религиозной ориентации. Этот подход дает возможность разрешить критические противоречия. Однако необходимо определить характеристики для противопоставления, которые будут относиться к внешнему и внутреннему типам религиозной ориентации. П. Бенсон предложил разные интересные варианты характеристик, с помощью которых можно качественно изучать религиозность, однако нет данных об их отнесенности к внешней либо внутренней религиозности.

Стоит уделить внимание и взглядам С. Д. Бэтсона, который ввел новый аспект внутренней религиозности под названием «религия как поиск». Для индивидов, относящихся к религии как к поиску, характерны постоянное сомнение и поиск, вызванные как личными, так и общественными проблемами и противоречиями [21]. Подход С. Д. Бэтсона позволяет исследовать религиозность нерелигиозных индивидов, находящихся в поиске, в противовес концепции Г. Олпорта, в рамках которой подразумевается, что личность религиозна (в методике Г. Олпорта и Дж. Росса представлены вопросы о посещении

религиозных мест, религиозных действиях, что делает невозможным изучение нерелигиозных лиц).

Хоть С. Д. Бэтсон и выделяет аспект внутренней религиозности «религия как поиск», однако он не противопоставляет его такому же аспекту внешней религиозности. П. Бенсон предлагает множество других характеристик, которые можно соотносить с внешней и внутренней религиозностью. Такой подход может быть особенно полезен для изучения религиозности респондентов, проявляющих признаки обоих типов одновременно. Однако при таком рассмотрении открытым остается вопрос наполнения характеристиками внешнего и внутреннего типов религиозной ориентации.

Несмотря на критику, на данный момент концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта является одной из самых популярных. Устранить недостатки данной концепции можно путем внедрения качественных динамических характеристик, относящихся к внутренней и внешней религиозности, а также посредством выделения критериев для сравнения двух типов религиозной ориентации. Первым критерием для сравнения может быть зрелость, являющаяся предпосылкой для возникновения данной типологии и отражающая степень сформированности личностного качества, его глубину, вторым критерием – полезность, на котором основывается разделение религиозной ориентации на типы.

Следовательно, можно сделать вывод о большей религиозной зрелости внутренне религиозной личности ввиду опоры на истинные религиозные ценности, ценность религии. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры на религию как средство достижения личных целей.

На основе критерия полезности можно заключить, что внутренне религиозная личность, которая опирается на религию как самоцель, религию как поиск, будет характеризоваться смещением акцента с достижения целей на религиозный поиск. Внутренне религиозная личность фокусируется на истинно религиозных ценностях, либо религиозность для нее является толчком для разрешения личных и общественных противоречий. Такой индивид не считает религию средством достижения целей, удовлетворения потребностей. Внешне религиозная личность, в свою очередь, будет отличаться большей полезностью ввиду использования религии для достижения личных целей (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). В то же время внутренне религиозная личность считает ценностью религию саму по себе.

Таким образом, Г. Олпорт и Дж. Росс внесли большой вклад в развитие теории внешней и внутренней религиозности; с опорой на концепцию Г. Олпорта проведено множество эмпирических исследований. Внутренняя религиозность вносит в психологическое благополучие личности позитивный вклад, внешняя религиозность – негативный вклад [10]. В различных исследованиях отмечалась положительная взаимосвязь внутренней религиозности с эмпатией, внутренним локусом контроля, альтруизмом, психологическим здоровьем в целом, сложностью стиля атрибуции [25] и негативная взаимосвязь внутренней религиозности с депрессией [26]. В других работах указывается, что внутренне религиозные личности успешнее борются со страхом смерти по сравнению с внешне религиозными личностями, что возможно благодаря тому, что внутренне религиозная личность наделяет смерть смыслом [27]. С внешним типом религиозной ориентации положительно связаны активная защита своих взглядов, склонность к нетолерантности [28] и экстремизму [29]. В исследовании типа религиозной ориентации и индивидуальных психологических особенностей Т. В. Белых на основе анализа выборки студентов было выявлено, что внутренне религиозные индивиды более интровертированы, застенчивы и деятельны, они не желают самоутверждения и имеют склонность помогать окружающим. Внешне религиозная личность более экстравертирована, она имеет склонность к самоутверждению, может быть менее толерантной, более агрессивной и эгоцентричной [13]. Была отмечена и взаимосвязь внешнего типа религиозной ориентации с общим уровнем рефлексивности и дезадаптивными формами рефлексии (интроспекция и квазирефлексия) [30]. Ю. Ю. Джуад изучала взаимосвязь между религиозностью и психологической устойчивостью мусульман, проживающих в российских мегаполисах. Автор выявила, что более высокий уровень психологической устойчивости характерен для мусульман с внутренней религиозностью [31]. Можно заметить, что в исследованиях отмечаются не только различия в личностных качествах индивидов с разным типом религиозной ориентации, но и влияние типа религиозной ориентации на характер рефлексии, сознательность обращения внимания на мысли, эмоции, поведение, оценку решений, что, в свою очередь, воздействует на психологическую устойчивость. В данных характеристиках личности отражается дихотомия плохая религиозность – хорошая религиозность, лежащая в основе концепции Г. Олпорта, в рамках которой внешний тип религиозной ориентации условно связан с негативными характеристиками, а внутренний тип религиозной ориентации – с положительными характеристиками. Мы сделаем акцент на сравнении типов религиозной ориентации по выбранным критериям, постараемся описать характеристики этих типов на основе анализа различных исследований, не прибегая к положительным (отрицательным) показателям типов религиозной ориентации.

В исследовании Ю. В. Мишина выявлено, что внутренняя религиозность в числе других индивидуально типических особенностей личности способствует

развитию мотивации избегания неудач. Доминирующим мотивационным сценарием внутренне религиозных людей является уклонение от неприятностей, проявление неуверенности в успехе и наличии потенциала для достижения цели. Вместе с тем для людей, обладающих внешним типом религиозной ориентации, и нерелигиозных людей характерен ведущий мотивационный сценарий достижения успеха. Когнитивная сфера таких индивидов обычно содержит ожидание и субъективную уверенность в успехе. Они ставят перед собой определенную цель, выбирают средства ее достижения, организуют и направляют собственную деятельность [32]. Результаты исследования Ю. В. Мишина подтверждают наш вывод об опоре личностных черт, мотивов, установок, ценностей и мировоззрения внешне религиозных индивидов на полезность религиозных действий либо для себя, либо для социума, а также о том, что внутренне религиозной личности свойственны зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Зрелые религиозные черты могут быть связаны с избеганием неудач и неприятностей, неуверенностью в достижении цели, так как внутренне религиозные личности опираются не на достижение целей, личную или социальную эффективность, а на религию как самоцель.

В исследовании Р. А. Мизаева было отмечено, что чем выраженнее внешний тип религиозной ориентации, тем слабее способность справляться с кризисными и стрессовыми ситуациями, и наоборот. В ходе преодоления таких ситуаций лица с внутренним типом религиозной ориентации чаще используют копинг-стратегии, основывающиеся на проявлении эмпатии, социальной поддержке, отстранении от негативных мыслей [33]. Можно обобщить, что индивиды с внутренней религиозностью склонны избегать неудач, не уверены в успехе, достижении целей, но в тоже время они лучше справляются с кризисными и стрессовыми событиями, что дает возможность предположить наличие у них больших ресурсов для совладания с травматическим опытом. Индивиды с внешней религиозностью и нерелигиозные индивиды склонны достигать успеха, ставить цели и осуществлять деятельность по их достижению. Однако они хуже справляются с кризисными и стрессовыми ситуациями, что может свидетельствовать о недостатке ресурсов для адаптации к таким событиям.

Важно отметить, что для нахождения путей преодоления психотравмирующего опыта очень значимы психологические ресурсы. Для приспособления к новым жизненным обстоятельствам необходимо уметь преодолевать негативное воздействие психических травм. Религиозные ресурсы, включая религиозные убеждения, ценности, системы норм и правил, дающие защиту и безопасность, могут быть тем самым ориентиром, опорой для преодоления травматического опыта [7].

В рамках концепции Р. Янофф-Бульман психическая травма понимается как изменение базисных убеждений личности о доброжелательности окружающего мира, о его справедливости, а также о ценности и значимости собственного *Я* [34]. Впервые научно обоснованные представления о когнитивных механизмах формирования симптомов психической травмы были описаны М. Горовитцем. Он отмечает, что после травматического события за стадией протеста следует стадия включения новой информации в систему представлений индивида. Стоит отметить, что не всегда личность способна согласовать мысли и связанные с событием образы с предшествующими ментальными репрезентациями. Эта неспособность приводит к запуску защитных механизмов: замирания, отрицания, избегания. Однако у индивида есть потребность «примирить» дотравматические и посттравматические представления. И тогда, минуя защитные механизмы, в сознание проникают мысли, воспоминания о травматической ситуации, что в дальнейшем будет выступать основой формирования посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Чтобы адаптироваться к новой жизненной реальности, необходимо иметь достаточно ресурсов [34].

Психическая травма затрагивает картину мира человека. По мнению М. А. Падун и А. В. Котельниковой, картина мира – это совокупность базисных убеждений, представлений индивида о самом себе, внешней реальности, об отношениях между *Я* и внешней реальностью [34]. В соответствии с концепцией психической травмы Р. Янофф-Бульман выделяются такие базисные убеждения, как убежденность в благосклонности, справедливости и контролируемости мира; вера в доброту людей; убежденность в случайности происходящего; вера в ценность собственного *Я* и в удачу. Основной смысл концепции состоит в том, что личность стремится объяснять жизненные ситуации так, чтобы поддерживалась стабильность внутренней картины мира, которая служит опорой в меняющихся условиях жизни [34; 35]. Однако в социально-когнитивной теории Янофф-Бульман акцентируется внимание на том, что индивиды, пережившие травматические ситуации, имеют некий общий опыт – нарушенные представления (когнитивные схемы) о себе и о мире. Травматическое событие выходит за рамки привычных представлений личности. Преодоление травматического опыта возможно при наличии ресурсов, соприкосновении с разрушенными представлениями и их перестройке в целях дальнейшего функционирования индивида. Для личности важны размышления и работа по перестройке мировоззрения, переживанию травмы [36]. Ее картина мира претерпевает серьезные изменения. Ж. Пиаже ввел понятия «ассимиляция» и «аккомодация», которые объясняют воздействие травмы на когнитивные схемы. Ассимиляция – это включение нового объекта в уже существующие схемы действия. В процессе ассимиляции происходит редукция

нового опыта к уже имеющимся концептуальным структурам. Если новый опыт не полностью вписывается в существующие схемы, происходит аккомодация, т. е. перестройка когнитивных схем, их приспособление к новому опыту. По мнению Ж. Пиаже, чередование процессов ассимиляции и аккомодации обеспечивает когнитивное развитие личности [37]. Опираясь на знание о типах религиозной ориентации, можно предположить, что личность с внешней религиозностью будет более склонна к ассимиляции, так как такая личность склонна использовать религиозность для достижения своих целей, удовлетворения потребностей. Личность с внутренней религиозностью, в свою очередь, более склонна к внутренней перестройке когнитивных схем ввиду опоры на личные процессы, с помощью которых происходит удовлетворение потребностей такой личности.

Для реорганизации картины мира необходимы ресурсы, но не все характеристики личности способствуют изменению нарушенных представлений. Кроме того, психологическая травма оказывает глубокое воздействие на черты, самооценку, доверие, эмоциональную устойчивость, мировоззрение и ценности личности, а также повышает вероятность возникновения проблем в межличностных отношениях, депрессивных и тревожных расстройств ПТСР [38]. У личности после травматического события могут наблюдаться дезадаптационные процессы, эмоциональные проблемы (гнев, вина, раздражительность, ощущение себя жертвой), сложности с восприятием себя и социума. Все это усиливает виктимизацию личности [39].

На основе анализа множества эмпирических исследований внешней и внутренней религиозности личности (Г. Олпорт), представлений о картине мира (М. А. Падун и А. В. Котельникова), базисных убеждений и концепции психической травмы (Р. Янофф-Бульман) можно сделать вывод о наличии разных способов преодоления травматического опыта. Предположительно личность с внешней религиозностью будет склонна адаптироваться к такому опыту путем включения новой, посттравматической информации в дотравматические когнитивные схемы. Для такой адаптации необходимы личностные ресурсы, но, опираясь на массив вышеописанных исследований, можно заключить, что у индивидов с внешней религиозностью их недостаточно. После получения психической травмы при наличии ресурсов должна произойти адаптация к травматическому опыту. Недостаточность ресурсов косвенно подтверждается результатами исследования способности индивидов с внешней религиозностью справляться с кризисными и стрессовыми ситуациями. Кроме того, внешняя религиозность имеет отрицательную взаимосвязь с психическим здоровьем в целом, с психологическим благополучием, эмпатией, внутренним локусом контроля, альтруизмом, сложностью стиля атрибуции. Также существует исследование, в рамках которого выявлена связь данного типа религиозности с депрессией, являющейся серьезным последствием психической травматизации. Это исследование косвенно подтверждает наш вывод о менее качественных адаптации и функционировании личности с внешней религиозностью после травматического события. Кроме того, стоит отметить и меньшую успешность такой личности в борьбе со страхом смерти, ее склонность к дезадаптивным формам рефлексии (интроспекция и квазирефлексия) и нетолерантности. Нетолерантность, в свою очередь, препятствует изменению картины мира. Для изменения картины мира важно наличие ресурсов и соприкосновение с разрушенными представлениями личности. После такой реорганизации и происходит перестройка представлений для лучшей адаптации и дальнейшего функционирования индивида. Эти данные могут свидетельствовать о сложности включения информации о травматическом событии в дотравматические когнитивные схемы. Однако у лиц с внешней религиозностью есть неоднозначные качества, такие как активная защита своих взглядов, целеустремленность, экстравертированность, агрессивность и эгоистичность, склонность к самоутверждению.

Также можно заключить, что внутренняя религиозность способствует преодолению травматического опыта, так как она положительно коррелирует с психологической устойчивостью и благополучием, психическим здоровьем в целом, что свидетельствует о наличии необходимых ресурсов. Кроме того, можно сделать вывод о том, что внутренняя религиозность, выступающая более зрелым проявлением религиозности, сама по себе может быть ресурсом для совладания с травматическим опытом. Этот вывод основан на том, что личность с внутренней религиозностью лучше справляется с кризисными и стрессовыми ситуациями, которые не становятся для нее психической травмой. Также реорганизации картины мира способствуют и другие факторы, такие как наличие внутреннего локуса контроля, сложного стиля атрибуции, социальная поддержка. Кроме того, Г. Олпорт считал, что внутренняя религиозность содействует сохранению психического здоровья [40], ввиду чего для внутренне религиозных индивидов в меньшей степени характерно возникновение негативных последствий травмирующего опыта – депрессивных и тревожных расстройств, ПТСР. Исследования подтверждают успешность внутренне религиозной личности в борьбе со страхом смерти. Стоит отметить, что высокий уровень психологической устойчивости более характерен для лиц с внутренней религиозностью, что может говорить о стабильности схем их приспособления к различным жизненным событиям, включая травматические ситуации. Однако неоднозначными являются такие характеристики внутренне религиозных индивидов, как застенчивость, интровертированность, избегание неудач, неуверенность в успехе, недостаточная вера в наличие потенциала для достижения цели, которые мешают получению социальной поддержки. Отстранение от негативных

мыслей может препятствовать дальнейшей переработке травматического опыта у таких индивидов.

Таким образом, религиозность играет важную роль в формировании представлений о жизни, мире и себе, а также влияет на их реорганизацию для преодоления травматического опыта. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта на данный момент является самой популярной. На основе критических замечаний, высказанных различными исследователями в адрес данной концепции, мы выделили критерии для сравнения типов религиозной ориентации, а также определили характеристики внешней и внутренней религиозности личности, соотнесли их с представлениями о базисных убеждениях, изменением картины мира, спрогнозировали позитивные и негативные стороны в преодолении травматического опыта. Можно заметить, что в настоящем исследовании через набор уровней рассмотрения (когнитивный, эмоциональный, поведенческий уровни) религиозность личности описана с опорой на ее когнитивную сферу (убеждения, ценности). В связи с этим перспективным направлением для дальнейших исследований может стать сравнение внешней и внутренней религиозности с опорой на эмоциональный (переживания) и поведенческий (действия) уровни рассмотрения религиозности.

Заключение

Определено, что внутренне религиозная личность характеризуется большей религиозной зрелостью ввиду ее опоры на истинные религиозные мотивы, ценность религии. Внутренне религиозной личности характерны более зрелые религиозные черты, установки, ценностные ориентации, мотивы, мировоззрение и поведение. Внешне религиозная личность, в свою очередь, характеризуется меньшей религиозной зрелостью ввиду опоры не на внутренние качества, а на религию как средство удовлетворения нерелигиозных потребностей.

В ходе применения критерия полезности установлено, что внутренне религиозная личность, которая опирается на религию как самоцель, религию как поиск, характеризуется меньшей полезностью в контексте достижения целей. Такая личность фокусируется на истинно религиозных ценностях, либо религиозность является для нее толчком для разрешения как личных, так и общественных противоречий. Внутренне религиозный индивид не считает религию средством достижения целей и удовлетворения потребностей. Внешне религиозная личность же отличается большей полезностью ввиду использования религии для достижения своих целей (повышение уверенности, самооправдание, получение определенного социального статуса). Иными словами, ее личностные черты, мотивы, установки, ценности и мировоззрение опираются на полезность религиозных действий либо для себя (внешнеличностный фактор), либо для социума (внешнесоциальный фактор). В то же время внутренне религиозная личность считает ценностью религию саму по себе.

Выдвинуто предположение о том, что личность с внешней религиозностью склонна к ассимиляции, приспособлению путем включения нового опыта в существующие когнитивные схемы, поскольку такая личность использует религиозность для удовлетворения своих потребностей, а личность с внутренней религиозностью склонна к внутренней перестройке, модификации когнитивных схем для соответствия новому опыту ввиду опоры на внутренние процессы, с помощью которых она удовлетворяет свои потребности. Для внутренне религиозной личности религиозность является ресурсом для преодоления, переработки травматического опыта, реорганизации когнитивных схем. Опираясь на ценность религии, такая личность реконструирует базисные убеждения о доброжелательности окружающего мира, его справедливости, а также о ценности и значимости собственного *Я*. Религиозные ресурсы, включая религиозные убеждения, ценности, системы норм и правил, дающие защиту и безопасность, способствуют реорганизации картины мира, что подтверждает взаимосвязь внутренней религиозности с психологической устойчивостью и благополучием, психическим здоровьем в целом. Другие факторы, такие как наличие внутреннего локуса контроля и сложного стиля атрибуции, социальная поддержка, также создают условия для преодоления травматического опыта.

Внешне религиозная личность больше ориентирована на удовлетворение своих потребностей, для нее религиозность является средством, а не опорой, ценностью. Такая личность не имеет достаточно ресурсов для преодоления травматического опыта. Это утверждение подтверждается отрицательной взаимосвязью внешней религиозности с психическим здоровьем в целом, с психологическим благополучием, внутренним локусом контроля, сложностью стиля атрибуции. Этот тип религиозной ориентации имеет положительную связь с депрессией, которая является серьезным последствием психологической травматизации. Также для внешне религиозной личности характерна меньшая успешность в борьбе со страхом смерти, склонность к дезадаптивным формам рефлексии (интроспекция и квазирефлексия), которая играет ключевую роль в перестройке когнитивных схем и адаптации к новой реальности, и склонность к нетолерантности, которая препятствует изменению картины мира личности. Все это подтверждает сложность встраивания новой информации в существующие когнитивные схемы и свидетельствует не о переработке травматического опыта, а о действии защитных механизмов (замирание, отрицание, избегание), т. е. о недостаточности ресурсов для «примирения» дотравматических и посттравматических представлений индивида.

Библиографические ссылки

1. Чумакова ДМ. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология.* 2011;42:111–114. EDN: LNPEYX.

2. Донцов АВ. Психологическое исследование значения религии в развитии личности. *Гуманитарные науки*. 2023;1:158–163. EDN: DBSJES.

3. Чумаков МВ, Чумакова ДМ. Религиозность личности как ресурс субъективного благополучия в сложных жизненных ситуациях. В: Ершова ИА, редактор. *Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции; 6–7 апреля 2023 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 2023. с. 88–90. EDN: XJQJCW.

4. Хлопкова ОВ. Современные проблемы исследования религиозности. *Современные исследования социальных проблем*. 2012;9:47. EDN: PFLQCF.

5. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.

6. Gladding ST, Lewis EL, Adkins L. Religious beliefs and positive mental health. *Counseling and Values.* 1981;25(3):206–215.

7. Джеймс У. *Многообразие религиозного опыта*. Малахиева-Мирович ВГ, Шик МВ, переводчики; Лурье СВ, редактор. Москва: Наука; 1993. 431 с.

8. Maslow AH. *Religions, values and peak experiences*. New York: Penguin Compass; 1994. 123 p.

9. Фромм Э. *Психоанализ и религия*. Дванов А, переводчик. Москва: АСТ; 2023. 120 с.

10. Allport GW. *The individual and his religion.* New York: Macmillan; 1971. 170 p.

11. Allport GW, Ross JM. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology.* 1967;5(4):432–443. DOI: 10.1037/0022-3514.5.4.432.

12. Малахова ИА. Религиозная потребность. *Вопросы научного атеизма.* 1980;26:297–308.

13. Белых ТВ. Внешняя и внутренняя религиозность в структуре субъектных характеристик личности. *Межрегиональные Пименовские чтения.* 2016;13:345–348. EDN: LZKMVF.

14. Пищик ВИ, Лобачева АО. Особенности религиозности и веры представителей «информационного» и «нового» поколений. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):70–86. DOI: 10.17759/sps.2022130105.

15. Олпорт Г. *Становление личности: избранные труды.* Трубицына ЛВ, Леонтьев ДА, переводчики; Леонтьев ДА, редактор. Москва: Смысл; 2002. 461 с.

16. Hunt RA, King M. The intrinsic-extrinsic concept: a review and evaluation. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971;10(4):339–356. DOI: 10.2307/1384780.

17. Киркпатрик ЛА, Худ В. Внутренняя и внешняя религиозная ориентация: благословение или проклятие современной психологии религии. Медведева ЕН, Колкунова КА, переводчики. В: Колкунова КА, Малевич ТВ, составители. *Современная западная психология религии*. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; 2017. с. 359–395.

18. Kirkpatrick LA. A psychometric analysis of the Allport – Ross and Feagin measures of intrinsic-extrinsic religious orientation. *Research in the Social Scientific Study of Religion*. 1989;1:1–30.

19. Hoge DR. A validated intrinsic religious motivation scale. *Journal for the Scientific Study of Religion.* 1972;11(4):369–376. DOI: 10.2307/1384677.

20. Amon J, Yela MA. Dimensiones de la religiosidad. *Reuista de Psicologia General y Aplicada*. 1968;23:989–993.

21. Batson CD. Religion as prosocial: agent or double agent? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1976;15(1):29–45. DOI: 10.2307/1384312.

22. Batson CD, Ventis WL. *The religious experience: a social-psychological perspective*. New York: Oxford University Press; 1982. 356 p.

23. Donahue MJ. Intrinsic and extrinsic religiousness: review and meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985;48(2):400–419. DOI: 10.1037/0022-3514.48.2.400.

24. Иценко АГ, Король МА. Психологическая концепция религиозности Г. Олпорта – Дж. Росса и ее критика. *Научные тенденции*. 2020;5:79–86. EDN: ZXJBAA.

25. Watson PJ, Morris RJ, Hood RW. Attributional complexity, religious orientation, and indiscriminate proreligiousness. *Review of Religious Research*. 1990;32(2):110–121. DOI: 10.2307/3511759.

26. Smith TB, McCullough M, Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events. *Psychological Bulletin*. 2003;129(4):614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614.

27. Hui VK, Fung HH. Mortality anxiety as a function of intrinsic religiosity and perceived purpose in life. *Death Studies*. 2008;33(1):30–50. DOI: 10.1080/07481180802494099.

28. Едко ВА, Ляхов МС. Религиозность личности и толерантность в межличностных отношениях в философском и психологическом дискурсе. *Научные тенденции.* 2021;7:1–5.

29. Jonas E, Fischer P. Terror management and religion: evidence that intrinsic religiousness mitigates worldview defense following mortality salience. *Journal of Personality and Social* Psychology. 2006;91(3):553–567. DOI: 10.1037/0022-3514.91.3.553.

30. Добротворский ВА. Особенности рефлексивности лиц с внутренней и внешней религиозной ориентацией. В: Шаболтас АВ, редактор. *Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике. Сборник тезисов участников Международной научной конференции молодых ученых; 21–23 апреля 2021 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2021. с. 159–160. EDN: WKFDCD.

31. Джуад ЮЮ. Связь религиозности и психологической устойчивости у мусульман, проживающих в российских мегаполисах. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):203–231. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-203-231.

32. Мишин ЮВ. Мотивационные аспекты религиозной и нерелигиозной личности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018;61(часть 1):399–403. EDN: VPJQQQ.

33. Мизаев РА. Религиозность как фактор эмоционального благополучия российской молодежи (на примере православных и мусульман). *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(3):726–748. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748.

34. Падун МА, Котельникова АВ. *Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика*. Москва: Институт психологии РАН; 2012. 206 с. (Перспективы психологии). EDN: QCTFGB.

35. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumption after traumatic events: coping process and outcomes. In: Snyder CR, editor. *Coping: the psychology of what works*. New York: Oxford University Press; 1999. p. 305–323. DOI: 10.1093/med:psych/9780195119343.003.0014.

36. Магомед-Эминов МШ. Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы. *Теория и практика общественного развития*. 2014;17:202–207. EDN: SXZOBX.

37. Пиаже ЖВ. О механизмах «ассимиляции» и «аккомодации». *Психологическая наука и образование*. 1998;3(1):22–26.

38. Корешкова АС. Психотравма и формирование личности: влияние, последствия и методы преодоления. *Актуальные исследования*. 2024;5(часть 3):45–49. EDN: PVMXOZ.

39. Защиринская ОВ. Виктимизация личности при комплексных психических травмах. В: Белобрыкина ОА, Кошенова МИ, редакторы. *Современная реальность в социально-психологическом контексте. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; 17–18 марта 2021 г.; Новосибирск, Россия*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 2021. с. 194–206. EDN: FPXXEL.

40. Бреская ОЮ. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода. *Социологические исследования*. 2011;12:77–87. EDN: ONGKFV.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2025.
Received by editorial board 20.06.2025.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(06)+159.9(06)
Человек. Культура. Общество : сб. науч. ст. 22-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 апр. 2025 г. / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 1209 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/336454. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.10.2025, № 012327102025. Текст : электронный.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 22-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 159.9(06)+316.6(06)
Социально-психологические факторы межкультурной компетентности : сб. науч. ст. каф. соц. и организац. психологии Белорус. гос. ун-та / БГУ ; [редкол.: И. А. Фурманов (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 162 с., 15 с. ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/337892. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 01.12.2025, № 014901122025. Текст : электронный.

Сборник содержит научные статьи сотрудников, аспирантов и магистрантов кафедры социальной и организационной психологии и представляет собой результат коллективной работы в рамках темы НИР «Социально-психологические факторы развития межкультурной компетентности в цифровую эпоху» (№ ГР 20213119). Сборник адресуется научным и педагогическим работникам, аспирантам и магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется проблемами и перспективами современной социальной психологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Рубанов А. В. Мудрость книги «Наедине с собой. Размышления» Марка Аврелия 4
Курбачёва О. В. Особенности осмысления этнической проблематики в немецкой классической философии 11

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бачун А. В. Институт семьи в условиях системных рисков: конфуцианская альтернатива постмодернизму 20
Тан Юнбо. Теория коммуникативного действия и идея постсекулярного общества Хабермаса: критическая интерпретация в рамках китайской версии неомарксизма 26

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реутский А. С. Структура ценности как социального феномена 39
Чжао Лицзяфэн. Исследование социокультурных факторов снижения рождаемости на основе материалов опроса женщин 44
Савчук А. А. Количественная компонента динамики развития населения 51
Жешко Е. И. Феномен исторической памяти сквозь призму дисциплинарных подходов 59

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гур О. А, Клышевич Н. Ю. Иррациональные убеждения и социально-психологическая адаптация взрослых с хронической болью 69
Цюхай Е. И. Маркеры переживания эмоционального выгорания педагогами 79
Шарипова Д. Р. Внешняя и внутренняя религиозность личности с различным травматическим опытом 87

Аннотации депонированных в БГУ работ 97

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

Rubanau A. V. The wisdom of the book «Alone with myself. Reflections» by Marcus Aurelius..... 4
Kurbacheva O. V. Features of understanding ethnic problems in German classical philosophy..... 11

SOCIAL PHILOSOPHY

Bachun A. V. The family institution in the context of systemic risks: a Confucian alternative to post-modernism..... 20
Tang Yongbo. The theory of communicative action and the idea of a post-secular society by Habermas: critical interpretation in the Chinese version of neo-Marxism..... 26

SOCIAL RESEARCHES

Reutsky A. S. The structure of value as a social phenomenon..... 39
Zhao Li Jiafeng. A study of sociocultural factors in the decline of the birth rate based on a survey of women..... 44
Savchuk A. A. Quantitative component of population development dynamics..... 51
Zheshka Ya. I. The phenomenon of historical memory through the prism of disciplinary approaches... 59

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Gur O. A., Klyshevich N. Yu. Irrational beliefs and social and psychological adaptation in adults with chronic pain..... 69
Tsukhai K. I. Markers of emotional burnout experience in teachers..... 79
Sharipova D. R. External and internal religiosity of a person with various traumatic experiences..... 87

Indicative abstracts of the papers desposited in BSU..... 97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 1. 2026

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием «Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *С. Р. Пинчук*
Технические редакторы *И. С. Капустина, М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова, К. Ю. Башмур*

Подписано в печать 30.01.2026.
Тираж 25 экз. Заказ .

© БГУ, 2026

Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. No. 1. 2026

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology» published since 2007.
Until 2017 named «Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *S. R. Pinchuk*
Technical editors *I. S. Kapustina, M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Avchinnikova, K. Yu. Bashmur*

Signed print 30.01.2026.
Edition 25 copies. Order number .

© BSU, 2026